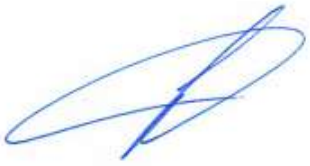
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ИНСТИТУТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

На правах рукописи



КАТОНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА

Специальность 5.2.3. – Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук
Пахомов Владимир Михайлович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.……4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА И МЕХАНИЗМА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ……...13
1.1 Эволюция формирования социально-экономической политики региона в условиях пространственной дифференциации ……...……13
1.2 Концепции пространственного неравенства и методический инструментарий оценки внутрирегиональных диспропорций ……....34
1.3 Пространственная типологизация как базис сценарного прогнозирования и дифференцированного регулирования развития регионов……. ……..….46
ГЛАВА 2. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ..60
2.1 Современные контуры социально-экономического развития региона……....60
2.2 Факторный анализ динамики социально-экономического развития региона…….……..…….81
2.3 Противоречия в оценках эффективности региональной социально-экономической политики.……...……107
ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА……...124
3.1 Актуальные направления совершенствования социально-экономической политики региона в условиях агломерационных процессов……...124
3.2 Развитие типологии муниципальных образований в механизмах пространственного регулирования…….……...130
3.3 Комплекс мер по совершенствованию социально-экономической политики региона на основе типологии муниципальных образований…….146

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……...175
ПРИЛОЖЕНИЯ……...210
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Результаты регрессионного анализа развития Московской области…….210
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Социально-экономические показатели муниципальных и городских округов Московской области…….…….....212
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Регрессионный анализ развития городских округов Московской области……..216
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Комплекс организационно-экономических мероприятий по совершенствованию социально-экономической политики региона ……..221
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Сценарный прогноз инвестиционной активности отдаленных территорий Московской области на период до 2030 года……...224
ПРИЛОЖЕНИЕ Е. Программный комплекс имитационного моделирования и нелинейной оптимизации пространственных параметров Московской области...226
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж. Динамика индексов бюджетных расходов и стимулирующих коэффициентов по округам Московской области в 2027–2036 гг……..……229
ПРИЛОЖЕНИЕ З. Макроэкономический эффект инвестиционный активности в стагнирующих округах Московской области…….……...231

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Масштабы и специфика российского экономического пространства предопределили пространственную неоднородность его развития. После распада плановой экономики СССР становление новых хозяйственных связей в России привело к усилению пространственной асимметрии. Из-за сложившихся особенностей расселения, различий в структуре производства и природно-климатических факторов траектории развития регионов оказались экономически и социально дифференцированными.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, неравномерное развитие территорий, а также нарастающая дифференциация регионов и муниципальных образований по уровню социально-экономического роста обозначены в качестве ключевых вызовов национальной безопасности. Объективные факторы поляризации по-прежнему предопределяют высокую структурную неоднородность экономического ландшафта страны.

Согласно макроэкономическим данным Росстата за 2024–2025 гг., межрегиональная дифференциация по уровню производства валового регионального продукта на душу населения достигла критического, более чем 70-кратного разрыва. При этом асимметрия по показателю среднемесячной номинальной заработной платы сохраняет 3,5-кратную разницу, отражая неравенство в распределении доходов.

Пространственно-экономические диспропорции приобретают свою специфику на уровне высокоурбанизированных регионов, где эффекты крупных городских агломераций приводят к стягиванию ресурсов в их центры и отставанию периферийных территорий.

Поиск научно обоснованных методов пространственного регулирования становится одной из первоочередных задач государства. Одновременно решение

экономических вопросов субъектного уровня находит отражение и в социальной сфере: при игнорировании этих взаимосвязей даже успешное преодоление производственных проблем не окажет заметного влияния на устойчивое развитие региональных систем, поскольку именно параметры уровня жизни населения определяют конечную эффективность принимаемых мер.

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость разработки оригинальных методических подходов и действенных инструментов региональной социально-экономической политики, ориентированных на принятие обоснованных научно-практических решений.

Степень научной разработанности темы. Научные направления и экономические школы уделяют особое внимание вопросам обустройства регионов, а также их пространственным характеристикам. Представители различных направлений используют сегодня широкий спектр методологических подходов для выявления закономерностей развития и устранения диспропорций социально-экономического положения регионов.

Значительный вклад в теоретические представления о региональной экономике, закономерностях размещения производительных сил и пространственной организации хозяйственного комплекса внесли зарубежные классики Ж.-Р. Будвиль, В. Кристаллер, П. Кругман, Х. Ласуэн, А. Лёш, Ф. Перру, П. Потье, И. Г. фон Тюнен, а также видные российские исследователи: Э. Б. Алаев, А. П. Горкин, Г. В. Гутман, Р. С. Лившиц, П. А. Минакир, Н. Н. Некрасов, Б. М. Штульберг и др.

Исследованию общетеоретических вопросов государственного стратегического планирования, формированию механизмов региональной социально-экономической политики, в том числе принципам функционирования территориальных экономических систем и поддержке инновационной деятельности посвящены труды Е. Г. Анимицы, В. С. Антонюка, Е. В. Беляковой, П. И. Бурака, Н. В. Веретеновой, А. Г. Гранберга, Л. В. Дмитриевой, С. В. Дохоляна,

П. А. Жданчикова, И. Н. Ильиной, В. К. Крутикова, В. М. Пахомова, Н. В. Полуяновой, Л. В. Смольяновой, А. В. Суворовой, И. Д. Тургеля и др.

Проблемы пространственной поляризации, территориального неравенства, методы измерения, оценка налогового потенциала, бюджетные механизмы преодоления межрегиональной и межмуниципальной асимметрии нашли детальное отражение в исследованиях И. А. Антипина, С. С. Артоболевского, М. Ю. Афанасьева, С. В. Беляева, Е. М. Бухвальда, В. В. Глинского, С. С. Гордеева, Н. В. Зубаревич, С. Г. Зырянова, А. В. Кольчугиной, О. В. Кузнецовой, В. Н. Лексина, В. Г. Ростанца, Л. К. Серги, А. В. Топилина, А. Н. Швецова и др.

Развитие городских агломераций, координация межмуниципального экономического сотрудничества и оценка результатов территориального планирования отражены в трудах Т. И. Зворыкиной, А. И. Кабалинского, Ю. В. Павлова, М. В. Панасюка, И. А. Рождественской, В. В. Шаймардановой и А. В. Шмидта.

Несмотря на фундаментальное значение трудов указанных исследователей, новые экономические вызовы и санкционное давление требуют обновления прикладных методов пространственного регулирования. Обострение проблем дифференцированного развития субъектов Российской Федерации, характеризующихся центр-периферийной поляризацией, а также диспропорциями инвестиционного и налогового потенциалов, обусловливает необходимость их дополнительного теоретического обоснования. Потребность в совершенствовании бюджетных механизмов и координации межмуниципальных связей в регионах с крупными агломерациями определила выбор темы, объекта, предмета и задач диссертационного исследования.

Цель исследования заключается в разработке теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию социально-экономической политики региона на основе дифференцированного подхода к преодолению пространственного неравенства.

Для достижения цели поставлены и решены **научно–практические задачи**:

1. Систематизировать теоретические трактовки региональной политики и обосновать методологические подходы к уточнению сущностного содержания социально-экономической политики региона в условиях пространственной дифференциации;

2. Обосновать необходимость модернизации механизмов государственного регулирования пространственного развития регионов и выявить диспропорции развития муниципальных образований под влиянием экономически доминирующего центра;

3. Разработать типологию муниципальных образований по уровню социально-экономического развития и пространственно-временному градиенту удаленности от ядра агломерации как основу для усовершенствования концепции социально-экономической политики региона;

4. Усовершенствовать методику распределения дотаций на регулирование бюджетной обеспеченности муниципальных образований на основе интеграции стимулирующего фискального регулятора для снижения пространственных диспропорций;

5. Разработать комплекс организационно-экономических мероприятий, направленных на реализацию дифференцированной социально-экономической политики региона на основе типологии муниципальных образований и с учетом агломерационных эффектов.

Объектом исследования является социально-экономическая политика региона в условиях внутренних диспропорций развития.

Предметом исследования выступают инструменты и механизмы пространственного развития в процессах формирования и реализации социально-экономической политики региона.

Теоретическая база исследования основывается на положениях классических и современных теорий пространственного и регионального развития, раскрывающих влияние размещения хозяйственной активности, территориальной концентрации, межмуниципальных связей и институциональных условий на

социально-экономическое развитие региона. В работе использованы положения теории размещения производства, теории центральных мест, теории полюсов роста, экономического районирования, новой экономической географии, кластерного анализа и институциональной теории.

Методологическая база исследования основана на применении общенаучных и специальных методов познания, включая воспроизводственный и кластерный анализ, методы сравнительного и факторного анализа, аналитических группировок и типологизации муниципальных образований, а также на аппарате экономико-математического моделирования и механизмах межбюджетного регулирования.

Информационно-статистическую базу исследования составили официальные данные Росстата и его территориальных органов, министерств и ведомств федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления. В работе использованы материалы Министерства экономики и финансов, Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области, а также Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл.

Научная новизна исследования состоит в обосновании дифференцированного подхода к реализации региональной социально-экономической политики на основе разработанной типологии муниципальных образований, адресного регулирования обеспеченности местных бюджетов и комплекса организационно-экономических мероприятий, направленных на обеспечение сбалансированного пространственного развития субъекта Российской Федерации.

Основными пунктами научной новизны, выносимыми на защиту, выступают следующие:

– уточнено содержание понятия «региональная социально-экономическая политика», трактуемого как скоординированная деятельность органов публичной власти по формированию долгосрочных целей и системы мер,

направленных на гармонизацию пространственного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с учетом эндогенных факторов и агломерационных эффектов при сохранении приоритета национальных интересов. Предложенный подход предусматривает позиционирование регионов как самостоятельных экономических систем со специфическими локальными факторами роста и центрами агломерационной активности, что позволяет при стратегическом планировании сосредоточить внимание на капитализации внутренних ресурсов, использовании эффектов урбанизации и развитии межтерриториальных связей для повышения конкурентоспособности территорий (п. 1.1 паспорта 5.2.3);

– обоснована необходимость модернизации механизмов государственного регулирования пространственного развития регионов с высокой локализацией капитала и населения. Доказана зависимость между сбалансированностью экономического пространства и скоростью затухания агломерационных эффектов в радиально-центрических системах расселения. Установлено, что за пределами зоны непосредственного влияния доминирующего центра положительный агломерационный эффект сменяется центростремительным оттоком ресурсов, усиливающим поляризацию удаленных территорий. Выявлен феномен сближения уровней оплаты труда центра и периферии, обусловленный локальным кадровым дефицитом, который вынуждает местных хозяйствующих субъектов повышать стоимость рабочей силы при сохранении низких показателей ее производительности (п. 1.9 паспорта 5.2.3);

– предложена типология муниципальных образований региона, выделяющая на основе пространственно-эконометрического моделирования четыре качественные группы локалитетов: территории ускоренного развития, каркасные, развивающиеся и стагнирующие территории. Факторные признаки группировки учитывают пространственный градиент удаленности округов от центра крупнейшей агломерации и плотность внутренних хозяйственных связей, что обеспечивает объективную основу для дифференциации региональной

социально-экономической политики и наиболее рационального распределения ресурсов (п. 1.9 паспорта 5.2.3);

– модифицирована методика преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов посредством дифференцированного подхода к бюджетной обеспеченности муниципальных образований. За счет интеграции в формулу индекса бюджетных расходов стимулирующего фискального регулятора предложен инструмент перераспределения эффектов пространственной концентрации капитала и населения. Более гибкая модель региональной поддержки повысит конкурентоспособность удаленных от центра агломерации территорий, что обеспечивает сглаживание межмуниципальной асимметрии в уровне и качестве жизни населения (п. 1.11 паспорта 5.2.3);

– усовершенствована концепция формирования социально-экономической политики региона на основе внедрения типологии территорий. Разработан Комплекс организационно-экономических мероприятий, дифференцированный по макроструктурным типам пространственных систем. Предложенный подход базируется на адаптации режимов финансово-бюджетных и планово-инфраструктурных инструментов субъекта под условия конкретных локалитетов: от частичного изъятия избыточных эффектов концентрации капитала в урбанизированном ядре до стимулирования реструктуризации неэффективно используемых промышленных территорий и вариативного субсидирования развития инфраструктуры на периферии. Реализация разработанных мер обеспечивает переход органов публичной власти от реактивного покрытия дефицитов местных бюджетов к проактивному сценарному маневрированию в горизонте планирования национальных целей развития РФ, балансируя экономическую эффективность центров роста с производственным потенциалом периферии (п. 1.11 паспорта 5.2.3).

Соответствие полученных результатов Паспорту научной специальности ВАК. Область диссертации соответствует Паспорту научной специальности: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная

экономика) в части пунктов: п. 1.1. Теории пространственной и региональной экономики; п. 1.9. Проблемы региональной социально-экономической дифференциации. Инструменты сглаживания региональных диспропорций в национальной экономике. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов; п. 1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных подходов к формированию социально-экономической политики региона через типологию входящих в него территорий. Выводы диссертации могут служить теоретической базой для совершенствования механизмов пространственного регулирования и устранения диспропорций развития на региональном и муниципальном уровнях.

Практическая значимость исследования состоит в усовершенствовании методик, формировании конкретных предложений и рекомендаций федеральным и региональным органам власти для обеспечения устойчивого развития субъектов РФ и муниципальных образований в условиях агломерационной экономики.

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность следующих организаций: Администрация городского округа Мытищи Московской области, Управление социально – экономического развития; Администрация Муниципального округа Алексеевский; Аппарат совета депутатов Муниципального округа Северное Медведково; Администрация «Управа Ярославского района», используются в учебном процессе Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации».

Степень достоверности и апробация результатов основывается на: использовании широкого перечня общенаучных и специальных методов исследования; наиболее значимых исследованиях российских и зарубежных ученых; информационной базе органов государственной статистикой, результатах эмпирических исследований соискателя. Выводы и рекомендации апробированы

внедрением в практику государственного управления ЦФО и включены в учебный процесс высшего учебного заведения. Научные результаты исследования опубликованы в ведущих рецензируемых периодических изданиях и получили одобрение на научно-практических конференциях и форумах: LXXIX Международная научно-практическая конференция «Научный форум: экономика и менеджмент» (Москва, 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 2024 г.); XIV Международный форум «Россия и Большая Евразия в XXI веке: модели влияния глобальных изменений и перспективы устойчивого развития» (Москва, ЦЭМИ РАН, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «Система “наука – технологии – инновации”: методология, опыт, перспективы» (Минск, 2026 г.).

Публикации. Основное содержание и результаты диссертационного исследования отражены в 24 научных публикациях автора общим объемом 10,05 п.л. (авторский вклад — 8,65 п.л.), в числе которых 11 статей опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, общим объемом 4,67 п.л. (авторский вклад — 3,87 п.л.). В них отражены результаты исследования, составляющие его новизну.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации включает в себя введение, основную часть, состоящую из трех глав, заключение, где изложены все полученные выводы и научно-практические рекомендации, список литературы, включающий 255 источников, и 8 приложений. Итоговый объем диссертации составляет 231 страницу, рукопись содержит 37 таблиц, 21 рисунок, 11 формул.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА И МЕХАНИЗМА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

1.1 Эволюция формирования социально-экономической политики региона в условиях пространственной дифференциации

В актуальных условиях глобальных геополитических изменений Российская Федерация (далее – РФ) сохраняет статус одного из главных участников мирового хозяйства. Будучи крупнейшим по площади государством мира (свыше 17 млн кв. км), Россия поддерживает сбалансированность международных рынков за счет технологического партнерства со странами на разных континентах и масштабных поставок базовых товаров. На долю страны приходится около 10% мировой добычи нефти и около 17–18% глобального производства природного газа. Немаловажно участие России в обеспечении мировой продовольственной безопасности, где наша страна стабильно занимает первое место по экспорту зерновых, в частности пшеницы, отгружая около 20% объема его глобального рынка. Значительная доля рынка за Россией и в сегменте черных и цветных металлов (в том числе 18%-20% мирового экспорта никеля премиальных марок (*Class I*), лидируем в поставках палладия и алюминия) [221]. Вместе с тем, устойчивость внешнеэкономических позиций и суверенитет страны зависят от прочности государственного устройства и экономической связности регионов.

Под регионом в контуре настоящего исследования понимается территориально организованная социально-экономическая система, обладающая определённой ресурсной базой, отраслевой структурой, институциональной средой, инфраструктурой и системой внутренних экономических связей. Это означает, что регион (он же субъект) выступает объектом государственной

политики и самостоятельной средой формирования предпринимательской активности, инвестиционных процессов и производственных отношений.

Российское экономическое пространство невозможно рассматривать как однородный массив. Современная Россия — сложная, территориально разнородная Федерация из 89 субъектов, чей хозяйственный каркас был заложен еще в советский период [41;76]. Существующая сеть межрегиональных связей до сих пор опирается на структуру территориально-производственных комплексов (ТПК) и промышленных узлов по решениям правительства и Госплана СССР на принципах технологической взаимозависимости.

С переходом в 1991 году к рыночной экономике и распадом социалистической модели экономики и межрегиональной кооперации, экономическое единство подверглось изменениям. В отсутствие прежних регуляторов рыночные силы начали локализовать трудовые и промышленные ресурсы по большей части в крупных агломерациях и сырьевых районах новой России. Это привело к упадку многих старопромышленных и аграрных районов, которые ранее являлись лидерами народнохозяйственного комплекса.

Понятием, отражающим пространственную концентрацию населения и производств, выступает «агломерация» (от лат. agglomero – присоединять, накапливать). Термин ввёл в общее употребление в 1973 г. французский географ М. Руже, определяющий агломерацию как процесс вовлечения деревень и посёлков в работы, не связанные с сельским хозяйством, за пределами территориальных границ. К настоящему времени существует множество самых разнообразных и порой противоречивых формулировок, но в сущности они имеют одинаковую трактовку городской агломерации как компактного объединения поселений в группу с развитыми связями (транспортными, трудовыми, рекреационными, культурными и др.) [128].

В работе «Рост городов в XIX столетии» американский статистик и экономист Адна Феррин Вебер впервые ввел термин, изучая локализацию населения в крупных городах. Согласно Вебер, основным фактором,

способствовавшим сосредоточению населения в городах, являлись экономические (структурные) силы, такие как разделение труда, торговля, инновации и сопутствующие рыночные институты [36].

Немецкий экономист и социолог Альфред Вебер в работе «О размещении промышленности: чистая теория штандорта» еще в начале XX века исследовал транспортный, трудовой и агломерационный факторы размещения промышленных предприятий и фабрик. Вебер отмечал «притягательную силу крупного производства для предприятий меньшего масштаба, и в этом отражалась главная функция агломерации. Кроме того, ученый предложил следующие факторы, влияющие на образование агломерации:

- производственная масса;
- ставка транспортного тарифа;
- штандортный вес» [37].

Анализируя вышесказанное, можно утверждать, что в начале XX в. под агломерацией в настоящем диссертационном исследовании следует понимать компактное скопление промышленных предприятий на ограниченной территории, но на современном этапе под агломерацией следует понимать «компактное расположение, группировка городских поселений, объединенных в единое целое интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными связями» [30].

В указанной трактовке группа поселений (включая города-спутники или сателлиты) территориально близки или административно присоединены к центру агломерации (ядро агломерации), однако стоит учесть, что в научном сообществе отсутствует консенсус касаемо границ агломераций и их структурных характеристик.

Что же касается агломерационных эффектов, то основоположником неоклассической экономической школы Альфредом Маршаллом в работах конца XIX века были описаны базовые преимущества от сосредоточения ресурсов

экономических агентов в границах крупных городов и их окраин. Ученый определил три ключевые агломерационные силы:

1. Денежные экстерналии. Возрастающая отдача от масштаба и сокращение транспортных издержек.

2. Экстерналии человеческого капитала. Локализация предприятий привлекает потенциальных работников разных профессий, что создает единый кадровый рынок.

3. Технологические экстерналии. Взаимодействие предприятий, обмен накопленным опытом и инновационными знаниями приводит к повышению производительности» [129].

Дополнили теорию агломерационных эффектов А. Маршалла американские исследователи К. Эрроу и П. Ромер.

В экономической литературе эффекты К. Эрроу [255] и П. Ромера [255] именуются MAR-эффектами, в честь вышеуказанных исследователей: Маршалла, Эрроу, Ромера или эффектами кластеризации, относящимися к первому типу эффектов агломерации. Эти эффекты отличаются тем, что аккумуляция фирм и трудовых ресурсов в определенном географическом районе способствует увеличению производительности и распространению инноваций.

Второй тип агломерационных процессов представлен эффектами урбанизации, или внешними экстерналиями Дж. Джекобс [243]. Их комплексная природа выражается прежде всего в диверсификации локальных рынков, качественном улучшении городской инфраструктуры, ускорении диффузии инновационных знаний и росте совокупной производительности труда. По сути, оба типа эффектов характеризуют факторы совместного размещения предприятий.

Ключевое отличие эффектов кластеризации заключается в территориальной концентрации предприятий смежных отраслей, тогда как при эффектах урбанизации территориальное сближение производственных мощностей компаний происходит независимо от их отраслевого профиля. К положительным факторам влияния на региональную экономику, как агломерационного ядра, можно отнести:

1. повышение спроса на отдельные товары и услуги местного производства со стороны административного центра;
2. снижение издержек доступа к новым знаниям;
3. увеличение скорости инновационных введений;
4. развитие девелоперских и инфраструктурных проектов в городах-сателлитах.

Отрицательное влияние урбанизации административного центра на экономику территорий региона:

1. межмуниципальные диспропорции в развитии региона;
2. дисбаланс инвестиций в пользу ядра агломерации;
3. неравномерные условия формирования конкурентной среды в регионе;
4. сложность доступа для периферийных хозяйствующих субъектов к финансовым ресурсам;
5. маятниковая миграция квалифицированных кадров в столицу региона.

Сосредоточение населения в крупных городах и нарастание негативных агломерационных эффектов переводят проблему сбалансированности укорененных территорий в поле национальной безопасности, поскольку наблюдаемое сегодня центр-периферийное или агломерационно-периферийное расслоение стимулирует механизмы внутреннего сжатия с процессами сокращения потенциала человеческого капитала и оттоком квалифицированных кадров с окраин в ядро агломерации (феномен маятниковой миграции [157]). Это создает опасные системные риски для экономической связности территорий России с ее колоссальной протяженностью. Сглаживание неравенства предполагает внедрение новых, современных административных решений, направленных на адаптацию унаследованного со времен СССР районирования и расселения к реалиям XXI века.

В модели российского федерализма основная фискальная и административная нагрузка по модернизации лежит в основном на субфедеральном уровне, например, регионы формируют свыше 75% расходов консолидированного бюджета на базовое образование [231]. Именно субъекты

Федерации сегодня связывают элементы общественного воспроизводства создавая почву для развития человеческого капитала и абсорбируя государственные ресурсы. Фактически это обеспечивает рост национальной экономики, которая находится в прямой зависимости от социально-экономической стабильности и приспособительных возможностей субъектов страны.

Необходимо подчеркнуть, что изучение пространственной специфики РФ традиционно опиралось на особенности уникального природного потенциала страны, но реальное состояние российской экономики демонстрирует серьезные межрегиональные диспропорции. Причем на долю всего нескольких российских субъектов-лидеров (включая Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) приходится более 50% совокупного валового регионального продукта (далее – ВРП) [224].

Объяснить структурные перекосы в положении регионов нельзя банальной ссылкой на разницу в природно-географических условиях [110]. Очевидно, что и ресурсная обеспеченность территорий, как трудовая, так и промышленно-технологическая, не менее влиятельны. Сверхсосредоточение производства на отдельных территориях РФ и неравномерная урбанизация отражаются в том числе и на демографических трендах. Человеческий капитал и экономическая активность аккумулируются преимущественно в границах мегаполисов.

Сравнительные сведения изменения численности населения по полярным категориям городов России за последние четверть века подтверждают динамику нарастания урбанизационных процессов (таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Динамика изменения численности населения по полярным группам городов Российской Федерации в 2000–2026 гг.

Категория городов	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2026 г.
Города-миллионники	100,0%	101,6%	107,9%	126,2%	131,7%	138,1%
Справочно: население группы, млн чел.	*25,2*	*25,6*	*27,2*	*31,8*	*33,2*	*34,8*
Города до 100 тыс. жителей	100,0%	97,8%	95,2%	92,6%	90,8%	88,9%
Справочно: население группы, млн чел.	*27,1*	*26,5*	*25,8*	*25,1*	*24,6*	*24,1*

Источник: составлено автором на основе [231]

За исследуемый период совокупное население городов-миллионников выросло на 38,1% — в том числе за счет агломерационной локализации. Малые и средние города с численностью жителей до 100 тыс. чел. столкнулись с затяжным демографическим спадом, потеряв 11,1% населения. Численные диспропорции характеризуются качественными и в то же время структурными различиями исследуемых урбанизированных территорий, агломерации агрегируют массу трудовых ресурсов и обладают достаточным производственным потенциалом, развитым третичным и четвертичным секторами экономики (транспорт, логистика, финансы, страхование, R&D и т.п.), что превращает их в превалирующие экономические ядра и создают мощный импульс для диффузии инноваций [120]. Напротив, удаленные муниципальные образования с центрами округов менее 100 тыс. чел. находятся в условиях довольно ограниченного набора отраслей и сфер экономики; вследствие кадрового и инвестиционного дефицита подобные территории оказываются неспособны к передаче инвестиционных и инновационных импульсов на периферийные локалитеты. Здесь пространственные диспропорции проявляются особенно остро.

Наиболее выраженная одноядерная модель пространственной поляризации исторически характерна для северных сырьевых регионов. Ярким примером служат материалы ФАНУ «Востокгосплан», обнаружившие в начале текущего десятилетия (2020–2022 гг.) заметные структурные дисбалансы в Магаданской области, где при уровне урбанизации в 96,1% наблюдалась (и тренд на сегодняшний день сохраняется) локализация экономической активности в границах единственного административного центра – г Магадана, в котором сосредоточено до 74,2% постоянного населения области и работает свыше 82% действующих предприятий. Остальная часть регионального социально-экономического комплекса подвержена продолжительному демографическому и экономическому спаду, выражающемся в инфраструктурной оторванности (до 79% протяженности дорог общего пользования не были обеспечены сотовой связью) и дефиците трудовых ресурсов [232].

Схожие по экономической природе, но противоположные по демографическим факторам процессы стягивания капитала и населения отмечены в Южном и Северо-Кавказском макрорегионах. Например, в Республике Дагестан рост Махачкалинско-Каспийской агломерации привело к тому, что в ней сегодня проживает около 30% населения республики (свыше 1 млн чел.) [231] и агрегируется основной платежеспособный спрос, в то время как горная периферия теряет экономическую активность [207]. Аналогичный моноцентрический сдвиг с локализацией бизнеса и кадров в границах столицы (при снижении социально-экономических параметров малых территорий) характерен для Назрань-Магасской урбанизированной зоны Ингушетии [80] и Краснодарской агломерации. Это подтверждает универсальный характер пространственной поляризации, при которой агломерационные эффекты в регионах разного типа могут носить негативный характер для приграничных территорий [69], блокируя механизмы рыночной самоорганизации и требуя обособленного, выверенного методологического инструментария при разработке социально-экономической политики регионального формата [84].

Значимость преодоления существующей неравномерности экономического пространства и обоснованного регулирования официально были закреплены ранее в ряде основополагающих федеральных документов стратегического проектирования. Базовые принципы обеспечения национальной безопасности за счет сбалансированного пространственного развития и снижения межрегионального неравенства были заложены в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Конкретные социально-экономические цели и задачи по развитию городских агломераций с учетом максимального смягчения межрегионального расслоения регламентированы Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (с учетом последующей пролонгации и актуализации ее параметров в рамках

обновленного горизонта планирования), Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», заложившим основу долгосрочных механизмов межбюджетного и субрегионального регулирования.

Контекст актуальных государственных интересов подразумевает взгляд на региональную политику не как на статичную систему распределения ресурсов, а как современный механизм координации властей в союзе «национальная экономика-регионы». Реализация плановых ориентиров пространственного развития развивает методологию сибирской школы стратегического планирования. Научный вклад в процесс вносят труды С. А. Суспицына. Исследовательский проект «СИРЕНА» и развернутые на его платформе Комплекс иерархических прогнозных расчетов направлены на поиск компромиссов между задачами роста национальной экономики без усиления межрегионального неравенства [66].

Глобальный масштаб и схожие с Россией риски нарушения пространственной связности регионов подтверждаются зарубежной практикой стран в контуре БРИКС+. Опыт развития Китайской Народной Республики (КНР) подтверждает приоритетность балансировки развития территорий. Для ликвидации социально-экономического разрыва между урбанизированными прибрежными провинциями Восточной части страны (такими как Гуандун или Цзянсу) и отстающими Западными регионами (Ганьсу, Хэйлунцзян и т.д.), правительством КНР запущена программа «Большое освоение Запада», нацеленная на выравнивание территорий через избирательное субсидирование крупных инфраструктурных проектов [237].

Практика КНР доказывает ограниченность чисто рыночных либеральных инструментов на столь обширных территориях, что требует непосредственного участия государственных структур в регулировании региональной экономики. Целевое софинансирование опорных промышленных центров становится для Китая основой устранения пространственных диспропорций.

Аналогичным вектором пространственной децентрализации следует Республика Индия, где реализуется «Программа развития приоритетных районов» (*Aspirational Districts Programme*), в рамках которой государственное регулирование отказалось от унифицированных шаблонов и перешло к таргетированной финансовой и технической поддержке 112 наиболее экономически незащищенных округов страны на основе многофакторного мониторинга внутреннего потенциала.

Анализ регуляторных инструментов партнеров по БРИКС+ убедительно показывает схожесть рисков возникновения поляризации для крупных государств и доказывает необходимость перехода от традиционных либеральных доктрин саморегулирования рынков к избирательным экономическим шагам по государственной поддержке отстающих районов [211].

Территориальная сбалансированность на уровне региона, помимо гармонизации экономического пространства, важна в том числе и по следующей причине. Современная Россия, несмотря на рост городов (особенно европейской части страны), существенно отстает от ведущих стран мира по численности и уровню развития агломераций, имеет более низкие показатели развития транспортной инфраструктуры: плотность автодорожной сети: США – 66,7 км на 100 км², Германия – 180 км на 100 км², Франция – 198,3 км на 100 км², Австрия – 136,6 км на 100 км², Россия – 6,4 км на 100 км² [221]. В то же время, среднее расстояние между крупными городами (свыше 100 тыс. жителей) в России составляет около 150 км., при этом в Западной Европе этот показатель составляет 20-30 км.

Крупнейшие агломерации европейских стран, такие как Париж, Берлин, Мадрид, Рим, Милан, Афины, Будапешт, Прага, Варшава, Рур и т.д. создают плотную сеть полюсов роста, что дает возможность развитию периферийных территорий Евросоюза. Но как было указано выше, уровень развития пространственной организации в России уступает европейским странам по ряду характеристик. В итоге достаточно низкая плотность городов (0,65 на 10 тыс. км².,

кроме Московской области – 16 на 10 тыс. км².), значительная удаленность агломераций друг от друга создают на периферии агломераций опасные «разрывы», нарушающие единство экономического пространства страны.

Основной причиной нарастания пространственного неравенства служит сосредоточение хозяйственной деятельности в локусах, обладающих выраженными сравнительными преимуществами. В теории новой экономической географии П. Кругмана указанная асимметрия детерминирована действием факторов «первой природы» (богатство природными ресурсами, географическое положение) и «второй природы» (агломерационный эффект, качество человеческого капитала и институциональная среда) [247].

Адаптируя положения к отечественным реалиям, А. А. Аузан, С. С. Гордеев и Н. В. Зубаревич показывают, что сверхцентрализованная система управления (*path dependence*) со времен СССР вступает в противоречие с объективными пространственными трендами [82; 106; 107]. Гармонизация за счет перераспределения сырьевой ренты гарантирует краткосрочный эффект, но образуя зависимую дотационную экономику в стране.

Оценивая существующую инерционность отечественного ландшафта, Н. В. Зубаревич подчеркивает, что «пространство очень инерционно, поэтому выбор направлений, стимулирующих модернизацию, ограничен для России достаточно узким “коридором возможностей”» [114; 115]. Выявленная специфика закрепляет объективные предпосылки для роста бюджетной дотационности регионов, препятствуя преодолению барьеров роста без качественного изменения институциональных условий.

По мнению М. В. Гречко и М. А. Булгарова, для преодоления пространственных барьеров предполагается полный отказ от неэффективной «политики одного шаблона» и перехода к гибким региональным стратегиям, учитывающим в первую очередь уникальную специализацию и демографический профиль территорий России [58].

В работах В. Н. Лексина и А. Н. Швецова убедительно обосновано, что государственное регулирование должно эволюционировать от привычного пассивного администрирования, с ориентацией преимущественно на компенсацию бюджетных дефицитов постфактум, к активным и проработанным институциональным условиям. Развивая этот тезис, авторы справедливо пишут, что «указанные проблемы характеризуют переход от организации пространства "по-советски" к ее современному формату, и бороться с ними контрпродуктивно, поскольку это будет означать консервацию пережитков старого порядка и мешать формированию новых пространственных пропорций» [146].

В классических работах известных методологов пространственной экономики П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко [149] утверждают, что решение вопроса лежит в плоскости обдуманного и долгосрочного прогнозирования, поскольку ученые убедительно доказывают несостоятельность ситуативного реагирования на проблемы роста территорий и попыток пассивного приспособления к изменениям социально-экономических статусов регионов. В свою очередь, в трудах П. И. Бурака, В. Г. Ростанца, А. В. Топилина и А. И. Кабалинского [91; 92] государственные субсидии и дотации следует увязывать с проектами по модернизации социальной и инженерной инфраструктуры субъектов РФ. Подобный взгляд на фискальное администрирование территорий снижает инфраструктурные риски крупных инвесторов, стимулирует развитие МСП, а также обеспечивает окупаемость капитальных вложений в строительные проекты.

По мнению И. А. Рождественской и В. Л. Тамбовцева успех в реализации социально-экономической политики регионального уровня связан с несовершенством практик в нормативно-регуляторной среде самих органов власти. Административные решения зачастую сопровождаются расхождениями в смысловом понимании регламентирующих документов. Десинхронизация восприятия управленческих решений носит вполне объективный характер и кроется не только в административной некомпетентности менеджмента, а скорее в структуре модели «принципал-агент» [173; 174].

Следовательно, государственное регулирование региональной экономики может сопровождаться ошибками или двусмысленной трактовкой нормативной базы. Безусловно, риск осознанного оппортунизма со стороны менеджмента возможен, что чаще всего выражается в искажении статистических отчетов. Подобное поведение обусловлено желанием местных властей занизить свой налоговый потенциал для сохранения федеральных либо региональных субсидий и дотаций.

Проблема отчасти решается развертыванием сетевой модели администрирования. Распределение властных полномочий регулятора смещает директивное управление в плоскость межмуниципальных отношений. Кооперация между территориями и активное взаимодействие губернаторов и глав администраций переводят внешние экономические стимулы во внутренние факторы роста, что положительным образом сказывается как на развитии подчиненных территорий, так и на смягчении негативных агломерационных эффектов. Механизм межтерриториального взаимодействия четко виден при проектировании логистических хабов в Московской области на пересечении ЦКАД с радиальными магистралями (к примеру, ТЛЦ «Белый Раст» в Дмитровском г. о., ТЛЦ «Электроугли» и ТЛЦ «Селятино»). Вынос складских площадей из столицы создал в муниципалитетах области перспективные точки роста [96].

Тем не менее риски недопонимания и открытого сопротивления (так называемый феномен NIMBY — Not In My Back Yard / «Только не на моем заднем дворе») заставляют специалистов в области государственного менеджмента детально исследовать регуляторные ограничения и переосмыслить природу взаимодействия федеральной власти и органов местного самоуправления.

Разнообразие концепций и методик пространственного регулирования создает научную дискуссию о целях и границах государственного вмешательства в развитие регионов. Систематизация взглядов на анализ региональной политики в контексте экономики и социальных элементов представлена в таблице 1.2.

Таблица 1.2 – Подходы к исследованию сущности и содержательных границ региональной социально-экономической политики (в пространственном контексте)

Представители	Сущность определений
Н.Н. Некрасов	Трактует региональную политику как планомерную систему по реализации экономического потенциала территорий с учетом общехозяйственных и политических задач государства.
Б.М. Штульберг, В.Г. Введенский	Определяют региональную политику как целенаправленную деятельность органов государственной власти по обеспечению оптимального развития регионов и решению межрегиональных проблем.
В.Н. Лексин, А.Н. Швецов	Рассматривают региональную политику в качестве системы намерений и действий, обеспечивающих реализацию государственных и региональных интересов.
Л.Н. Еремеева, Е.Л. Плисецкий	Характеризуют региональную политику через совместную деятельность граждан, органов государственной власти и местного самоуправления по выработке приоритетных целей и задач территориального развития.
С.С. Артоболевский	Рассматривает региональную политику как направленную деятельность властей по территориальной организации общества с целью улучшения динамики обустройства регионов.
Э.Б. Алаев	Описывает как деятельность органов управления, направленную на регулирование экономического, социального и политического развития страны в пространственном контексте.
А.Я. Лившиц, А.В. Новиков, Л.В. Смирнягин	Внимание сосредоточено на деятельности государства по перераспределению ресурсов между различными территориями для достижения макроэкономического баланса.
В.Л. Бабурин, Ю.Л. Мазуров	Определяют региональную политику как дифференцированную систему администрирования, учитывающую географические, природные и социальные особенности территорий страны.
Е.Г. Анимица	Рассматривает ее как процесс создания органами власти и другими акторами условий для саморазвития территорий при соблюдении баланса национальных, региональных и местных интересов.
О.В. Леонова	Обосновывает содержание социально-экономической политики в пространственном аспекте как комплексного регуляторного механизма государства, направленного на переход к инновационно-воспроизводственному типу развития и ценностно-ориентированную модернизацию регионов.

Источник: составлено автором на основе [54; 75; 146; 112; 208; 31; 149; 34; 78; 148]

Для описания процессов государственного регулирования разработана структурно-функциональная модель с учетом действующих нормативно-правовых механизмов (рисунок 1.1).

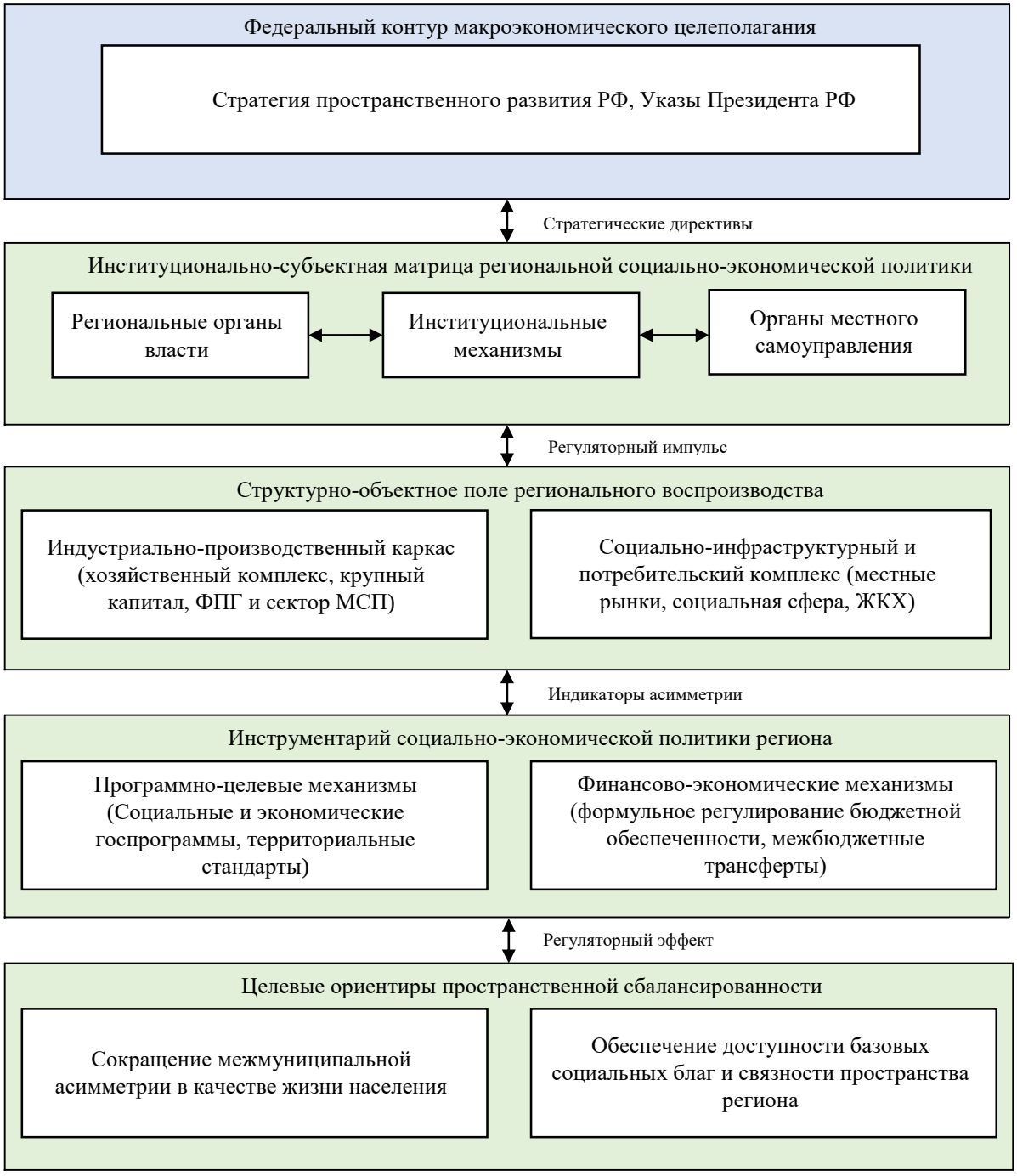


Рисунок 1.1 — Структурно-функциональная модель механизма реализации региональной социально-экономической политики

Источник: составлено автором на основе [5; 10; 26]

Архитектура модели построена на принципах государственного регулирования, закрепленных в статье 8 Конституции РФ (принципы единства экономического пространства и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств), Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 4146-р) (далее — Стратегия пространственного развития РФ) [27], принятой в развитие базовых положений предшествующей Стратегии пространственного развития на период до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ № 207-р), и Указе Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», на регламентах Министерства экономического развития РФ по распределению дотаций на регулирование бюджетной обеспеченности субъектов [18].

Понятийный аппарат отечественной регионалистики лег в основу описания всей нормативной иерархии. Производственный и инфраструктурный блоки полностью согласуются с принципами размещения производительных сил Н. Н. Некрасова и Б. М. Штульберга [54; 74]. Объектное поле раскрывается через категории Э. Б. Алаева, а субъектное взаимодействие можно увидеть в исследованиях Е. Г. Анимицы [31; 78]. Теоретическое обоснование процессов пространственно-экономической связности опирается на труды классиков экономической науки, а именно А. Г. Гранберга, А. И. Татаркина и В. Н. Лексина [41; 190; 146].

Регуляторы капитализации ресурсов здесь выступают стартовым условием. По мнению С. С. Артоболевского государственное вмешательство в экономику должно быть направлено на приумножение человеческого потенциала с соблюдением территориальной справедливости [208].

Так как согласованная позиция в научном сообществе относительно трактовки понятия «современная региональная социально-экономическая политика» отсутствует, предлагается ее авторская интерпретация: ***Региональная социально-экономическая политика представляет собой скоординированную***

деятельность органов публичной власти по формированию стратегических ориентиров и системы мер, направленных на гармонизацию пространственного социально-экономического развития субъектов РФ с учетом эндогенных факторов и агломерационных эффектов при сохранении приоритета национальных интересов.

Предложенное определение учитывает, что субъекты РФ действуют в едином экономико-правовом поле, но как самостоятельные экономические агенты. При этом конкурентные преимущества регионов в первую очередь определяются неравномерным распределением основных ресурсов: природных, производственных, кадровых, финансовых, инфраструктурных и информационных [72]. Ссылка в определении на агломерационные эффекты подчеркивает их факторное влияние на региональное развитие и социально-экономическую политику.

Далее необходим переход от внешних проявлений пространственных диспропорций к конкретизации непростой сущностной категории исследования — «социально-экономической дифференциации». Многозадачность категории косвенно подтверждается формулировкой И. Д. Тургель: «дифференцированный подход отражает многогранность компонентов единой системы управления» [195].

Анализ природы неравенства укорененных территорий требует тщательного исследования факторов дифференциации. Сообразно общепринятым в науке взглядам различия между территориями до настоящего времени оценивали через макроэкономические показатели: объем производства или товарооборота крупных предприятий и т. д. [54]. Подобный взгляд предлагает пул вполне понятных экономических индикаторов, однако он исчерпал аналитический потенциал. Упрощенная количественная оптика мешает установлению реальных диспропорций внутри сложных региональных систем. Как обосновано в трудах П. А. Минакира, С. А. Суспицына и И. В. Гришиной, использование только валовых производственных параметров исключает внутреннюю неоднородность местных рынков и не предоставляет адекватную оценку реального неравенства [154].

Для преодоления указанного теоретического ограничения в актуальных работах по пространственной экономике развивается многоуровневый воспроизводственный подход. Вслед за Г. М. Россинской, Н. С. Ишмухаметовым и З. Ф. Ибрагимовой, представителями южно-российской и сибирской экономических школ (в частности, М. Ю. Казаковым), целесообразно рассматривать пространственную дифференциацию не как статичный разрыв в объемах выпуска продукции, а через оптику целостного производственного процесса [176]. Региональная дифференциация в данном случае определяется на муниципальном уровне динамичной разницей развития хозяйственных систем.

Для формирования авторской концепции принципиально важно учитывать научно обоснованное положение, что пространственная дифференциация обладает накопительным эффектом. Расхождения в первичном размещении факторов производства неизбежно переходят в качественное неравенство условий сбережения и развития демографического потенциала в локалитетах. Снижение платежеспособного спроса и миграционный отток активных слоев населения из периферийных муниципальных образований в пользу полюсов роста обрекает периферию на отставание. Подобное положение лишает естественных рыночных стимулов к саморазвитию, и, как показывают труды Л. С. Архиповой и Г. Ю. Гагариной на примере оттока до 80% молодежи в 160 крупных городов РФ, подрывает конкурентоспособность периферийных районов, снижая емкость локальных рынков сбыта и темпы роста местной сферы услуг [40].

Указанная зависимость подтверждает, что структурные диспропорции выступают естественным состоянием региональной экономики, поэтому ***пространственную дифференциацию предлагается рассматривать как динамическую неравномерность функционирования территориальных хозяйственных систем, отражающую качественную и количественную разницу внутренних потенциалов и напрямую влияющую на итоговый конкурентный статус.***

Диспропорции существуют не только в промышленном выпуске, но и в неравенстве объемов инвестиций, хроническом дефиците налоговой базы местных бюджетов. Кроме того, локальный ритейл лишен возможности ускоренного роста в силу недостаточной покупательной способности населения. В связи с этим региональная политика обязана носить упреждающий характер для предотвращения межтерриториального расслоения. Задача органов власти любого субъекта РФ заключается в своевременном реагировании на отток населения и капитала, удерживая межмуниципальные диспропорции в пределах, исключающих нарушение хозяйственного комплекса менее благополучных территорий [132].

В условиях рыночной экономики локальный рост часто формируется благодаря агрегации активов крупных холдингов (например, ПАО «НК „Роснефть“», ПАО «Газпром нефть» или ПАО «ГМК Норильский никель» в северных и сибирских регионах, АО «ОХК „Уралхим“» и ПАО «ФосАгро» в Пермском крае, Вологодской, Кировской и Мурманской областях). Тем не менее масштабы крупного капитала маскируют стагнацию районов.

Макроэкономические показатели региона могут расти в границах сырьевого или монопольного рынка за счет производственного лидерства крупного бизнеса, однако это не может быть признано фактом социально-экономического развития региона в целом.

Характер преемственности неравномерного размещения производительных сил со времен СССР закрепляет экономическую отсталость периферии. Соответственно преимущества сложившихся крупнейших агломераций и сопредельных к ним территорий усиливают конкурентоспособность этих локалитетов. Согласно экспертным оценкам Н. В. Зубаревич, унаследованная инерция ограничивает «коридор возможностей» для слабых территорий, в то время как рыночное саморегулирование лишь подтверждает центр-периферийное развитие регионов [116].

Следовательно, современная региональная социально-экономическая политика не должна сводиться к директивному стимулированию абстрактной

«конкурентоспособности для всех». Ее задача — избирательно выбирать факторы роста: в агломерационных ядрах — капитализировать эффекты масштаба, а на отдаленной периферии — преодолеть препятствия географической удаленности посредством адресной финансовой и инфраструктурной поддержки. Это непременно расширяет горизонты возможностей территорий. Кроме того, вектор государственного регулирования обязан сместиться с инерционного, пассивного бюджетного сглаживания на создание условий для компенсированного территориального развития [96; 132].

Подобная стратегия предполагает использование избирательных финансовых регуляторов с целью преодоления инфраструктурного и инвестиционного отставания окраин, а не для искусственного субсидирования заведомо неконкурентоспособных отраслей [211]. Федеральная и региональная поддержка направляется на поиск конкурентоспособных ниш периферии и дозирование стимулов с оглядкой на инвестиционные тенденции [174].

Выделенная сущностная разница между существующей теоретической базой и реальными процессами региональной поляризации диктует потребность разграничения в настоящем исследовании категорий «региональная политика» и «региональное управление» в контуре социально-экономических процессов. В трудах С. В. Арапова, А. А. Курочкиной и Е. Е. Петрова подчеркивается, что региональная политика образует систему долгосрочных приоритетов, целей и перспективных намерений публичной власти, а региональное управление выражается функционально-институциональным механизмом ее практической реализации и представляет сложную совокупность инструментов перераспределения ресурсов для изменения социально-экономических условий региона [33].

С позиции указанных теорий региональное управление представляется системой инструментов воздействия на экономические и социальные процессы, обеспечивающей координацию хозяйственной деятельности и улучшение условий жизни населения. Для упорядочивания решений региональную систему уместно

представить в виде структуры соподчиненных контуров управления, объединенных в единую функциональную модель (рисунок 1.2).

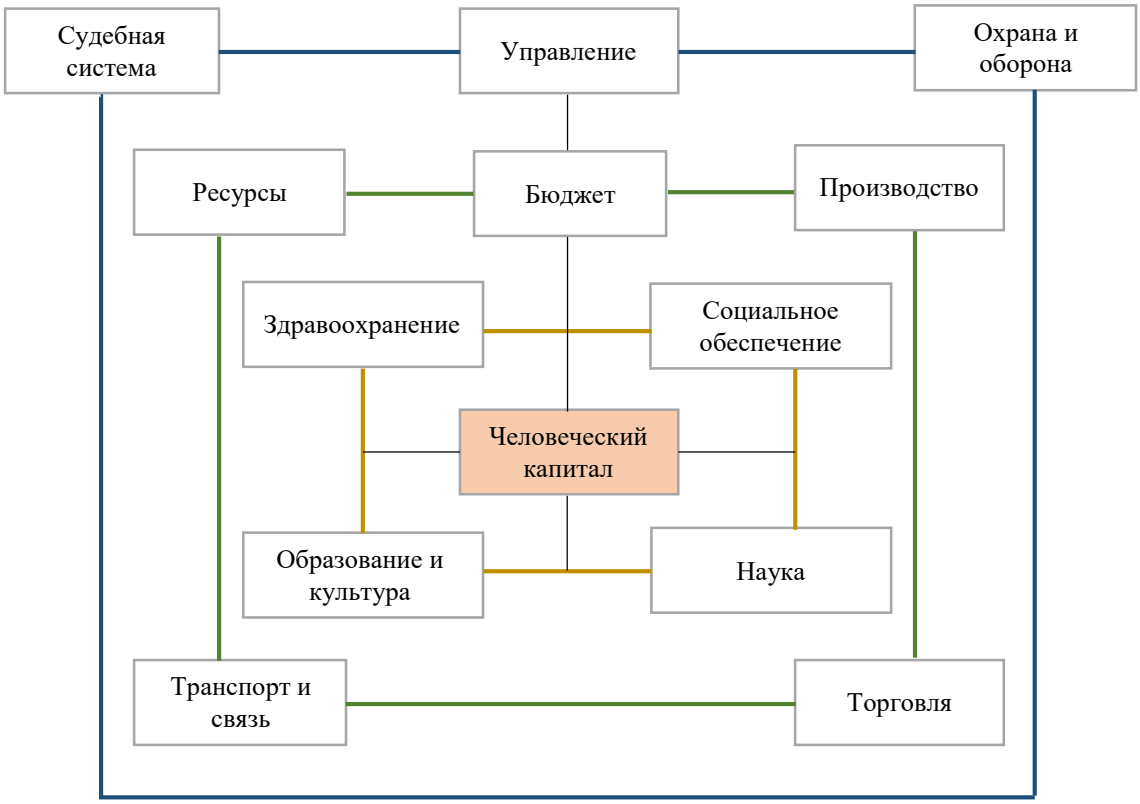


Рисунок 1.2 – Модель сбалансированного распределения ресурсов в многоконтурной системе управления регионом

Источник: составлено автором

Графическое отображение представленной модели демонстрирует, что элементы внешнего и экономического обеспечения выступают в качестве комплекса воспроизводства и благополучия социума.

– Внешний (институционально-политический) контур. Несет функции правосудия, охраны правопорядка, национальной безопасности и общего государственного и муниципального управления. Контур создает качественный нормативно-правовой базис функционирования территории и понятную для всех институциональную среду.

– Второй (экономический) контур. Обеспечивает воспроизводство материальных благ, работу промышленного и аграрного комплексов, транспорта,

связи, розничной и оптовой торговли, аккумулирует налоговый потенциал наполнения бюджетов всех уровней.

– Внутренний (социальный) контур. Опирается на материальные ресурсы первых два уровня и включает в себя сферу здравоохранения, общее и профессиональное образование, культуру, науку и систему социального обеспечения населения. Смысловое ядро контура — человеческий капитал, экономическим выражением которого на муниципальном уровне является валовой муниципальный продукт (далее – ВМП). Индикатор важный, хотя используется гораздо реже чем ВРП в силу недостатка статистических данных и сложности расчета, но способен точечно отражать производительность локалитетов, что необходимо для избирательного мониторинга экономического положения региона.

Из модели вытекает методологический вывод: наукоемкая модернизация промышленного комплекса или ускорение агломерационных процессов не могут являться самодостаточной целевой установкой на уровне регионов. Количественные показатели выступают важным, но вторичным экономическим базисом, в то время как во главе угла должна быть выраженная социальная направленность, которая реализует принципы территориальной справедливости через механизмы занятости, диверсификации профессиональных ролей граждан и постоянного роста реального благосостояния общества.

1.2 Концепции пространственного неравенства и методический инструментарий оценки внутрирегиональных диспропорций

Существование явных пространственных диспропорций внутри регионов, выражающихся в поляризации муниципальных образований по уровню бюджетной обеспеченности, инвестиционной привлекательности и темпам роста, предопределило использование в науке двух полярных концепций государственного вмешательства. Первая из них — перераспределительная

(выравнивающая), традиционно являющаяся наиболее распространенной. Вторым направлением является структурная (поляризованная). Прежде чем перейти к их сравнительному анализу, необходимо изучить само поле регуляторного воздействия государства. Поскольку неравенство территорий носит интегральный характер, его объективная оценка обусловливает декомпозицию пространства на пять базовых направлений развития региона (рисунок 1.3).

Рисунок 1.3 – Структура векторов диспропорции социально-экономического пространства

Источник: составлено автором на основе [189]

Выделение указанной структуры дает возможность утверждать — пространственный фактор не только одна из частей представленной системы, но и ее сквозной координационный каркас. Социальные, демографические и экономические процессы не протекают изолированно — они всегда привязаны к конкретным территориям, местным рынкам и действующей инфраструктуре. Следовательно, учет территориальной специфики способен скоординировать оценку качественно разнородных компонентов межмуниципальной асимметрии. Описанная идея создает прочную научную базу для последующего адресного распределения ресурсов с учетом ограничений и потенциала конкретных муниципальных образований.

Теоретический базис исследования асимметрии укорененных территорий формировался в ходе длительной эволюции макроэкономической мысли, начиная со штандортных моделей классической политэкономии XIX века. Концепция государственного регулирования межтерриториальных диспропорций окончательно приобрела институциональность в послевоенный период (1950–1960-е гг.) на стыке кейнсианской школы регулирования и концепций общего

пространственного равновесия. Представители теории кумулятивной причинности, в первую очередь Г. Мюрдаль (в работе 1957 г. «Экономическая теория и слаборазвитые регионы») [53], а также Н. Калдор и А. Хиршман, математически доказали действие рыночных механизмов, которые ведут к локализации благосостояния в центрах вместе с отсталостью периферийных территорий [46].

Данные положения получили продолжение в неокейнсианских концепциях «полюсов роста» Ф. Перру, а также в моделях Х. Р. Ласуэна и осях развития П. Потье, обосновывающих дискретность экономического ландшафта и волновые механизмы диффузии инноваций из индустриальных ядер на полупериферию. В XXI веке ренессанс этих идей связан с трудами лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, развивающего концепцию новой экономической географии в рамках базовой модели «центр — периферия». Кругман объясняет стягивание капитала и трудовых ресурсов силами возрастающей отдачи от масштаба и влиянием агломерационных эффектов [167; 247; 248; 253].

Перераспределительная концепция региональной политики базируется на кейнсианских моделях территориального равновесия. Сторонники этого варианта, в частности О. В. Кузнецова, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов, отталкиваются от гипотезы, что рыночные механизмы углубляют поляризацию и ведут к социально-экономической деградации периферийных муниципальных образований [58]. Цель регулирования – территориальный паритет, и его основным инструментом служит фискально-бюджетная система, оперирующая механизмами финансовой поддержки менее успешных локалитетов.

В современных реалиях основным макроэкономическим инструментом снижения территориального неравенства и ликвидации межтерриториальной дифференциации до сих пор является система межбюджетных трансфертов. Нормативно-правовую основу распределения, предоставления и администрирования имеющихся ресурсов на макроуровне задает Бюджетный кодекс Российской Федерации (в частности, положения Главы 16, регламентирующие условия предоставления межбюджетных трансфертов) [1].

Обобщенные параметры распределения этих суверенных финансовых ресурсов в среднесрочной ретроспективе систематизированы в таблице 1.3.

Таблица 1.3 – Межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в 2021 – 2025 гг. (млрд руб.)

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка)
Межбюджетные трансферты, млрд руб.	3 627,2	3 944,9	3 932,4	3 653,1	3 853,5
% ВВП	*2,7*	*2,6*	*2,3*	*1,8*	*1,8*
Дотации, млрд руб.	1 021,9	1 130,3	1 553,0	1 342,3	1 340,2
в % к МБТ	*28,2*	*28,7*	*39,5*	*36,7*	*34,8*
Субсидии, млрд руб.	1 193,0	1 668,3	1 573,5	1 751,3	1 852,3
в % к МБТ	*32,9*	*42,3*	*40,0*	*47,9*	*48,1*
Субвенции, млрд руб.	519,6	427,5	278,4	300,7	323,2
в % к МБТ	*14,3*	*10,8*	*7,1*	*8,2*	*8,4*
иные МБТ, млрд руб.	892,8	718,8	527,5	258,8	337,7
в % к МБТ	*24,6*	*18,2*	*13,4*	*7,2*	*8,7*

Источник: составлено автором на основе [231]

Динамика изменений межбюджетных трансфертов (рисунок 1.4) свидетельствует о переходе государственной политики в сфере межбюджетных отношений на новый этап, выражающийся высокими объемами финансовой поддержки субъектов РФ на протяжении всего периода 2021–2025 гг.

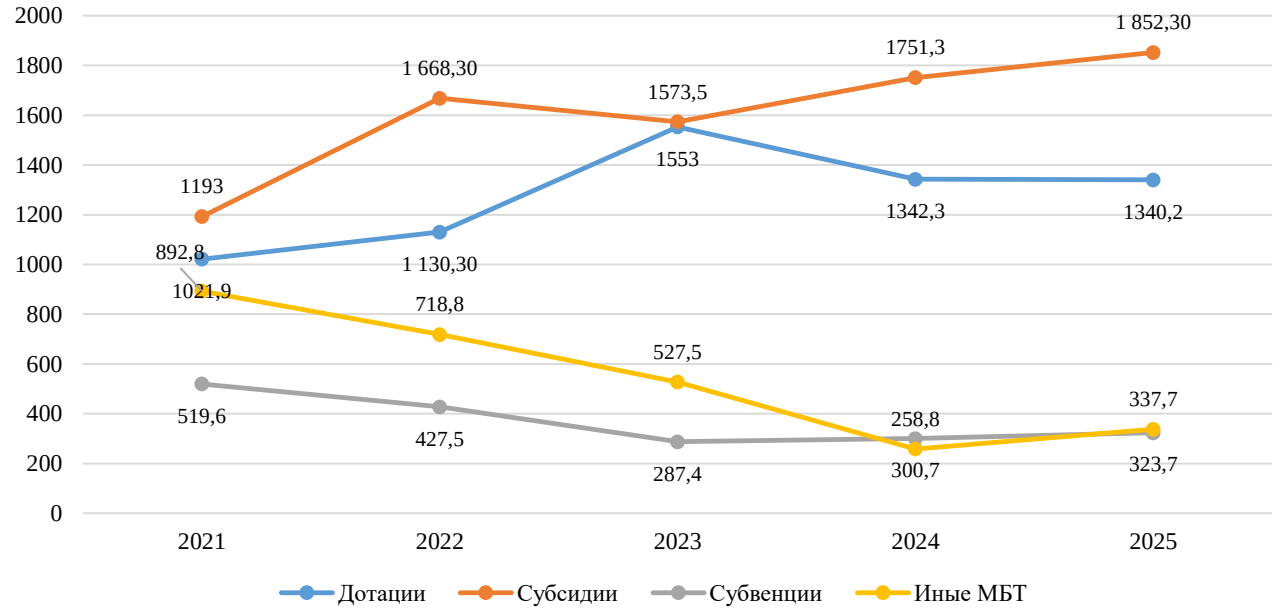


Рисунок 1.4 – Межбюджетные трансферты 2021 – 2025 гг., млрд. руб.

Источник: составлено автором на основе [231]

Данные по трансфертам свидетельствуют о поддержании общего объема помощи субъектам РФ на уровне выше 3,6–3,9 трлн руб. в год. При этом наблюдается выраженное качественное смещение в сторону роста доли целевых субсидий (достигающих 48,1% от общего объема помощи к 2025 году) при сокращении каналов нецелевых дотаций и субвенций, что говорит о стремлении Москвы связать выделение средств с реализацией Национальных проектов и развитием региональной инфраструктуры. В то же время ориентация на сглаживание связана с макроэкономическими рисками, так как избыточное изъятие ресурсов снижает мотивацию «сильных» территорий к расширению собственной налоговой базы в то время как реципиентам помощи выгоднее оставаться «бюджетными иждивенцами». Получая гарантированные государственные дотации на покрытие расходов, региональные и местные власти довольно часто отказываются от активного проведения структурных реформ и поиска внутренних ресурсов и точек роста [114].

Непростая ситуация с межбюджетными отношениями четко прослеживается на примере хронически дотационных индустриально-аграрных регионов. Наряду с многолетней дотационной практикой северокавказских республик (Дагестан, Чечня, Ингушетия и т.д.) схожие процессы демонстрируют Республика Марий Эл, Курганская область и Алтай. Федеральные вливания здесь замещают собственную налоговую базу. Так, в Марий Эл безвозмездные поступления из центра достигают 27,7 млрд руб., из которых на прямые дотации приходится 13,9 млрд руб., что перекрывает около 30% всех доходов бюджета [217]. Финансовая накачка в данных регионах направляется преимущественно на исполнение текущих социальных обязательств и латание кассовых разрывов. При этом не создаются устойчивые экономические импульсы для роста экономики и благосостояния населения.

На внутрирегиональном уровне подобная макроэкономическая модель не редко зеркально дублируется. Это создает заметную субрегиональную разницу в дотационной зависимости. Внутри каждого из субъектов РФ, в соответствии с концепцией Т. Г. Нефёдовой, формируются своего рода «черные дыры» —

муниципальная периферия, где безвозмездные поступления из региональной столицы стабильно покрывают от 75% до 90% расходов местных бюджетов [157]. Гарантированный и не привязанный к результатам приток трансфертов блокирует мотивацию органов местного самоуправления к развитию МСП, привлечению инвесторов и капитализации лесных, аграрных или рекреационных ресурсов. Муниципальные власти зачастую предпочитают удобный режим пассивного распределения дотаций. Вследствие инертности менеджмента реальный сектор экономики испытывает стагнацию, налоговая база сжимается, а трудоспособное население уезжает в более благополучные районы и округа.

Корень проблемы, согласно Ю. В. Зайцеву, В. К. Крутикову и др., обусловлен дефицитом бюджетов и провалами механизмов субрегионального развития. Авторы констатируют, что дотационный патернализм и незавершенность институциональных реформ закрепляют низкую квалификацию кадров; без модернизации управления на основе стандартов и перехода на проектный менеджмент активизация окраин невозможна. Местные органы власти теряют способность использовать целевые субсидии на перспективу, превращая программно-целевые ресурсы в инструмент текущего потребления, что исключает долгосрочные инвестиционные цели [59].

Принятые стандартные шаблоны управления не видят нелинейных искажений территорий страны как в дотационных республиках, так и в урбанизированных регионах-локомотивах, что говорит о необходимости концептуальной смены вектора исследования и спуска на муниципальный уровень для разработки гибких инструментов регулирования гетерогенных систем.

Теоретическим базисом для объяснения природы дисбалансов на субрегиональном уровне служит концепция «центр-периферия» Дж. Фридмана. Согласно его работам, экономическое пространство поляризовано и структурировано на доминирующие районы-ядра и сопутствующую периферию нескольких уровней, включая отдаленные территории [242]. В отечественной практике подобная модель получила развитие в трудах А. И. Трейвиша (в

соавторстве с О. В. Грицай и Г. В. Иоффе), доказавших универсальный характер центр-периферийного отток ресурсов применительно к российским реалиям [69].

В качестве практического ответа на указанную объективную поляризацию в региональной экономике сформировалась структурная (поляризованная) концепция, базирующаяся на теории полюсов роста Ф. Перру и концепциях новой экономической географии П. Кругмана [167; 247]. Государство отказывается от патерналистского распыления ограниченных бюджетных средств по всей территории ради искусственного удержания на плаву экономически неэффективных районов. Вместо этого правительство целенаправленно создает преференции и инвестирует в «точки роста» посредством создания особых экономических зон (далее — ОЭЗ), территорий опережающего развития (далее – ТОР), а также технопарков и индустриальных узлов [189].

Однако внедрение налоговых режимов отличается системными ограничениями в условиях гетерогенных пространственных систем. Применяемые директивно, эти инструменты активизируют «эффект вымывания», аккумулируя финансовые ресурсы и квалифицированные кадры в локусах, близких к ядру агломерации. Подобная ситуация провоцирует отставание удаленной периферии в статусе слаборазвитых территорий. Более того, предоставление налоговых льгот резидентам ОЭЗ и ТОР (в частности, по налогам на имущество и землю) на первоначальном этапе снижает доходы местных бюджетов, лишая муниципалитеты источников собственных средств на фоне роста нагрузки на инфраструктуру [97].

Согласно теории кумулятивной причинности Г. Мюрдаля, в исследуемом контексте потенциал крупнейших агломераций мешает диффузии инноваций, подавляя в том числе и компенсационные «эффекты растекания» [174]. Избирательное стимулирование «точек роста» ведет к нарушению однородности экономического пространства; вместо диффузии инноваций на периферию, опорные центры сосредотачивают финансовые и трудовые ресурсы смежных территорий. Подобный дисбаланс закладывает негативные процессы

пространственного сжатия, усугубляет межмуниципальную асимметрию и образует зоны затяжной экономической стагнации на границе региона.

Практическое развертывание подобных сценариев актуализирует научно-практическую задачу выбора адекватных методов оценки параметров дифференциации территорий. Систематизация методических взглядов на данную проблему представлена в таблице 1.4.

Таблица 1.4 – Методический инструментарий оценки параметров внутрирегиональной дифференциации

Методический подход	Представители	Конкретные показатели и инструментарий
Статистический анализ вариации	Н.В. Зубаревич, С.С. Артоболевский	Коэффициент вариации, размах асимметрии, среднеквадратическое отклонение, индексы поляризации экономических индикаторов.
Методы оценки концентрации	П. Кругман, И.Д. Тургель, Е.М. Бухвальд	Индекс Джини, коэффициент Лоренца, индекс Тейла, индекс Херфиндаля — Хиршмана.
Структурно-динамическая ретроспективная декомпозиция	О.М. Шаталова, Е.А. Коломак	Оценка динамики пространственной локализации экономической активности по компонентам индекса Тейла; выделение внутригрупповой и межгрупповой компонент неравенства.
Оценка дифференциации в контексте макроструктурной динамики	В.К. Мельков	Индексы структурных сдвигов (индексы Салаи, Гейти), коэффициенты опережения динамики основных макроэкономических индикаторов реального сектора.
Многомерный таксономический анализ	В.В. Вольский, А.Г. Гранберг	Расчет интегрального индекса социально-экономического положения, метод главных компонент, иерархический кластерный анализ, расчет критерия Рябцева для анализа существенности различий.
Пространственно-эконометрическое моделирование	А. Леш, П.И. Бурак, В.Г. Ростанец	Индексы пространственной автокорреляции (глобальный и индексы Морана, индекс Гери), матрицы пространственных весов.
Многофакторный субфедеральный анализ	А.М. Булкина, В.В. Глинский, Л.К. Серга	Факторное агрегирование первичных муниципальных данных, линейные уравнения регрессии (метод «Варимакс»), EM-алгоритмы разделения набора вероятностных распределений.

Источник: составлено автором на основе [116; 247; 100; 194; 92; 41; 203;140; 199]

Анализ методологий раскрывает ряд теоретических противоречий и логических ограничений, существенно снижающих действенность их применения

при формировании региональной социально-экономической политики в условиях усиливающихся санкций и геополитической турбулентности. Каждое из направлений оценки обладает преемственностью концептуальных ошибок и требует более детального рассмотрения, а также качественного дополнения.

Количественный анализ и оценка коэффициентов вариации, развиваемые в работах Н. В. Зубаревич и С. С. Артоболевского, обладают преимуществом методологической доступности и обоснованности на базе официальной статистики [115; 116; 208]. Недостаток подходов заключается в высокой чувствительности к экстремальным математическим выбросам, а расчет размаха асимметрии или стандартного отклонения подушевых доходов сглаживает внутреннюю структуру распределения. Методы фиксируют текущий факт наличия диспропорций, но оказываются нечувствительными по отношению к скрытым причинам их возникновения и не вскрывают качественную природу стагнации периферийных территорий региона.

Методы оценки концентрации и структурного неравенства, опирающиеся на эконометрические модели П. Кругмана, И. Д. Тургель и Е. М. Бухвальда (в частности, расчет индексов Джини и Тейла), обладают важным преимуществом, поскольку достаточно точно определяют вклад территориальных единиц в общее региональное неравенство [130]. Достоинство декомпозиции индекса Тейла, применяемого в том числе в трудах Е. А. Коломак и О. М. Шаталовой, состоит в разделении неравенства на внутригрупповую и межгрупповую компоненты [140; 199]. В то же время существенный недостаток подобной группы методов кроется в строгих требованиях к однородности данных, непрерывности и длине статистических временных рядов, а это в большинстве случаем недостижимо на уровне муниципальной статистики в РФ из-за продолжающихся административно-территориальных изменений и ликвидации поселенческого звена.

Данное ограничение отчетливо прослеживается на примере муниципальной реформы 2015-2019 гг., в ходе которой произошло укрупнение районов и создание единых городских округов. Изменение границ муниципальных образований

нарушило сопоставимость данных во времени с появлением эффекта «статистического сглаживания», когда стагнация региональной окраины механически усредняется за счет более высоких экономических показателей центра округа, по сути искажая реальный масштаб пространственного расхождения.

Использование популярного в исследованиях коэффициента Джини традиционно оправдывается наглядностью и ясностью расчетов, но отражает лишь частное неравенство по доходам либо другого изолированного показателя, лишая исследователя комплексного результата анализа [204].

Методология многомерного классификационного анализа, восходящая к работам В. В. Вольского и А. Г. Гранберга, обладает методологическим преимуществом, связанным с возможностью одновременного учета большого количества самых разнородных и многофакторных детерминант (включая инфраструктурные, кадровые и институциональные параметры) [65]. Достоинство применения метода главных компонент и кластеризации в его объемной, многомерной картине социально-экономического положения неоднородных экономических систем.

Однако субъективность метода снижает его точность при отборе исходных признаков, нормировании данных и назначении весовых коэффициентов при расчете интегральных индексов. Более того, кластерный анализ со статичным «срезом» территориальной структуры административных единиц на конкретную дату игнорирует динамику и ситуационные проблемы (например, пандемию COVID-19 в 2019-2020 гг.).

В исследованиях П. И. Бурака и В. Г. Ростанца развивается методология пространственно-эконометрического моделирования и сетевого анализа. Концепция авторов обладает научно-практической значимостью, поскольку преодолевает изолированность территорий за счет введения матриц пространственных весов и расчета глобальных индексов автокорреляции Морана. Основной плюс в учете географического соседства и «эффектов перелива» [91].

Обосновывая необходимость моделирования территориально связанных хозяйственных систем, П. И. Бурак и В. Г. Ростанец указывают, что «интеграция пространственных факторов в прогнозные модели позволяет уйти от изолированной оценки территорий и нормировать интенсивность межмуниципального взаимодействия» [92], при этом относительная математическая сложность и глубина эконометрических матриц ориентированы скорее на макроэкономические процессы. Это открывает широкие перспективы для дальнейшего дополнения методологии качественным анализом межмуниципальных организационных связей, что способствует повышению точности прикладных расчетов на муниципальном уровне.

Обобщение вышеуказанного обнаруживает методологический разрыв в анализе экономики регионов. Подавляющее большинство исследователей сосредоточены на макроструктурном и межрегиональном неравенстве. Применяемый учеными эконометрический аппарат чаще всего оперирует агрегированными показателями субъектов РФ, вынужденно снижая значимость внутренней гетерогенности экономических территорий.

Вследствие подобной специфики в количественных методах оценки практически не находит отражения сложная триада «центр — полупериферия — периферия» на муниципальном уровне, а исследованию стратификации в пространственном контексте в отечественной науке до сих пор уделяется довольно фрагментарное внимание [158].

В то же время современные системы расселения выражаются наличием мощных ядер агломераций. Они кардинально искажают общую пространственную структуру региона, действие центростремительных сил и гравитационных эффектов масштаба в ядрах притягивает наиболее ценные ресурсы, включая высококвалифицированные кадры, инвестиционный капитал и инновации, запуская «эффект вымывания».

Специфика положения агломерационного ядра позволяет дифференцировать пространственные подсистемы по типу расселения и интенсивности внутренних взаимосвязей.

В рамках анализа укорененных территорий принято выделять радиально-центрические структуры (в которых малые и средние поселения сгруппированы вокруг одного ядра) и полицентрические конфигурации (где население и хозяйственная активность относительно равномерно концентрируются вокруг нескольких равных и экономически значимых городов). В качестве базовых предпосылок становления и устойчивого развития агломерационного ядра выступает синергия таких условий, как:

1. выраженные центры притяжения ресурсов;

2. существенный внутренний потенциал социально-экономического и научно-инновационного развития;

3. высокая инвестиционная привлекательность ядра для частного капитала, наличие специализированной и связывающей агломерационной инфраструктуры.

Проблема проиллюстрирована на примере крупных промышленных регионов с одним ядром расселения (таких как Московская область). Развитый ближний пояс расселения в пределах 15–20 км от МКАД является прямым продолжением ядра, стягивая на себя основные финансовые ресурсы и инвестиции, тогда как дальняя окраина сталкивается с оттоком населения и затяжным снижением показателей местной экономики. Межмуниципальный разрыв между лидерами роста и приграничными округами по показателям доходов может достигать 6-кратных значений (например, разрыв между Химками и Лотошино).

Существующие нормативно-методические подходы Минэкономразвития России основаны на линейной экстраполяции усредненных макропоказателей субъекта РФ, но сложившаяся практика игнорирует скрытые градиентные диспропорции развития территорий [115]. В прикладном аспекте усреднение зачастую скрывает инвестиционный перегрев ближнего к ядру пояса, кроме того, искусственно завышает оценки регионам, маскируя негативные показатели

отстающей периферии. Перевод исследования на муниципальный уровень позволяет решить данную проблему. Если распределять финансовые ресурсы механически по числу жителей, игнорируя позиционную связность территорий, отстающие округа лишаются всяких инвестиционных стимулов к расширению собственной налоговой базы. Сценарное маневрирование и действие финансовых регуляторов должны опираться на предварительное профилирование экономического ландшафта региона, в связи с чем на первый план выходит необходимость разработки типологии муниципальных образований, способной перевести теоретические модели в алгоритмы адресного распределения ресурсов и избирательного стимулирования. Исследованию теоретико-методологических оснований построения такой пространственной группировки посвящен следующий параграф настоящей главы.

1.3 Пространственная типологизация как базис сценарного прогнозирования и дифференцированного регулирования развития регионов

Дифференциация социально-экономического развития любого субъекта РФ меняет качественные и количественные индикаторы пространственной среды жизнедеятельности, и для выработки действенной методологии преодоления возникающих диспропорций специалистам необходима прежде всего комплексная информация о закономерностях развития разных типов пространственных структур. К ним относятся городская и сельская местность, города различного статуса (включая административные центры регионов и вторые-третьи города субъектов), а также территории с разной степенью периферийности (например, малые города в составе крупнейших агломераций).

На практике подобное деление носит сугубо формальный административно-территориальный характер. Оно отражает только юридические границы и статус муниципалитетов, но совершенно абстрагируется от реальной социально-

экономической ситуации, инвестиционных трендов и постиндустриальных экономических характеристик исследуемых муниципальных экономик.

Несмотря на то что в своих трудах исследователи-регионалисты повсеместно используют типологизацию территорий, единая система показателей при моделировании типов территорий в отечественной практике отсутствует. О. В. Кузнецова и Р. А. Бабкин полагают, что только автоматическое агрегирование показателей по типам территорий — единственный способ преодолеть дефицит информационного сопровождения параметризации сценариев развития региона. Первостепенное значение имеют классификации, основанные на факторах расселения и специфике географического положения территорий, а не на изменчивых показателях текущей хозяйственной деятельности [58].

Несмотря на кажущуюся синонимичность стоит четко разграничивать понятия «классификация» и «типология», которые, имеют различную методологическую природу. Классификация характеризуется как процедура разделения эмпирического целого на непересекающиеся элементы на основе заданных формальных критериев. В качестве примера выступает нормативно закрепленная в Своде правил СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89) и в статье 5 Градостроительного кодекса РФ № 190-ФЗ группировка городов по людности на малые, средние, большие, крупные и крупнейшие. Типология же является более сложным методом оценки географо-экономического пространства, который предполагает объединение территориальных административных единиц на основе выявления качественной определенности, общности становления и внутренних факторов роста (например, выделение саморазвивающихся муниципальных систем, территорий с синдромом субрегионального сжатия или агломерационных ядер) [199]. Иными словами, если классификация раскладывает совокупность объектов по готовым «ячейкам» на основе количественных признаков, то типология конструирует идеальные типы систем на основе сущностных, многофакторных характеристик.

В экономической науке сформировались два базовых методологических подхода к разработке пространственных группировок: критериальный метод и описательный. Первый метод распределяет территории «сверху» по заранее нормированным правилам (например, если регион приграничный — он автоматически попадает в одну группу, если это моногород — в другую). Описательный подход, напротив, находит скрытое сходство «снизу» по реальным цифрам. Он группирует города и районы на основе похожей статистики уровня жизни, инвестиций и зарплат, не руководствуясь жесткими рамками.

В отечественной управленческой практике долгое время критериальным ориентиром выступала сетка макрорегионирования и типология упраздненного Министерства регионального развития РФ. В современных условиях преемственность данного подхода в части выделения геостратегических и перспективных территорий сохраняется в положениях действующей Стратегии пространственного развития РФ, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 4146-р.

В контуре критериального метода, но на более глубоком научном уровне, выполнена классификация Новосибирской школы экономики (Р. И. Шнипер, А. С. Новоселов) [73]. Авторы расширили специфику анализа мезоэкономических систем, распределив регионы по категориям на основе характера формирования внутренних рынков и структуры регионального воспроизводства.

В свою очередь, изоляция и систематизация непосредственно проблемных территорий с выделением локальных зон стагнирующих, кризисных и экстремальных районов получила обособленное фундаментальное обоснование в теоретических работах А. Г. Гранберга [41].

Переход к описательному подходу прослеживается в работах В. А. Бариновой, С. М. Дробышевского и С. П. Земцова. Авторы фокусируют внимание на необходимости проведения кластеризации на основе трех агрегированных блоков переменных: «уровень жизни», «экономический потенциал» и «инвестиционная активность» [192]. Такой взгляд исследователей на таксономию

территорий доказывает необходимость введения дифференцированных мер государственной поддержки для разных кластеров, что позволяет оптимизировать систему распределения межбюджетных трансфертов в условиях макроэкономической нестабильности.

Значительный вклад в развитие математического классификационного аппарата и первичной обработки муниципальной статистики внесли труды В. В. Глинского и Л. К. Серги. Разработанное авторами факторное агрегирование данных позволяет проектировать репрезентативные информационные массивы на уровне городов и районов [105]. Вместе с тем изолированное эконометрическое моделирование муниципальных показателей носит статичный характер и теряет прогностическую силу при высокой макроэкономической неопределенности. Данное аналитическое ограничение преодолевается только путем включения в расчет вариативных факторов — экономико-географического положения, плотности расселения и инфраструктурной обеспеченности.

Влияние географических факторов на экономический каркас региона подробно исследуют А. Г. Дружинин и А. И. Трейвиш. [69; 111]. Авторы связывают развитие местной экономики с близостью территорий к крупным городам и процессами стягивания ресурсов в развитые центры. Их позиция строится на том, что успешность районов напрямую зависит от силы их притяжения к главному агломерационному ядру и степени включенности в общие транспортно-логистические контуры.

Для сдерживания процессов хозяйственного сжатия и депопуляции удаленной периферии существенное значение имеет модель многоуровневой системы опорных населенных пунктов, обоснованная в теоретико-практических исследованиях Э. Маркварта, Н. Н. Киселевой и Д. П. Соснина [52]. Использование этой модели доказывает необходимость гибкой управленческой вертикали при развитии окраин. Выделение опорных точек связывает сеть поселений с возможностями региона, что делает планирование более точечным и эффективным.

Основные подходы к группировке и типологизации муниципальных образований сопоставлены в таблице 1.5.

Таблица 1.5 – Сравнительный анализ теоретических и прикладных подходов к аналитической группировке и типологизации территорий

Автор	Выделяемые типы и группы	Методологический базис и критерии группировки
Минрегионразвития РФ	Локомотивы роста, опорные регионы, депрессивные и отсталые территории.	Оценка потенциала саморазвития, инвестиционной привлекательности и вклада региона в ВВП страны.
Р. И. Шнипер, А. С. Новоселов (ИЭОПП СО РАН)	Промышленно развитые, добывающие, агропромышленные, транзитные регионы.	Исследование структуры регионального воспроизводства, емкости и связанности внутренних рынков.
В. А. Баринова, С. М. Дробышевский, С. П. Земцов (РАНХиГС)	«Лидеры и инвесторы», «сырьевые», «средние» и «отстающие» регионы.	Кластерный анализ (метод Уорда, z-scores) на основе трех агрегированных блоков переменных: «уровень жизни», «экономический потенциал» и «инвестиционная активность».
А. Г. Гранберг (СОПС)	Отсталые (слаборазвитые), депрессивные, кризисные, экстремальные регионы.	Анализ глубины социально-экономического упадка, износа инфраструктуры и деструктивных внешних факторов.
А. И. Татаркин, Ю. Г. Лаврикова (ИЭ УрО РАН)	Саморазвивающиеся территории, индустриальные кластеры, субрегиональные локалитеты.	Оценка индустриально-технологической зрелости, плотности межфирменных сетей и потенциала экономической самодостаточности.
А. И. Трейвиш, Т. Г. Нефедова (ИГ РАН), А. Г. Дружинин (ЮФУ)	Агломерационные ядра, ближняя периферия, глубокая (сельская) периферия.	Анализ динамики «сжатия» пространства, плотности расселения и центро-периферийной поляризации.
О. В. Кузнецова (ИГ РАН)	Субъекты и муниципалитеты с различным уровнем инвестиционной и субсидиарной активности.	Анализ механизмов федеральной региональной политики, барьеров и стимулов привлечения капитала.
Н. В. Зубаревич (МГУ им. М. В. Ломоносова)	Освоенные территории, старопромышленные зоны, аграрная периферия.	Оценка уровня модернизации, динамики доходов населения, состояния локальных рынков труда и уровня неравенства.
Т. Д. Полиди (Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ)	Крупнейшие городские агломерации, субрегиональные экономические центры.	Мониторинг концентрации экономической активности, капитализации рынков недвижимости и агломерационных эффектов.
В. В. Глинский, Л. К. Серга (НГУЭУ)	Качественные типы территорий на различных стадиях (траекториях) развития.	Многомерный статистический и эконометрический анализ первичных данных муниципальной статистики.
С. И. Яковлева (ТвГУ)	Функциональные, каркасные (осевые) и кластерные пространственные модели.	Композиционное моделирование на основе анализа документов территориального планирования субъектов РФ.

Источник: составлено автором на основе [41; 50; 73; 105; 111; 116; 190; 201]

Анализ нормативно-ведомственных и академических подходов показывает, что их общим ограничением остается масштаб исследуемых объектов, что затрудняет их прямое использование в формировании социально-экономической политики регионов.

Ведомственный подход Минрегионразвития РФ оперирует укрупненными макроэкономическими параметрами субъектов Федерации, что действительно сглаживает внутрирегиональную асимметрию, но фактически оставляет без должного внимания границы муниципальных рынков [225].

В свою очередь, воспроизводственная концепция Р. И. Шнипера и А. С. Новоселова предметно учитывает внутрирегиональные пропорции и связанность отраслевых рынков. Однако их методологический базис формировался в условиях индустриального типа экономики второй половины XX века [73]. В современных реалиях информатизации, развитых постиндустриальных рынков и санкционного давления, привязка их взглядов к отраслевой специализации и темпам износа производственных фондов требует расширения за счет интеграции современных факторов — уровня цифровизации муниципальной инфраструктуры и динамики локального финансово-налогового потенциала округов [123; 125; **Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Теория проблемных регионов А. Г. Гранберга направлена в первую очередь на ситуационное реагирование и компенсацию уже сложившихся диспропорций в зонах депрессии или экологических аномалий. Теория доказала свою практическую значимость при выравнивании социально-экономических условий постфактум. Но, как справедливо отмечается в исследованиях И. Д. Тургель, остаются нерешенными задачи долгосрочного планирования и управления развитием стабильных, но структурно уязвимых периферийных территорий [195].

Типология В. А. Бариновой, С. М. Дробышевским и С. П. Земцовым на основе многомерного анализа показателей уровня жизни и инвестиций, точнее отражают специфику пространственной дифференциации. Однако их выводы также ограничены региональным уровнем. В условиях агломерационных

процессов и структурной перестройки хозяйства использование только региональной оптики скрывает центр-периферийное расслоение внутри самих субъектов РФ, при котором инвестиционная активность в пригородных зонах сопровождается кадровым и финансовым дефицитом на удаленной периферии.

Индустриально-кластерный подход А. И. Татаркина и Ю. Г. Лавриковой эффективен при анализе старопромышленных районов и оценке плотности межфирменных связей. В то же время он малоприменим в условиях современных диверсифицированных, постиндустриальных рынков. Данная концепция, по мнению Т. В. Усковой, А. С. Барабанова и О. И. Поповой, фокусируется преимущественно на возрасте и износе производственных мощностей, но не учитывает финансовую самодостаточность производств и негативные процессы хозяйственного сжатия и кадровых проблем периферии [57].

Пространственные концепции агломерационной поляризации в работах А. И. Трейвиша, Т. Г. Нефёдовой, А. Г. Дружинина фиксируют стабильные географические параметры, только требуют расширения за счет интеграции показателей налоговой состоятельности местных бюджетов [69]. Схожим ограничением обладают транспортно-географические агломерационные модели, представленные в исследованиях экономико-географической школы МГУ и экспертов НИУ ВШЭ. Опираясь преимущественно на интенсивность маятниковой миграции и связность местных рынков труда, взгляды авторов абстрагируются от скрытых институциональных рисков. За рамками их исследовательского поля остаются ключевые субъекты стратегического планирования — местная администрация, а также управленческий потенциал муниципальных команд, от которых напрямую зависит способность локалитета администрировать целевые государственные субсидии и привлекать независимый частный капитал [116; 235].

Пространственно-эконометрическое моделирование в исследованиях В. В. Глинского, Л. К. Серги, призванное преодолеть дефицит количественной оценки, оказывается высокочувствительным к стихийным реформам местного самоуправления в РФ [105]. Применяемый математический аппарат требует

обеспечения строгой непрерывности длинных временных рядов муниципальной статистики, что практически недостижимо в условиях дискретных административно-территориальных преобразований и укрупнения муниципалитетов. Напротив, концептуальные модели С. И. Яковлевой сводят пространственное развитие к триаде функциональных, каркасных и кластерных моделей и носят преимущественно описательный характер. Кроме того, они дефицитарны с точки зрения строгих математических алгоритмов увязки географических особенностей с налогово-бюджетным потенциалом территорий [201].

Таким образом, в современной экономической науке наблюдается дефицит исследований, посвященных многомерной типологизации пространственных систем на субрегиональном уровне. Подавляющее большинство существующих классификаций ограничено рамками субъектов РФ, что создает ошибочные представления о социально-экономическом статусе отдельных регионов и не дает картину пространственной связности страны. Изучение муниципального уровня носит фрагментарный характер и чаще всего сводится к выделению проблематики моногородов.

Комплексные методики многомерного группирования в научной литературе представлены недостаточно, что обусловлено в том числе институциональными шоками муниципальной статистики (эффектом «статистического сглаживания» при укрупнении районов). В результате органы государственной власти субъектов РФ зачастую не располагают дифференцированными сценариями регулирования для различных типов муниципальных и городских округов.

Отдельным и важным теоретико-методологическим базисом исследования дифференциации пространственных систем на субрегиональном уровне выступает концепция перспективных пространственно локализованных подсистем региональной экономики, получившая системное развитие в трудах И. Н. Томшинской и Д. Г. Родионова [213]. В рамках данного подхода субъект РФ рассматривается как сложная полиструктурная мезоэкономическая система,

параметризованная совокупностью относительно обособленных, пространственно укорененных хозяйственных локалитетов. Это позволяет позиционировать муниципальное образование не просто как административно-территориальную единицу, а как динамическую селитебно-производственную подсистему, обладающую индивидуальным расселенческим и экономическим профилем.

Согласно И. Н. Томшинской, устойчивое функционирование субрегиональных пространственных структур находится в синергетической зависимости от баланса эндогенных рыночных факторов (включая инвестиционную привлекательность локальных рынков, физическую доступность ресурсной базы и качественные характеристики человеческого капитала) и экзогенных регуляторных импульсов [213]. При этом ключевое значение отводится институциональной среде и эффективности информационного обмена между экономическими агентами, что и определяет способность муниципалитетам аккумулировать частный капитал и адаптироваться к технологическим сдвигам.

Использование теоретических положений горизонтального онтогенеза и пространственной локализации позволяет преодолеть избыточную усредненность традиционного макроэкономического анализа и обосновывает методологическую необходимость декомпозиции региональных систем до уровня конкретных муниципальных округов. Переход от простого мониторинга баазовых экономических показателей к комплексной таксономии муниципалитетов позволяет точнее очертить границы реальных хозяйственных пропорций. Такой подход выступает основой для разработки авторской системы признаков типологизации, которая интегрирует внутренний потенциал городов и районов со стратегическими интересами развития макрорегиона.

В контексте предложенной архитектуры выделяются интегральный показатель локальной системы и пять групп факторных признаков:

1. Социально-экономический — выступает сквозным результирующим индикатором (ВМП на душу населения) и подтверждает экономическую отдачу от

капитализации человеческого потенциала, кроме того показывает реальную производительность и емкость рынков труда муниципальных образований.

2. Структурно-производственный — характеризует физический масштаб местного производства и инвестиционный потенциал территории. Определяется через совокупный объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг и плотность размещения действующих центров сосредоточения производительных сил.

3. Инвестиционно-инфраструктурный — является опережающим индикатором. Отображает скорость накопления капитала и потенциал изменения инфраструктуры в краткосрочной перспективе. Оценивается объемами частных инвестиций в основной капитал, плотностью строительства производственных объектов и годовыми показателями ввода жилья.

4. Финансово-бюджетный — демонстрирует степень финансовой самодостаточности местного бюджета и его независимости от межбюджетных трансфертов.

5. Урбанизационный — отражает исторически сложившийся комплекс расселения, удельный вес городского населения и агломерационный статус территории, измеряемый через физическую и временную удаленность рынка труда от преобладающих ядер.

Ни один из существующих регуляторных инструментов не обеспечивает взаимосвязь между факторами расселения, инвестиционной емкостью, финансовой базой округов и механизмами долгосрочного прогнозирования. Подобное ограничение диктует переход к качественно иным основам параметризации. Разработка предложенной системы признаков и её последующая интеграция в процесс сценарного планирования формируют теоретическую основу построения типологической группировки, позволяя последовательно решить три научно-практические задачи:

1. Параметризация и профилирование стартовых условий сценариев. В условиях рыночной неопределенности невозможно построить надежный сценарий

для абстрактного региона. Разделение неоднородного пространства на типичные категории территорий (например, урбанизированные ядра, индустриальные зоны среднего пояса агломерации и отстающая периферия) уточняет для каждой группы уникальный ресурсный профиль и собственными факторы роста (агломерационные эффекты, транзакционные издержки). Каждая группа муниципальных образований отличается индивидуальной траекторией роста и специфическим уровнем устойчивости к внешним макроэкономическим шокам, а также непрогнозируемым социально-экономическим и климатическим рискам.

1. Установление структурных диспропорций. Границы между теоретически выделенными типами территорий математически очерчивают соответствующие экономические сценарии. Нарастание неравенства между ядром агломерации и периферией – не случайное статистическое колебание, а скрытый системный риск неоднородности пространства. Типологизация регионального пространства в данном случае создает возможность своевременной оценки масштаба структурных проблем до момента снижения устойчивости региональной системы.

2. Научно-методическое обоснование адресного управления внутрирегиональным развитием. Типология территорий предопределяет объективность критериев реализации гибкого государственного регулирования. Принадлежность муниципального образования к конкретному типу определяет выбор инструмента дифференцированного регулирования: стимулирующих налоговых преференций для зон опережающего роста или адресного субсидирования.

Перевод предложенного научно-методического подхода в практическую плоскость планирования и регулирования предполагает применение строгих методов многомерной классификации, основанных на математических приемах. В этом смысле обоснована позиция Кожиной К.С. и др., утверждающей, что математический аппарат позволяет объективно оценивать латентные структурные сдвиги, а прикладной инструментарий необходим «для прогнозирования, планирования и управления экономическими объектами» [139]. Применительно к

задачам настоящего исследования данный инструментарий с высокой точностью дифференцирует территориальные системы муниципальных образований по уровню их социально-экономического развития.

В эконометрических исследованиях для решения подобных задач традиционно привлекается широкий спектр подходов, включая агломеративный иерархический кластерный анализ (в частности, дисперсионный метод Уорда), результаты которого для точности группировки определяются через последующий дискриминантный анализ [64].

Метод моделирования нелинейных автономных динамических систем имеет отличную прогнозную силу и рассматривает экономику территориальных систем в динамике, буквально как живой организм. Кроме того, учитывается двустороннее влияние валового продукта и уровня неравенства территорий друг на друга [105]. В то же время метод сложен в расчетах, а его точность критически зависит от качества вводных данных, что на практике сталкивается с дефицитом и высокой фрагментарностью муниципальной статистики [116; 195].

По нашему мнению, для целей построения муниципальной типологии в условиях неоднородности институционального и экономического пространства наиболее эффективно работает алгоритм кластеризации *k-means* (k-средних). Использование данного эконометрического инструмента обусловлено его прикладной ориентацией на минимум внутригрупповой вариации. Математическая процедура итеративного разбиения множества муниципальных образований на групповую выборку способна максимально снизить суммарное квадратичное отклонение объектов от центров [64].

Применение алгоритма *k-means* в анализе экономики муниципального уровня требует предварительного нормирования статистических данных (ввиду несопоставимости шкал измерения исходных признаков: численности населения, среднедушевого продукта, удельных весов), а также экспертного обоснования оптимального числа выделяемых групп. Кроме того, перед запуском *k-means* все признаки необходимо привести к одному масштабу (например, через Z-score или

MinMax), иначе признак с большими значениями полностью подчинит себе алгоритм.

В региональном анализе данный метод не гарантирует абсолютную внутреннюю однородность кластеров, поскольку экономика городов и районов всегда гетерогенна. Вместе с тем избыточная детализация не имеет решающего значения из-за замкнутости многих хозяйственных процессов внутри самих территорий. Именно поэтому разделение округов на укрупненные качественные типы помогает органам власти разрабатывать дифференцированные меры регулирования. Использование такой математической процедуры позволяет зафиксировать стартовые условия и провести структурирование пространства региона. Подобный шаг полностью согласуется с устоявшейся практикой измерения неравенства, а также оценки инвестиционного и налогового потенциала местных бюджетов [54; 139].

Последующий этап пространственного моделирования оценивает динамику округов и расхождение их сценарных траекторий. Такой прием переводит теоретические признаки в эмпирическую модель, связывающую транспортно-географическое положение территорий, их инвестиции и уровень бюджетной обеспеченности.

Теоретико-методологическое исследование позволило описать аналитическую конфигурацию диссертации посредством уточнения понятийного аппарата региональной экономики. В авторской логике региональная социально-экономическая политика рассматривается как скоординированная деятельность органов власти по реализации системы мер, нацеленных на преодоление субрегиональной асимметрии субъектов РФ с учетом эндогенных факторов и нарастающих урбанизационных процессов практически во всех регионах страны.

Классические экономико-географические теории детально объясняют природу пространственного неравенства, однако их традиционные регуляторные инструменты сегодня неэффективны. В то время как стандартная политика

выравнивания консервирует пассивность местных властей, альтернативная ставка на «полюса роста» лишь усиливает поляризацию, провоцируя отток капитала и кадров из периферии в агломерационные ядра. В российской модели федерализма основные расходы на инфраструктуру смещены на субфедеральный уровень. Это делает динамику национальной экономики прямым следствием устойчивости конкретных субъектов Федерации и входящих в их состав городов. Как следствие, шаблонные подходы к управлению больше не справляются с неоднородностью хозяйственных систем, что требует перехода к дифференцированному регулированию.

Опыт преодоления шоков 2020 и 2022 годов подтвердил уязвимость линейных прогнозов, обосновав запуск гибкого сценарного планирования пространственного развития. Применение данного подхода позволяет защитить экономику округов при смене логистических путей, смещая вектор с административного давления на использование адресных финансовых стимулов. При этом проведение многомерной группировки муниципалитетов с помощью алгоритма *k-means* обеспечивает точный учет ресурсных ограничений каждой конкретной территории. В конечном итоге сформированная теоретическая база служит надежным основанием для перехода к анализу эмпирических данных по Московской области и Республике Марий Эл в практических главах диссертации.

ГЛАВА 2. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1 Современные контуры социально-экономического развития региона

Если в первой главе исследования были детально раскрыты теоретико-методологические аспекты пространственной неоднородности и специфика проявления агломерационных эффектов, то в данном разделе внимание обращено на их практическую проекцию. В силу исторических, природных и социально-политических причин пространство РФ отличается высокой степенью неоднородности. Экономическое превосходство одних регионов и дефицит ресурсов в других обусловливают заметные пространственные диспропорции.

Гармонизация социально-экономического пространства России осложняется интенсивными процессами урбанизации. Повышение роли городов в экономике привело к образованию крупных и крупнейших агломераций, которые стали локомотивами регионального прогресса, но одновременно усилили расслоение территориальной системы страны. Указанные тенденции в полной мере проявляются в Московском регионе, где сверхконцентрация ресурсов в Москве — ядре агломерации — соседствует со структурными дисбалансами в области.

Всероссийская перепись, проведенная в 2021 году, показала, что численность населения крупнейших городов страны составила около 33,5 млн человек, а Москва традиционно остается торговым, финансовым, научным, промышленным узлом страны и самым населенным городом России: 01.01.2026 года численность населения Москвы достигла 13,3 млн чел. (около 9,1% от населения России). Высокая агрегация ресурсов, вместе с природно-географическими особенностями расположения Москвы способствовали появлению крупнейшей городской

агломерации не только в России, но и в Европе, и этот факт во многом определяет вектор социально-экономического развития Московской области.

Московская область входит в состав Центрального Федерального округа и расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины в бассейнах рек Волги, Оки, Клязьмы, Москвы. Фактически административным центром Московской области является Москва, хотя и имеет территориальный статус города федерального значения. На северо-западе и севере Московская область граничит с Тверской областью, на северо-востоке и востоке – с Владимирской, на юго-востоке – с Рязанской, на юге – с Тульской, на юго-западе – с Калужской, на западе – со Смоленской, на севере – с Ярославской областью. Площадь территории Московской области составляет около 44 329 км². Население Московской области составляет 8 775 735 чел. Плотность населения – 197,9 чел на 1 км² [227].

Административно-территориальное деление субъекта регламентирует Закон Московской области № 11/2013-ОЗ. Территориальная организация местного самоуправления в Подмосковье основана на принципах двухкомпонентной системы, по состоянию на 01.01.2026 года в границах Московской области состояли 56 муниципальных образований. В ходе проведения реформы по оптимизации и полной ликвидации поселенческого звена в регионе сформировали два типа территорий. Урбанизированные территории получили статус городских округов, в то время как районы с преобладанием сельского населения преобразованы в муниципальные округа. Особой группой территориальных образований являются ЗАТО.

Актуальный реестр всех самостоятельных муниципальных образований области представлен в таблице 2.1. Управление консолидированными округами, включая присоединенные к ним сельские поселения и рабочие посёлки, реализуется моноцентрично — администрациями соответствующих муниципальных или городских округов. ЗАТО осуществляют деятельность в автономном режиме, что продиктовано размещением оборонных объектов. В границах закрытых территорий установлен постоянный пропускной контроль.

Таблица 2.1 — Реестр муниципальных образований Московской области по типам

Тип МО	Кол-во	Основные характеристики / Примеры
Городские округа	42	Балашиха, Богородский, Бронницы, Воскресенск, Долгопрудный, Домодедово, Дубна, Жуковский, Кашира, Клин, Коломна, Королев, Котельники, Красногорск, Ленинский, Лобня, Лосино-Петровский, Лыткарино, Люберцы, Мытищи, Наро-Фоминский, Одинцовский, Орехово-Зуевский, Павлово-Посадский, Подольск, Пушкинский, Реутов, Сергиево-Посадский, Серпухов, Солнечногорск, Ступино, Талдомский, Фрязино, Химки, Черноголовка, Щелково, Электросталь
Закрытые административно-территориальные образования	5	Власиха, Восход, Звездный городок, Краснознаменск, Молодежный
Муниципальные округа	14	Волоколамский, Дмитровский, Егорьевск, Зарайск, Истра, Лотошино, Луховицы, Можайский, Раменский, Рузский, Серебряные Пруды, Чехов, Шатура, Шаховская
ИТОГО	56	

Источник: составлено автором на основе [15]

Наиболее крупные города (число жителей — оценка на 1 января 2026 г.), тыс. человек (таблица 2.2)

Таблица 2.2 — Численность населения крупнейших городов Московской области на 01.01.2026 г.

№	Город	Население, тыс. чел.
1	Балашиха	530,2
2	Подольск	352,4
3	Мытищи	275,3
4	Химки	258,1
5	Люберцы	236,2
6	Королев	228,0
7	Красногорск	192,4
8	Одинцово	187,1
9	Домодедово	158,3
10	Электросталь	141,9
11	Щёлково	136,1
12	Серпухов	134,8
13	Коломна	132,1

Источник: составлено автором на основе [230]

Подтверждением высокой степени локализации населения в области служит сопоставимость представленных городов с административными центрами целого ряда субъектов РФ. Например, численность населения Балашихи превышает аналогичный показатель по Твери (412,8 тыс. чел.), Калининграду (489,6 тыс. чел.), Чебоксарам (495,8 тыс. чел.), Липецку (485,3 тыс. чел.), Туле (465,2 тыс. чел.) и т.д. Численность жителей Подольска сопоставима со Смоленском (312,2 тыс. чел.), Саранском (310,8 тыс. чел.), Грозным (332,6 тыс. чел.). Люберцы, Химки и Королев по количеству населения сравнимы с Сыктывкаром (220,1 тыс. чел.) и Нальчиком (245,4 тыс. чел.) [231].

Экономико-статистическое исследование Московской области за период 2018–2025 гг., текущее положение региона и выработали тренды развития выполнены на базе данных Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат). Макроэкономические показатели выбраны с учетом утвержденной Постановлением Правительства Московской области № 430/20 от 04.06.2009 г. «Системы показателей социально-экономического развития Московской области» (с изменениями и дополнениями от 07.06.2010г., 24.03.2011г., 01.03.2012г.) [11].

Формирование сопоставимой информационной базы на основе указанных источников потребовало решения задачи по согласованию статистики. В исследуемый период административно-территориальное устройство региона подверглось серьезным изменениям в соответствии с упомянутым выше Законом № 11/2013-ОЗ, частными нормативными актами об объединении отдельных муниципальных образований.

Основными экономическими причинами ликвидации муниципальных районов и создания городских округов стали необходимость оптимизации расходов на содержание административного аппарата поселенческого уровня, централизация местных бюджетов и объединение земельных ресурсов под единым пространственно-экономическим регулированием [164]. Реформа устранила ряд проблем в межбюджетных отношениях внутри бывших районов и упростила

процедуры выделения земельных участков для реализации инвестиционных проектов.

Хронологическая динамика изменения состава и количества муниципальных образований Подмосковья приведена в Таблице 2.3.

Таблица 2.3 – Динамика изменения административно-территориальной структуры и количества муниципальных образований Московской области за период 2018–2025 гг.

Период (на 1 января)	Общее количество округов, ед.	Характер нормативно-правовых и территориальных изменений в структуре региона
2018–2019 гг.	67	Действие двухуровневой системы; активная фаза преобразования оставшихся муниципальных районов в городские округа.
2020–2022 гг.	60	Завершение ликвидации муниципальных районов. Консолидация Озерского г.о. с Коломенским, а также г.о. Рошаль с г.о. Шатура.
2023–2024 гг.	57	Административное укрупнение: самостоятельные наукограды Протвино и Пущино вошли в г.о. Серпухов. Городской округ Электрогорск объединен с г.о. Павловский Посад.
2025 г.	56	Фиксация одноуровневой структуры (56 округов). Наделение 14 периферийных территорий (Чехов, Истра, Можайск и др.) статусом муниципального округа в соответствии с федеральными критериями плотности сельского населения.

Источник: составлено автором

Одним из факторов развития региона служит воспроизводящая система взаимоотношений между хозяйственными субъектами, поэтому часто проблема социально-экономического прогресса сводится к обновлению производственного комплекса. Однако в 1990-е мир окончательно вступил в эпоху постиндустриального общества с преимуществом сферы услуг над производящими отраслями, особенно это коснулось крупных агломераций, к которым в том числе относится и Московская область.

На сегодняшний день наиболее комплексным показателем экономического состояния региона является ВРП – обобщающий показатель оценки эффективности использования природных, производственный и человеческих ресурсов.

Методические пояснения Росстата гласят, что «ВРП – обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования» [231]. ВРП является показателем, измеряющим валовую добавленную стоимость суммарно произведенной регионом продукции, но без учета ее промежуточного потребления. Ключевые составляющие ВРП включают добавленную стоимость от всех отраслей экономики региона, таких как промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля и услуги.

Во избежание ошибок при анализе статистических данных необходимо отметить, что сумма валового продукта регионального уровня не совпадает с показателями ВВП на федеральном уровне, поскольку ВРП не учитывает добавленную стоимость услуг, оказываемых обществу государственными структурами (безопасность, охрана природы, государственное управление и т.д.).

В формировании суммарного ВРП Российской Федерации регионы страны участвуют по-разному, но доля Московской области в данном экономическом индикаторе в ракурсе отраслевой структуры имеет ощутимый вес (таблица 2.4). В ракурсе макроструктурных пропорций 2018–2025 гг. это связано с комплексом факторов, среди которых особенно выделяются агрегация обрабатывающих предприятий, развитая транспортно-коммуникационная инфраструктура, благоприятные условия для ведения бизнеса и высокий объем инвестиций.

К отраслям специализации Московской области относятся агропромышленный комплекс, машиностроение, металлообработка и производство электротехнической продукции. Наряду с индустриальным сектором основу региональной экономики формируют пищевая промышленность (представленная такими производителями, как ООО «Марс» и кондитерская фабрика «Победа»), развивающиеся кластеры фармацевтики и биотехнологий (АО «Валента Фарм» в Щёлково, ООО «Герофарм» в Оболенске), производство строительных материалов (включая коломенский завод «Цементум», ранее известный как ОАО «Холсим (Рус) СМ»), а также наукоёмкий выпуск узлов и

компонентов для авиации и космонавтики. Флагманами оборонно-космического комплекса выступают АО «НПО Лавочкина» в Химках и АО «НПО машиностроения» в Реутове.

Таблица 2.4 – Основные социально-экономические показатели РФ и Московской области в период 2018-2025 гг.

Показатели	Регион РФ	Годы					
		2018	2022	2023	2024	2025 (оценка)	Темп прироста 2025 г. к 2018 г.
Суммарный валовой внутренний продукт по субъектам, млн. руб.	РФ	90 202,9	141 550,5	172 148,3	195 857,0	216 400,0	2,40
Валовой региональный продукт, млрд. руб.	МО	4 644,6	7 774,4	9 244,6	10 883,3	12 189,0	2,62
	Доля	**5,1**	**5,5**	**5,4**	**5,6**	**5,6**	1,09
Продукция промышленности, млрд. руб., в том числе:	РФ	69 620,9	102 659,3	123 356,1	141 124,0	156 600,0	2,25
	МО	2 995,4	4 838,1	5 895,7	7 059,9	7 488,0	2,50
	Доля	**4,3**	**4,7**	**4,8**	**5,0**	**4,8**	1,12
- Добыча полезных ископаемых, млрд. руб.	РФ	18 193,9	27 295,8	31 201,4	34 511,0	36 200,0	1,99
	МО	12,7	23,7	28,1	32,4	35,1	2,75
	Доля	**0,1**	**0,1**	**0,1**	**0,1**	**0,1**	1,43
- Обрабатывающие производства, млрд. руб.	РФ	44 599,5	66 797,0	83 550,2	102 480,1	114 800,0	2,57
	МО	2 600,3	4 319,0	5 385,2	6 615,0	6 896,0	2,65
	Доля	**5,8**	**6,5**	**6,4**	**6,5**	**6,0**	1,03
- Обеспечение электроэнергией, газом, паром, кондиционирование воздуха, млрд. руб.	РФ	5 641,9	6 730,5	7 101,2	7 510,4	8 200,0	1,45
	МО	287,7	333,9	361,1	388,2	504,8	1,75
	Доля	**5,1**	**5,0**	**5,1**	**5,2**	**6,1**	1,20
- Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	РФ	1 185,6	1 836,0	2 103,3	2 422,5	2 740,0	2,31
	МО	94,6	161,4	193,4	242,6	281,9	2,98
	Доля	**8,0**	**8,8**	**9,2**	**10,0**	**10,3**	1,29
Продукция сельского хозяйства, млрд. руб.	РФ	5 348,8	8 563,5	8 940,3	9 420,0	9 980,0	1,87
	МО	108,4	160,7	162,1	163,8	165,1	1,52
	Доля	**2,0**	**1,9**	**1,8**	**1,7**	**1,6**	0,79
Строительная деятельность, млрд. руб.	РФ	8 470,6	12 865,5	15 112,8	16 480,0	18 259,0	2,16
	МО	469,6	775,8	680,4	861,0	871,9	1,86
	Доля	**5,5**	**6,0**	**4,5**	**5,2**	**4,8**	0,87
Объем розничного товарооборота, млрд. руб.	РФ	31 579,4	42 577,0	47 411,4	54 122,8	60 725,0	1,92
	МО	2 355,3	3 320,1	3 766,1	4 465,7	4 820,8	2,05
	Доля	**7,5**	**7,8**	**7,9**	**8,3**	**7,9**	1,06
Объем платных услуг населению, млрд. руб.	РФ	497 234,1	12 865,5	14 748,0	16 710,0	18 420,0	0,04
	МО	34 901,3	760,3	1 010,0	1 035,0	1 164,3	0,03
	Доля	**7,0**	**5,9**	**6,8**	**6,2**	**6,3**	0,90
Внешнеторговый оборот в млрд. дол. США	РФ	497,2	-	-	-	-	-
	МО	34,9	-	-	-	-	-
	Доля	**7,0**	-	-	-	-	-

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Помимо вышеперечисленных секторов, Московская область является крупнейшим национальным центром распределительной логистики. Разветвленная транспортная инфраструктура и синергетическая близость к столице делают регион ключевым транспортным узлом, способствующим эффективному перемещению товарных потоков как внутри России, так и в рамках внешнеэкономической деятельности. На территории Подмосковья создана уникальная сеть опорных мультимодальных ТЛЦ («сухих портов»), ориентированных на обработку глобальных и внутрироссийских контейнерных грузопотоков, среди которых ключевую роль играют ТЛЦ «Белый Раст» (Дмитровский г. о.), ТЛЦ «Электроугли» (Богородский г. о.), ТЛЦ «Селятино» (Наро-Фоминский г. о.) и контейнерный комплекс в г. о. Люберцы [129].

Анализируя удельный вес Московской области в экономике России, необходимо подчеркнуть, что в области, занимающей всего около 0,3% площади Федерации, при доле населения в 6,0% (рисунок 2.1), долевое участие области в формировании суммарного ВРП страны по итогам рассматриваемого периода составило существенные 5,6%, что убедительно говорит о заметном и нарастающем влиянии области на экономику страны. Темпы роста удельного веса области в сравнении с базисным 2018 годом составили 1,10.

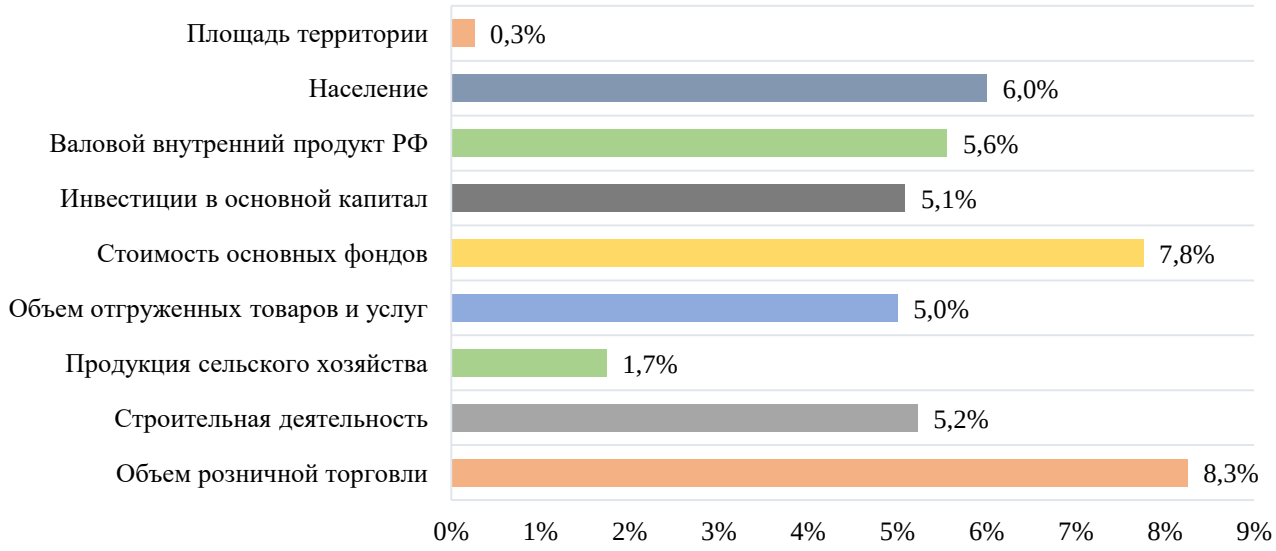


Рисунок 2.1 – Удельный вес Московской области в экономике Российской Федерации на 01.01.2025 года

Источник: составлено автором на основе [230]

Кроме того, структурный анализ показал наибольший удельный вес розничной торговле (до 8,3%) и строительной деятельности (до 5,2%), что объективно обусловлено близостью региона к Москве. Субъект известен не только столичным статусом и крупнейшим потребительским рынком страны, но и статусом одного из мировых лидеров по обороту розничной торговли. Одновременно эти показатели выражают высокую концентрацию финансовых ресурсов в Московском регионе и стабильность благосостояния населения. Существенная доля в общероссийском объеме платных услуг населению (6,2%) также является характерной чертой для субъектов с крупными агломерационными образованиями, транслирующими сервисные функции на прилегающие территории.

Удельный вес инвестиций в основной капитал с долей промышленности в 4,7% характеризует Московскую область как один из крупнейших промышленных регионов не только ЦФО, но и всей страны. Кроме того, согласно таблицы 2.5 по динамике индекса промышленного производства область опережает средние значения по стране при некотором отставании в темпах инвестиционных вложений, что свидетельствует о том, что увеличение объема производства осуществляется при эффективном использовании вложений финансовых средств в основной капитал.

Таблица 2.5 – Индексы промышленного производства и инвестиций Московской области 2018-2025 гг.

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка
Индекс промышленного производства РФ,%	103,5	103,4	97,9	106,3	100,6	104,1	104,3	104,5
Индекс физ. объема инвестиций РФ,%	105,4	102,1	99,5	108,6	104,6	109,8	107,4	105,1
Индекс промышленного производства МО,%	109,8	113,1	109,7	125	103,2	113,7	108,4	105,5
Индекс физического объема инвестиций МО,%	108,4	107,7	93	105,8	96,2	105,5	108,4	104,2

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Визуализация динамики основных макроэкономических индексов (рисунок 2.2) демонстрирует заметное изменение характера экономического роста. Если период 2018–2024 гг. характеризовался довольно заметной волатильностью и разнонаправленными траекториями движения инвестиционного и промышленного капитала, то к 2025 году отмечается феномен конвергенции (схождения) всех исследуемых кривых в единую точку сбалансированного роста в диапазоне 104,2% — 105,5%.

С позиции пространственной макроэкономической теории подобный эффект конвергенции обосновывается достижением фазы зрелости инвестиционно-производственного цикла обеспечения технологического суверенитета.

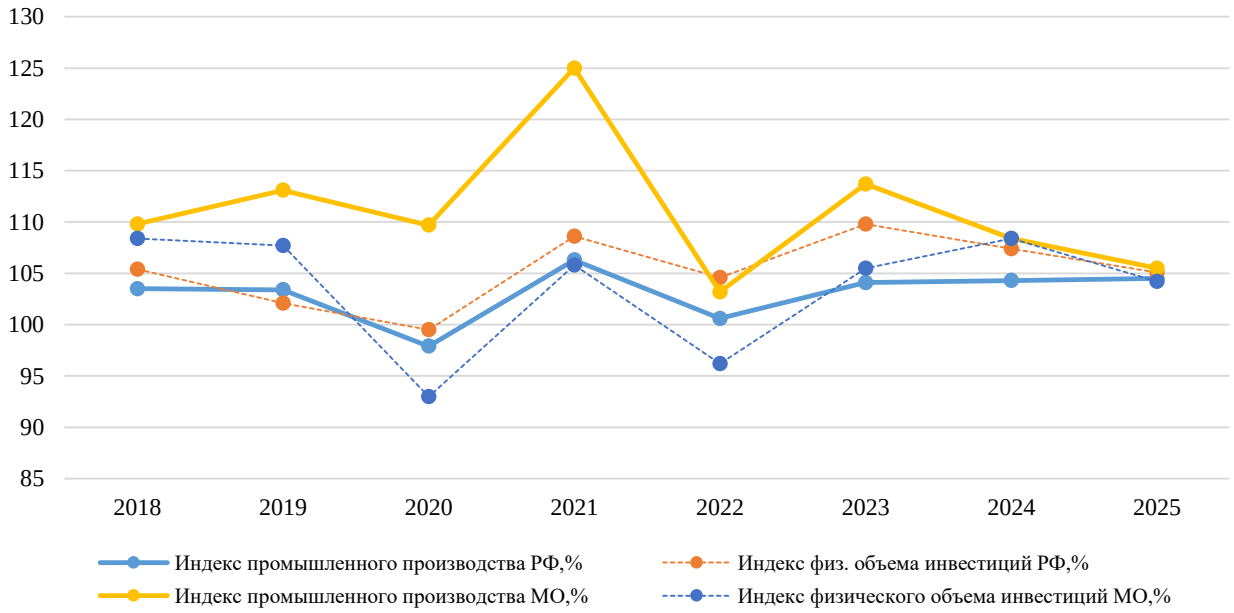


Рисунок 2.2 – Динамика основных индексов РФ и Московской области

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Для оценки степени устойчивости промышленного контура области был проанализирован реестр крупнейших налогоплательщиков и работодателей. По состоянию на 1 января 2026 года в «Перечне системообразующих организаций Московской области» официально числилось 568 компаний различных видов деятельности. Важно указать, что динамика количественного состава этого перечня (сокращение с 633 компаний в 2022 году до 568 в 2025–2026 гг.) отражает не спад производства, а объективные процессы рыночной консолидации, укрупнения

холдинговых структур и ухода с рынка неэффективных собственников в условиях санкционного прессинга. Наличие развитой сети таких предприятий сглаживает межмуниципальные диспропорции за счет формирования локальных рынков труда и устойчивых кооперационных цепочек.

В составе индустриальной платформы региона существенную роль играют крупные наукоемкие узлы тяжелого машиностроения, металлургии и химии, локализованные преимущественно в среднем и дальнем поясах агломерации. В качестве опорных точек промышленной специализации области, определяющих динамику общего объема отгрузки обрабатывающего сектора, были выделены следующие флагманские предприятия [232]:

1. АО «Машиностроительный завод» (г.о. Электросталь) – производство тепловыделяющих сборок и тепловыделяющих элементов для реакторов типа ВВЭР, РБМК, БН;

2. АО «Металлургический завод «Электросталь» – крупный производитель широкого сортамента сложной металлургической продукции для машиностроения;

3. АО «Коломенский завод» – ведущее производство серийных дизельных двигателей и пассажирских тепловозов для железных дорог России;

4. АО «Метровагонмаш» (г.о. Мытищи) – производство подвижного состава для метрополитена Москвы;

5. ОАО «Демиховский машиностроительный завод» (г. о. Орехово-Зуевский, д. Демихово) – основное серийное производство пригородных электропоездов;

6. ООО «Люберецкий электромеханический завод» – производство электромеханического оборудования тяговых подстанций для нужд железнодорожного транспорта;

7. ЗАО «Завод энергооборудования» (г. о. Люберцы) – изготовление металлической сантехнической продукции, вентиляционного и котельного оборудования;

8. АО «НП Подольсккабель» – производство сложной кабельно-проводниковой продукции специального и общепромышленного назначения;

9. АО «Подольский машиностроительный завод» – наукоемкое производство энергетического и сложного теплообменного оборудования;

10. АО «Дмитровский экскаваторный завод» – серийный выпуск тяжелых навесных траншейных экскаваторов и спецтехники;

11. ООО «Дмитровский завод фрезерных станков» – производство фрезерных и консольно-фрезерных станков, капремонт станочного оборудования;

12. АО «Балашихинские краны и манипуляторы» – производство грузоподъемной и специализированной автомобильной техники;

13. АО «Балашихинский опытный химический завод» – изготовление полиэтиленовых, полимерных изделий и тары;

14. АО «Одинцовский лакокрасочный завод» – выпуск красок для металлоконструкций, железнодорожного транспорта и автомобилей, средства защиты и материалы для подготовки поверхностей к покраске, спецодежда.

Для того, чтобы определить какая отрасль Московской области создает основную часть ВРП проведен анализ отраслевой структуры ВРП, которая выражает количественное соотношение взаимосвязанных отраслей хозяйства, участвующих в создании ВРП (таблица 2.6).

Таблица 2.6 – Отраслевая структура ВРП Московской области 2018-2025 гг.

Наименование показателей	Годы							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка)
Общий объем ВРП	100	100	100	100	100	100	100	100
Промышленность	24,3	21,4	23,1	23,2	21,7	20,9	21,2	21,4
Сельское хозяйство	1,7	1,6	1,3	1,5	1,5	1,4	1,5	1,5
Строительство	5,2	5,3	5,3	5,3	5,4	4,8	5,2	5,3
Торговля и общественное питание	28,3	21,7	21,3	22,2	21	20,6	20,9	20,1
Транспорт, хранение и связь	8,3	8,4	6,8	6,5	8,5	14,5	14,8	15,2
Деятельность по операциям с недвижимостью	11,1	15,5	16,7	17	19,1	15,2	15	14,8
Социальная сфера и гос. управление	18,1	22,6	21,8	19,6	18,5	18,3	17,3	17,5
Прочие	3	3,5	3,7	3,8	4,3	4,3	4,1	4,2

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Анализ отраслевой структуры области позволяет оценить потенциал экономического роста и выявить структурные риски субъекта РФ. Положение секторов со значительной долей добавленной стоимости — информационных технологий, транспорта, логистики и обрабатывающей промышленности — отражают выраженность диверсификации регионального хозяйства. Наблюдаемые структурные особенности отражают адаптацию хозяйственного комплекса Подмосковья в том числе и к изменению внешнеэкономических условий и неустойчивой динамики макроэкономических процессов.

Отметим, что динамика ВРП за период 2018–2025 гг. произошли преимущественно за счет опережающего роста сектора транспорта, хранения и связи почти в два раза — на 6,9 процентных пункта (с 8,3% до 15,2%). Отраслевое смещение происходило на фоне стабилизации индустриального фундамента: удельный вес промышленности незначительно скорректировался на 2,9 п.п. (с 24,3% до 21,4%), сохранив за собой роль генератора материального продукта. Сохранение позиций промышленного производства, несмотря на изменение состава собственников ряда промышленных предприятий, подтверждает приспособляемость производств и интенсификация процессов замещения импортных аналогов в округах области.

Рост транспортно-логистического сегмента вызван прежде всего переориентацией грузопотоков на Восток, изменением маршрутов поставок и увеличением объемов электронной торговли, где Московская область за счет географического положения заняла выгодное место распределительного центра ЦФО и в целом всей страны.

Одновременно отмечены изменения в сфере операций с недвижимостью. После пикового значения в 2022 году (19,1%), к началу 2026 года удельный вес сектора сократился на 4,3 п.п. — до 14,8%. Спад обусловлен как ужесточением условий кредитования, так и долгосрочным перетоком капитала. Всплеск 2022 года носил во многом конъюнктурный характер, поскольку инвесторы стремились защитить собственные активы в период высокой финансовой нестабильности.

Сейчас же инвестиционные направления заметно изменились; капитал перемещается из жилищного девелопмента в сектор материального производства. Средства активно вкладываются в создание современных производственных площадок, развитие индустриальных парков, также логистических, складских предприятий, обеспечивающих динамично растущий товарооборот области.

В то же время стоит отметить, что колебания по большинству базовых отраслей в период 2023–2025 гг. стабилизировались в узких коридорах показателей, что говорит о формировании нового баланса отраслей в прогресс Московской области (рисунок 2.3)

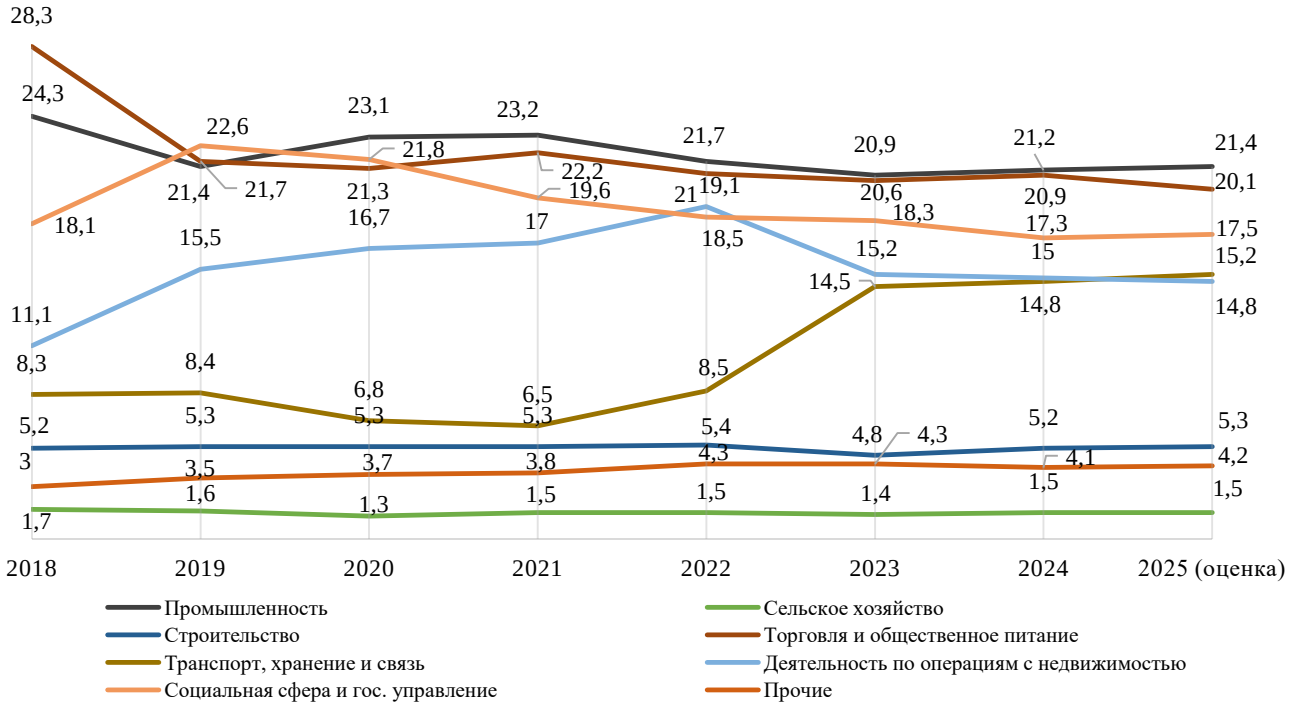


Рисунок 2.3 – Динамика изменения отраслевой структуры ВРП Московской области

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Основные конкурентные преимущества Подмосковья, включая мощный промышленный базис, развитую сеть логистических хабов, потенциал наукоградов и интенсивное расширение радиальных транспортных коридоров, прежде всего зависят от финансовой самодостаточности конкретных городских округов. Именно

совершенствование производственных площадок округов и налоговая отдача крупных муниципальных образований определяют темпы роста всего региона.

С этой позиции в исследовании подробно рассмотрены социально-экономические индикаторы городских и муниципальных округов Московской области, которые в полной мере отражают текущее состояние и долгосрочные перспективы развития региона. Масштаб анализируемой муниципальной системы Подмосковья к началу 2026 года характеризуется наращиванием капитала, особенно в обрабатывающем секторе. Совокупный оборот организаций всех муниципальных образований достиг исторического максимума и составил 28 076,4 млрд руб., а суммарный объем отгруженной промышленной продукции превысил 7 488,9 млрд руб.

Анализ социально-экономических параметров муниципалитетов и ЗАТО в динамике представляется наиболее целесообразным методом для оценки производственного, инвестиционного и институционального потенциала пространственной системы Подмосковья. Сравнительный анализ основных показателей социально-экономического прогресса городских округов Московской области представлен в таблицах 2.7, 2.8, 2.9.

Инструментальной особенностью проведения муниципального этапа экономико-статистического исследования является изменение базисного периода сравнения; если при оценке макроэкономического периметра области в качестве отправной точки использовался 2018 год, то для общей оценки социально-экономического положения городских и муниципальных округов отсчетным периодом выбран 2021 год, что вызвано исследовательской задачей по анализу максимально плотного, однородного поля данных, очерченного прежде всего после завершения административно-территориальной консолидации ряда муниципальных районов Подмосковья.

Стабильный горизонт расчета предоставляет возможность сопоставить темпы прироста базовых индикаторов в динамике и показать перспективные

траектории эволюции наиболее успешных округов области, исключая искажения от объединения бюджетов и территорий в прошлые годы (до 2018 года).

Проведенный статистический анализ объемов отгруженной продукции (таблица 2.7) свидетельствует об устойчивом росте производственных показателей в большинстве округов Московской области за период 2021–2025 гг.

Таблица 2.7 – Динамика показателей объема отгруженной продукции в округах Московской области (в действующих ценах соответствующих лет, млн. руб.)

№	Городской округ	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка)	Прирост 2025/2021, %
1	Химки	120 747,0	124 785,0	151 204,6	179 423,1	191 102,0	+58,2%
2	Подольск	134 408,9	140 901,5	166 400,0	200 800,0	211 450,0	+57,3%
3	Мытищи	104 493,7	139 493,1	152 000,0	169 600,0	178 900,0	+71,2%
4	Дмитровский	93 526,8	125 699,0	138 410,2	149 200,0	156 300,0	+67,1%
5	Одинцовский	93 231,6	102 944,8	114 800,0	128 400,0	134 200,0	+43,9%
...	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
52	Шаховская	2 167,1	2 164,4	2 240,1	2 310,5	2 390,0	+10,3%
53	Лотошино	270,0	280,0	288,4	294,2	301,5	+11,6%
54	Звёздный городок (ЗАТО)	189,9	199,4	202,1	204,8	206,1	+8,5%
55	Молодёжный (ЗАТО)	44,7	47,7	48,1	48,9	49,2	+10,1%
56	Зарайск	2 125,7	3 331,7	3 140,5	2 980,1	2 840,0	+33,6%

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

К началу 2026 года наибольшие объемы отгрузки сосредоточены в крупных индустриальных округах ближнего и среднего поясов. Так, в городском округе Подольск показатель достиг прогнозной отметки в 211 450,0 млн руб. (прирост к 2021 г. составил 57,3%), в Химках — 191 102,0 млн руб. (+58,2%), а в Мытищах — 178 900,0 млн руб., что означает увеличение объема в 1,71 раза.

Минимальные объемы отгрузки промышленной продукции в исследуемом периоде характерны в основном ЗАТО и для территорий с выраженной сельскохозяйственной специализацией, например, г. о. Лотошино, Шаховская, Серебряные Пруды и Зарайск. По итогам 2025 года объем отгрузки в Лотошино составил 301,5 млн руб., в ЗАТО Звёздный городок — 206,1 млн руб., а в ЗАТО Молодёжный — 49,2 млн руб., но все указанные территории сохранили умеренно-положительную динамику в границах от 8,5% до 11,6% к уровню 2021 года.

В то же время, ситуация по инвестированию (таблица 2.7) в основной капитал не совпадает в полной мере с данными, представленными выше, что связано со спецификой инвестиционных циклов и неравномерностью распределения больших инфраструктурных и промышленных проектов по территории области. Статистический мониторинг динамики муниципальных капиталовложений (таблица 2.8) демонстрирует выраженную неоднородность инвестиционных процессов.

Таблица 2.8 – Инвестиции в основной капитал в округах Московской области (млн. руб.)

№	Городский округ	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка)	Прирост 2025/2021, %
1	Химки	53 451,94	52 555,79	63 119,30	76 446,30	83 500,0	+56,2%
2	Долгопрудный	10 389,64	20 028,42	22 140,50	24 783,50	26 100,0	+151,2%
3	Бронницы	904,04	2 322,95	1 850,20	1 506,60	1 664,0	+84,1%
4	Электросталь	9 952,79	14 423,65	13 985,13	14 022,00	14 200,0	+42,7%
5	Коломна (Коломенский)	13 951,10	20 715,39	21 615,44	24 628,70	25 900,0	+85,6%
...	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
52	Щёлково	11 120,75	14 903,19	12 842,19	11 350,58	12 100,0	+8,8%
53	Ступино	10 585,44	9 046,69	11 234,37	13 985,13	15 050,0	+42,2%
54	Шатура	2 842,19	2 615,41	2 837,47	2 958,08	3 100,0	+9,1%
55	Восход (ЗАТО)	18,62	8,65	12,20	13,90	14,5	-22,1%
56	Молодёжный (ЗАТО)	8,95	20,61	17,68	15,40	11,2	+25,1%

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

По абсолютным масштабам привлечения инвестиций в основной капитал по итогам 2025 года лидирующее положение занимают крупные индустриальные и логистические хабы ближнего пояса Подмосковья. В частности, в городском округе Химки объем инвестиций достиг прогнозного ориентира в 83 500,0 млн руб. (прирост к уровню 2021 года составил 56,2%), а в Долгопрудном зарегистрировано увеличение показателя в 2,51 раза, до 26 100,0 млн руб. В то же время для ряда муниципальных округов и ЗАТО характерна фиксация локальных инвестиционных спадов или замедление динамики, обусловленное завершением крупных строительных фаз. Например, в ЗАТО Восход, несмотря на восстановительный рост 2023–2024 гг., итоговый объем инвестиций в 2025 году оценивается примерно в 14,5 млн руб., что уступает базисному значению 2021 года на 22,1%.

Исследование уровней и динамики оплаты труда рабочих и служащих в разрезе муниципальных образований Московской области представлен в таблице 2.9.

Таблица 2.9 – Среднемесячная номинальная начисленная плата в округах Московской области, руб.

№	Городской округ	2021	2022	2023	2024	2025 (оценка)	Прирост 2025/2021, %
1	Химки	80 065,30	88 750,00	101 152,20	114 035,00	132 800,00	+65,9%
2	Лобня	86 713,90	98 623,80	103 400,00	116 352,50	128 500,00	+48,2%
3	Черноголовка	71 459,30	88 675,40	98 240,10	108 100,00	119 400,00	+67,1%
4	Фрязино	68 405,20	79 759,70	89 200,00	99 204,90	112 100,00	+63,9%
5	Подольск	64 066,70	76 446,30	86 102,90	101 152,20	116 352,50	+81,6%
...	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
52	Щёлково	55 731,10	63 685,50	70 704,60	83 195,10	99 204,90	+78,0%
53	Кашира	47 783,80	54 871,80	61 234,40	70 704,60	83 195,10	+74,1%
54	Лотошино	40 087,00	41 819,30	47 597,20	55 427,50	65 051,00	+62,3%
55	Восход (ЗАТО)	35 369,90	37 554,10	42 258,70	48 501,30	55 584,90	+57,2%
56	Молодёжный (ЗАТО)	42 123,70	42 258,70	47 783,80	54 871,80	61 234,40	+45,4%

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

В 2025 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Московской области достигла 116 352,5 руб., превышение уровня предыдущего 2024 года (98 795 руб.) составило около 17,77%. По уровню среднемесячных доходов населения Московская область традиционно входит в число 15 ведущих субъектов Российской Федерации; более высокие позиции занимают преимущественно города федерального значения и добывающие регионы Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока (включая Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа), где размер оплаты труда определяется не только сырьевой спецификой экономики, но и действием районных повышающих коэффициентов (достигающих двукратных значений).

Наиболее высокий размер заработной платы в разрезе отраслевой структуры Подмосковья наблюдается в организациях финансовой и страховой деятельности (196,5 тыс. руб.), в компаниях, осуществляющих профессиональную, научную или техническую деятельность (156,2 тыс. руб.), в информационном секторе и на

предприятиях связи (154,8 тыс. руб.). Заработная плата в сфере добычи полезных ископаемых оказалась выше среднего уровня по области, составив 138,4 тыс. руб. В свою очередь, в сфере транспортировки и хранения товаров средняя плата замерла на отметке 124,3 тыс. руб. В производственной деятельности по обеспечению электроэнергией и газом — 116,4 тыс. руб., а непосредственно в обрабатывающих производствах — 111,2 тыс. руб. [225].

Межмуниципальные различия обобщенно можно оценить по ряду критериев, исходя из представленных выше цифр. Дифференциация городских округов по индикаторам 2025 г. оценивалась с помощью следующих показателей: коэффициент размаха, коэффициент асимметрии, коэффициент вариации (таблица 2.10). Стоит обратить внимание, что коэффициент размаха опирается на крайние значения выборки и дает достаточно условную картину дифференциации, в то время как коэффициенты вариации и асимметрии характеризуют меру относительного разброса случайной величины и могут точнее описать распределение в общем.

Таблица 2.10 – Показатели оценки дифференциации муниципальных образований Московской в 2025 г. (оценка)

Показатели	Среднее значение	Максимум	Минимум	Коэффи-циент размаха	Коэффи-циент асимметрии	Коэффи-циент вариации,%
Объем отгруженной продукции на душу населения, руб.	948 400	2 951 000	19 200	153,70	1,42	78,10
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	210 500	788 000	2 720	289,71	1,78	92,40
Среднемесячная заработная плата в г.о, руб.	116 352,5	162 100	68 400	2,37	0,38	17,20

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Комплексный экономико-статистический анализ параметров позволяет заключить о характере пространственной поляризации муниципальных образований Московской области. Установлено, что распределение промышленного и инвестиционного капитала на душу населения носит характер

явной неоднородности, так как коэффициенты вариации составляют 78,10% и 92,40% соответственно, что существенно превышает пороговое значение однородности в 33%. С позиции теории пространственной экономики подобный тренд отображает процессы очагового размещения ресурсов в границах ОЭЗ, научных центров и важных транспортно-логистических узлов ближнего и среднего поясов агломерации. В большинстве случаев, они выступают в качестве бенефициаров процессов импортозамещения.

Напротив, на локальных рынках труда наблюдается противоположное движение — сближение средних доходов населения. Коэффициент вариации среднемесячной заработной платы на компромиссном уровне составляет 17,20% (в границах умеренной однородности). В российских экономических реалиях это свидетельствует о структурном дефиците рабочей силы; для удержания трудовых ресурсов предприятия как пристоличных, так и удаленных периферийных округов были вынуждены повышать заработную плату, что привело к снижению межмуниципальных диспропорций.

За период 2021–2025 гг. на фоне низкого уровня безработицы в 1,5-2% [231] крупные промышленные предприятия среднего пояса Подмосковья увеличили номинальные заработные платы: в г. о. Подольск прирост составил 81,6%, в г. о. Щёлково — 78,0%, в г. о. Кашира — 74,1%. Динамика опередила темпы роста выплат в городских округах с торгово-логистической специализацией, расположенных ближе к Москве. Например, в г. о. Лобня рост зарплаты в среднем составил до 48%, что подтверждает тезис о кадровой стабильности структуры региона под влиянием лидерства гражданских производств, хотя немалую роль сыграл прирост объемов производства оборонной промышленности.

Характер разбалансировки подтверждается в том числе анализом скошенности распределений. Положительные коэффициенты асимметрии по всем трем индикаторам фиксируют неизменный правосторонний сдвиг. В частности, показатели отгрузки товаров (1,42) и инвестиций в основной капитал (1,78) отражают формирование производства и капитала в ограниченном числе

муниципальных образований, формирующих ВРП региона. Меньшая асимметрия по заработной плате (0,38) указывает на то, что при общей стабилизации кадрового рынка модальный доход большинства работников остается ниже среднеарифметического значения. Дисбаланс связан с влиянием более высокого уровня оплаты труда в финансовом и научно-техническом секторах агломерации.

Полученные результаты расширяют представления о механизмах пространственной конвергенции доходов в агломерациях. Существующие приемы и методы связывают выравнивание уровней заработной платы исключительно с влиянием столичного рынка труда и маятниковой миграцией, но анализ показал, что в период 2021–2025 гг. на это в основном повлиял межмуниципальной структурный кадровый дефицит в промышленности. Необходимость привлечения квалифицированных специалистов в условиях развертывания производств взамен ушедших иностранных компаний и увеличения спроса на профессии, связанные с производством военной продукции, спровоцировала опережающий рост заработной платы на производствах средних и дальних округов Подмосковья.

Сочетание неоднородности укорененных территорий распределения производственного потенциала и параметров занятости населения обосновывает переход от общего описательного анализа к многофакторному эконометрическому моделированию. Стандартные методы статистики на региональном уровне смягчают внутренние перекосы и не позволяют точно определить масштаб и характер диспропорций между муниципальными образованиями региона. В то же время для более точной и более детальной оценки диспропорций и вклада географических, инвестиционных и инфраструктурных факторов в формирование ВМП предполагается отдельная декомпозиция статистических данных.

2.2 Факторный анализ динамики социально-экономического развития региона

Макроэкономические показатели Московской области требуют детализации на внутреннем уровне для выявления и оценки межмуниципальных диспропорций. Анализ внутренних различий развития муниципалитетов внутри региона предполагает переход от агрегированных индикаторов к оценке факторов, определяющих динамику конкретных округов. Поскольку положение хозяйственного комплекса Московской области отличается заметной агломерационно-периферийной поляризацией по оси «центр — периферия», в качестве характерных факторов экономического моделирования межмуниципальной дифференциации выделены следующие:

1. Историко-географический (включая удаленность округов от МКАД);
2. Технологический (включая потенциал импортозамещения);
3. Демографический и агломерационный;
4. Регуляторно-правовой;
5. Административно-территориальный;
6. Экологический.

Совокупность указанных факторов рассматривается и стимулом, и ограничением для постоянного развития региона. С позиции классических концепций пространственной экономики, универсальный набор показателей для исчерпывающей оценки уровня субъектов РФ не может быть представлен ввиду явной разнородности структуры экономик регионов [127]. В связи с этим в исследовании применяется сочетание удельных показателей, рассчитанных в том числе и на единицу вовлеченных трудовых ресурсов (в частности, ВРП на душу населения и на одного занятого в экономике).

В таблице 2.11 представлены в первую очередь результирующие экономические показатели по региону.

Таблица 2.11 – Основные макроэкономические показатели производства и занятости в Московской области в 2018–2025 гг.

Показатели	Ед. изм.	2018	2022	2023	2024	2025 (оценка)	Темп прироста 2025 к 2018 гг.
ВРП в текущих ценах, млрд руб.	млрд руб.	4 644,6	7 774,4	9 244,6	10 883,3	12 189,3	2,62
	—	1,14	1,14	1,18	1,17	1,12	—
Численность населения, тыс. чел.	тыс. чел.	8 193,4	8 591,7	8 651,3	8 775,7	8 801,2	1,07
Численность занятых в экономике, тыс. чел.	тыс. чел.	3 912,4	4 135,0	4 184,3	4 290,1	4 312,5	1,10
ВРП на душу населения, тыс. руб.	тыс. руб.	566,8	904,8	1 068,6	1 240,1	1 384,9	2,44
ВРП на 1-го занятого, тыс. руб.	тыс. руб.	1 187,1	1 880,1	2 209,3	2 536,8	2 826,5	2,38

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

На Рисунке 2.4 показано, что с базового 2018 г. ВРП Московской области демонстрирует стабильный рост со среднегодовыми номинальными темпами на уровне 10–12%. При этом траектория общего объема ВРП (синяя линия) незначительно опережает показатели эффективности (оранжевая линия). Сдвиг объясняется стабильным миграционным приростом населения региона (около 1% в год), выступающим естественным буфером для удельных индикаторов.

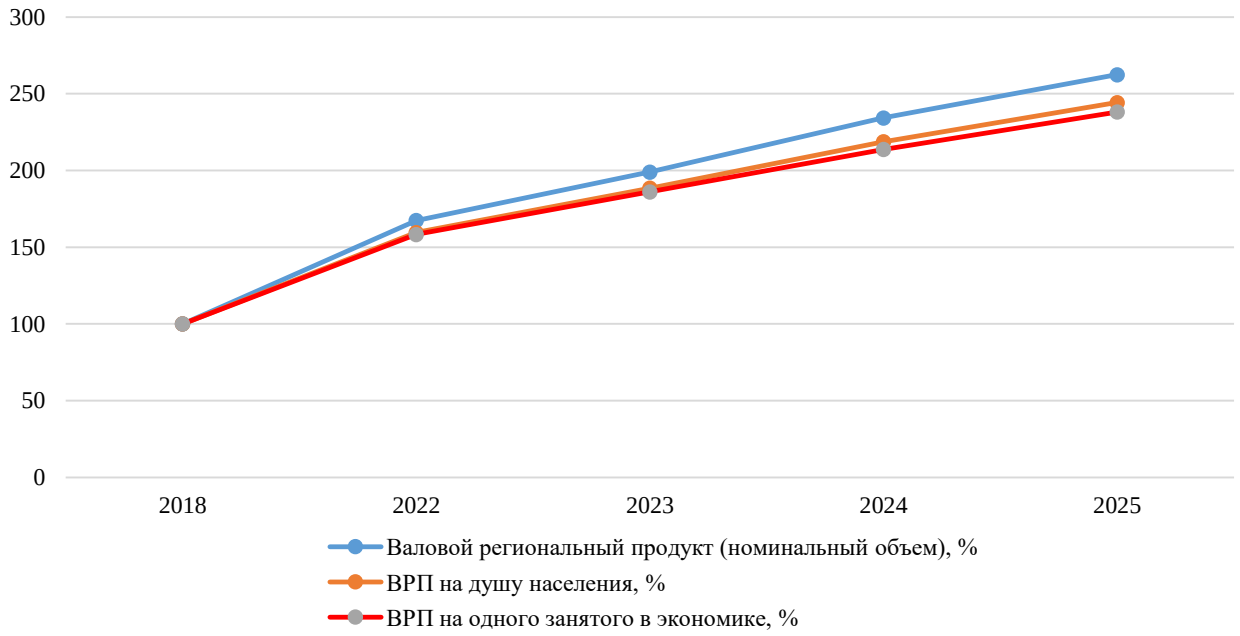


Рисунок 2.4 – Динамика базисных индексов 2018–2025 гг. (2018 г. = 100%)

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Параллельный рост индексов ВРП на душу населения и на одного занятого описывает интенсивный характер экономического развития области. Положительная макродинамика обусловлена не столько экстенсивным расширением численности занятых, сколько успешной модернизацией инфраструктуры и притоком инвестиций в технологические производства. Финансы и инновации обеспечивают предприятиям Подмосковья устойчивый рост производительности труда и в целом усиливают конкурентоспособность региона.

Особый вклад в экономику региона вносят промышленность, информационные технологии и сектор услуг, где наблюдается рост добавленной стоимости. Московская область сочетает удобное географическое положение, развитую сеть дорожной инфраструктуры и обладает научным и кадровым потенциалом. Интеллектуальный и технологический задел закрепляет за подмосковным регионом лидерство на отечественных рынках. Данные таблицы 2.12 подтверждают тезис, что промышленность составляет основу экономического развития области.

Однако наряду с положительной динамикой физических объемов промышленного производства, удельный вес индустриального сектора в структуре совокупного ВРП по сравнению с базовым 2018 годом снизился на 2,9 процентных пунктах. Объяснение кроется в объективных факторах, поскольку процессы локализации населения в Подмосковье за рассматриваемый период выдвинули в качестве лидеров строительный сегмент и рынок услуг.

Таблица 2.12 – Характеристики промышленного производства в 2018–2025 гг.

Показатели	Ед. изм.	2018	2022	2023	2024	2025 (оценка)
Объем промышленного производства	млн руб.	2 995 400	4 838 109	5 895 700	7 059 900	7 488 900
	темп роста	1,10	1,03	1,14	1,08	1,06
Численность населения МО	тыс. чел.	8 193,4	8 591,7	8 651,3	8 775,7	8 801,2
Промышленное производство на душу населения	тыс. руб.	365,6	563,1	681,5	804,5	850,9
Доля промышленного производства в ВРП	%	24,3	21,7	20,9	21,2	21,4

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Агломерационные процессы и цифровизация государственной инфраструктуры Московской области в едином воспроизводственном цикле характеризуют большинство параметров качества деловой и городской среды [122]. Цифровые сервисы и методы управления передаются прежде всего по внутренним каналам правительства региона и ближнего пояса агломерации, а затем постепенно внедряются в практику руководства удаленных и развивающихся территорий региона. Для автоматизации общественного контроля и государственного мониторинга в городских и муниципальных округах Подмосковья используется информационная система «Добродел» (мониторинг обращений граждан), Региональная географическая информационная система (РГИС) и интеллектуальный комплекс видеонаблюдения «Безопасный регион». Сквозная интеграция в рамках столичной агломерации обеспечивается в том числе за счет внедрения Единой медицинской справочно-аналитической системы (ЕМИАС) [129].

Проникновение указанных цифровых и инфраструктурных решений полностью совпадает с изменением параметров качества жизни населения и предопределяет необходимость комплексного анализа показателей благосостояния населения региона. С этих позиций в таблице 2.13 рассматриваются элементы социально-экономической системы Подмосковья. Показатели описывают динамику среднедушевых денежных доходов, номинальной заработной платы и величины прожиточного минимума в Московской области за период 2018–2025 гг.

Таблица 2.13 – Динамика основных социальных индикаторов уровня жизни в РФ и Московской области в период 2018–2025 гг.

Показатели	Ед. изм.	2018	2022	2023	2024	2025 (оценка)
Среднедушевые доходы населения РФ	руб.	33 178,0	44 937,0	53 110,0	63 954,0	74 850,0
Среднедушевые доходы населения МО	руб.	42 278,0	55 109,0	63 423,0	73 661,0	84 210,0
Прожимный минимум в МО (на душу населения)	руб.	12 229,0	16 223,0	17 277,0	18 296,0	19 302,0
Доходы населения МО в % к прожиточному минимуму	%	345,7	339,7	364,1	402,6	436,3

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Динамика среднедушевых доходов населения Московской области за 2018-2025 гг. представлена на Рисунке 2.5.

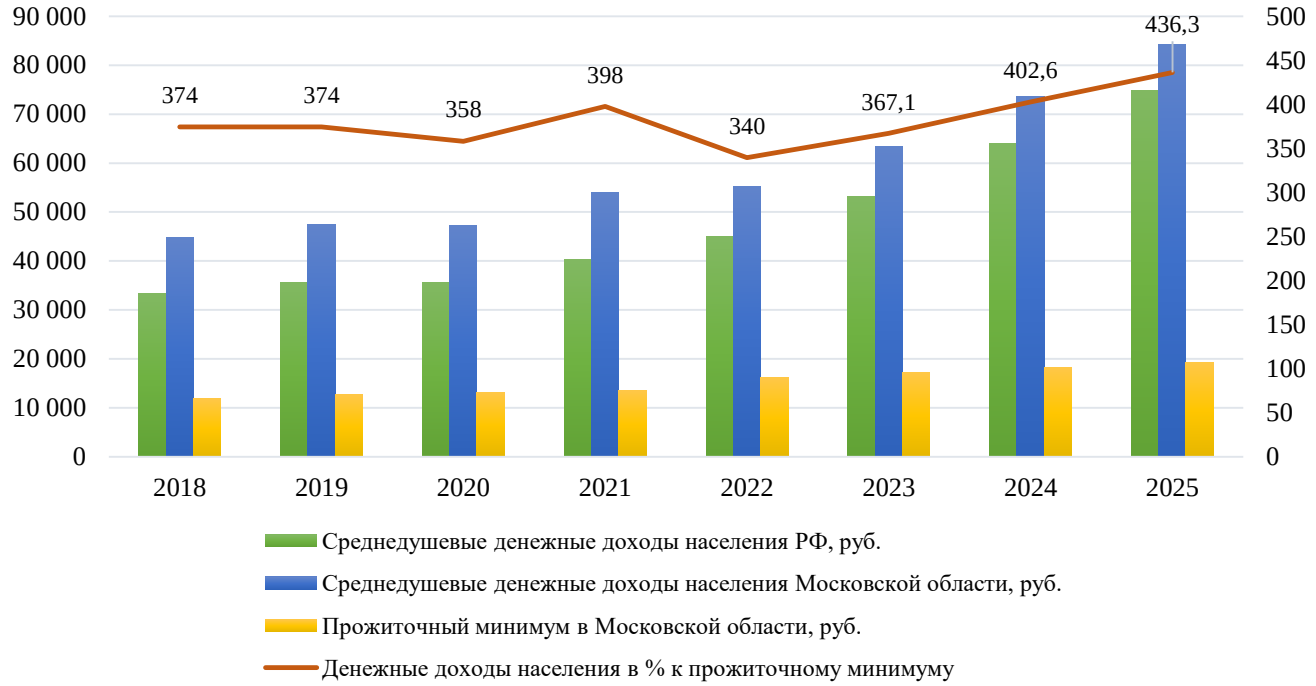


Рисунок 2.5 – Среднедушевые доходы населения РФ и Московской области 2018-2025 гг.

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Отмеченное в 2022 году резкое снижение показателя до минимума в 339,7% аргументируется первичным инфляционным шоком и структурной перестройкой рынков с начала ввода первого пакета санкций, когда номинальный рост прожиточного минимума временно опережал динамику реальных доходов [110], но уже в периоде 2023–2025 гг. покупательная способность населения отметилась интенсивным и восходящим трендом, который достиг исторического максимума в 436,3% к началу 2026 года.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях критического дефицита кадров внутри столичной агломерации номинальный рост доходов населения гарантировался действием двух факторов: острой конкуренцией за трудовые ресурсы, вынудившей работодателей немедленно повышать ставки для удержания персонала, и высоким инфляционным давлением, запустившим компенсаторную индексацию выплат в реальном секторе экономики.

Поскольку, как было отмечено выше, ключевым фактором воспроизводства хозяйственного комплекса Московской области выступают трудовые ресурсы, в исследовании выполнен экономико-статистический анализ показателей использования рабочей силы за расширенный хронологический период, представленный в таблице 2.14.

Таблица 2.14 – Основные показатели использования рабочей силы в Московской области в 2018–2025 гг.

Наименование показателей	Ед. изм.	2018	2022	2023	2024	2025
Население Московской области	тыс. чел.	8 193,4	8 591,7	8 651,3	8 775,7	8 801,2
Численность рабочей силы	тыс. чел.	4 125,0	4 151,0	4 452,0	4 720,0	4 785,0
Уровень участия в составе рабочей силы	%	67,8	65,2	66,4	67,1	67,5
Уровень занятости	%	65,8	63,1	64,8	65,9	66,4
Уровень безработицы (по методологии МОТ)	%	2,9	3,1	2,1	1,6	1,4
Уровень охвата населения высшим образованием	%	42,4	42,6	43,1	43,5	43,8

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Рассчитанные параметры функционирования рынка труда Подмосковья сигнализируют о наступлении фазы напряженности институциональной и производственной среды. Отметим, что главным макроэкономическим трендом 2023–2025 гг. стало интенсивное сжатие уровня безработицы до исторического минимума в 1,5-2%, что свидетельствует о практически полном исчерпании внутренних резервов занятости.

Параллельно компенсаторно растет уровень участия населения в составе рабочей силы (до 67,5%) и уровень занятости (до 66,4%). С позиции теории пространственной организации, этот процесс отражает явление «сверхэффективного поглощения» кадров. Под влиянием агломерационных факторов и ускоренной локализации машиностроения и оборонной промышленности в экономический оборот были вовлечены ранее незанятые группы населения. Качество предложения труда имеет стабильно возрастающую

динамику — доля лиц с высшим образованием в структуре занятых достигла 43,8%. Сложившаяся к началу 2026 года ситуация кадрового голода подтверждает необходимость перехода от мер линейного стимулирования занятости к механизмам дифференцированной модернизации промышленности и повышения производительности труда в муниципальных образованиях региона.

Предельная антропогенная нагрузка на инфраструктуру, повышенная локализация производств и плотность населения Подмосковья оказывают существенное негативное влияние на экологическую ситуацию в области. Согласно отчетам Министерства жилищно-коммунального хозяйства Московской области, к 2026 года сформирован принципиально новый индустриально-экологический формат утилизации твердых коммунальными отходами (ТКО), обеспечивающий ежегодную переработку более 7,5 млн т. ТКО, поступающих в рамках агломерационного пространства (включая товарные потоки г. Москвы). Закрытие старых полигонов захоронения и ввод в эксплуатацию 11 современных предприятий по переработке отходов (КПО) снизили удельную нагрузку на земельные ресурсы субъекта РФ [222].

На основе количественных параметров, представленных в таблице 2.15, можно сделать вывод, что в Московской области отмечена устойчивая тенденция к снижению объемов выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду на фоне роста финансирования природоохранных мероприятий.

Таблица 2.15 – Расходы на охрану окружающей среды и параметры антропогенной нагрузки в Московской области в 2018–2025 гг.

Наименование показателей	Ед. изм.	2018	2022	2023	2024	2025 (оценка)
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (от стационарных источников)	тыс. т.	231,0	169,0	162,4	158,1	153,5
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты	млн куб. м	986,0	806,0	794,2	761,0	724,5
Текущие расходы на охрану окружающей среды	млрд руб.	21,5	51,5	58,4	64,1	70,8

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Тренд связан с увеличением объемов финансирования природоохранной деятельности. За исследуемый период текущие расходы на охрану окружающей среды в Московской области выросли (в фактически действовавших ценах) в 3,29 раза и по итогам 2025 года составили около 70,8 млрд руб.

В то же время темпы увеличения затрат заметно превышают динамику снижения физических объемов загрязнений (рисунок 2.6). Ситуация сигнализирует о значительной капиталоемкости природоохранных мероприятий в условиях плотной субурбии и раскрывает необходимость перехода от компенсационных механизмов к предупредительным инструментам экологической политики, стимулирующей внедрение зеленых технологий непосредственно в муниципальных промышленных площадках региона.

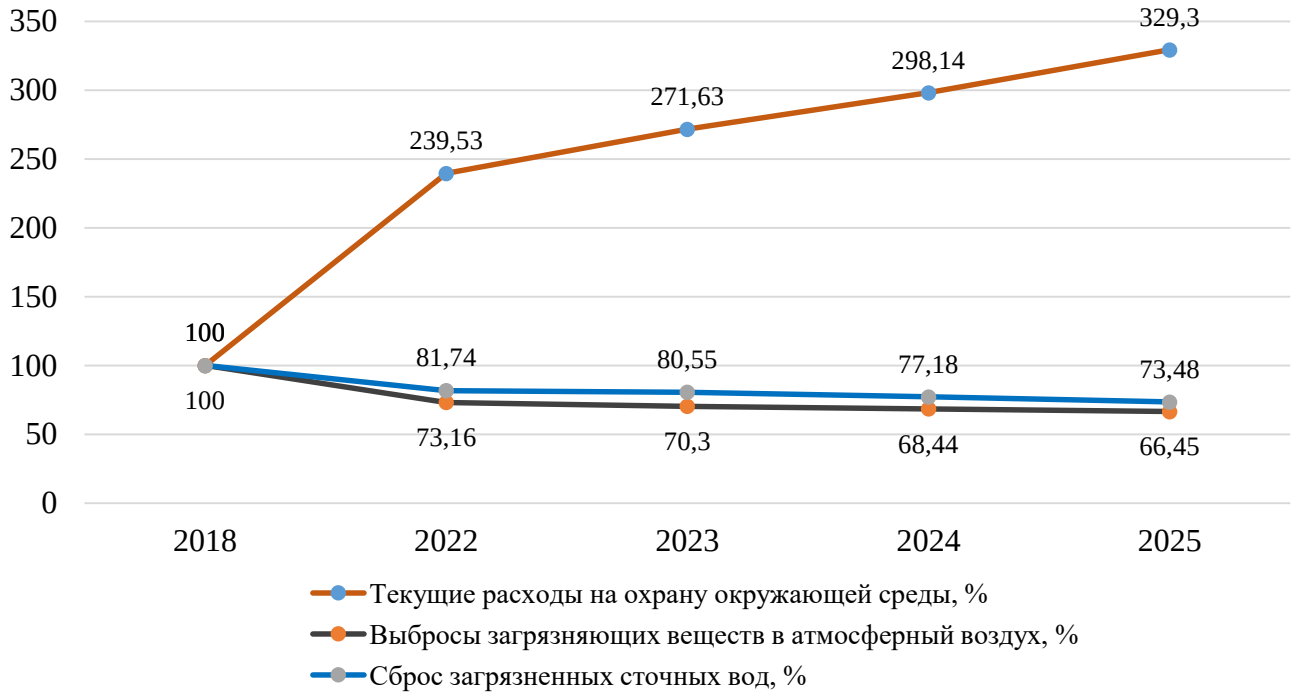


Рисунок 2.6 – Динамика расходов на охрану окружающей среды

Источник: составлено автором на основе [230; 231]

Анализ социально-экономического положения Московской области и прогнозирование ее развития требуют использования методов экономико-математического моделирования, включая многофакторную эконометрическую

модель. Этот прикладной математический аппарат позволяет квантифицировать сложную триаду связей между инвестициями, кадрами и ВРП.

Многофакторная модель выражается классической линейной регрессией (Формула 2.1).

$$Y_i = a_0 + a_1 X_{1i} + a_2 X_{2i} + \cdots a_k X_{ki} + \varepsilon\,, \qquad (2.1)$$

где

Y_i – зависимая переменная, выражающая итоговый критерий макроэкономического развития региона;

a_0 – свободный член регрессии (интерцепт);

$a_1, a_2, \ldots, a_k$ – коэффициенты регрессии;

$X_{1i}, \ldots, X_{ki}$ – независимые переменные;

ε – случайная ошибка модели.

С точки зрения макроэкономического прогнозирования эконометрическая модель позволяет определить агрегированное влияние ключевых факторов на общую устойчивость и перспективы Московской области как крупнейшего региона с развитой городской агломерацией. Информационной основой для проведения регрессионного анализа служит динамический ряд параметров, отражающих макроэкономическое состояние субъекта РФ за исследуемый период.

Для количественного и качественного анализа регионального положения на макроуровне расчеты произведены следующим образом. В качестве зависимой переменной (Y) использован показатель ВРП, выступающий интегральным индикатором уровня интенсивности воспроизводственного процесса и общего материального благосостояния жителей региона.

Многофакторная временная модель регрессии ВРП на душу населения Московской области предполагает набор объясняющих факторов. В качестве независимых переменных, определяющих динамику результативного признака, приняты следующие макроэкономические показатели:

X_1 — объем инвестиций в основной капитал в целом по Московской области, млн руб.;

X_2 — объем ввода в действие основного капитала, млн руб.;

X_3 — темпы роста промышленной продукции, в % к предыдущему году;

X_4 — среднегодовая численность занятых в экономике области, в % к предыдущему году;

X_5 — индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года), в процентах.

Сформированный комплекс из пяти независимых переменных оптимален по составу и достаточен для построения макроэкономической модели временного ряда. Выбор именно пяти показателей продиктован необходимостью сохранить математическую устойчивость линейной регрессии и не допустить критического сжатия числа степеней свободы в условиях ограниченной выборки (n = 8). Включение шестого фактора сократило бы число степеней свободы до критической единицы, обнулив точность F-теста. Текущая размерность сохраняет две степени свободы, гарантируя надежность матрицы парных корреляций.

При выборе объясняющих факторов для макромодели региона рассматривалось включение розничной торговли и жилищного строительства. Однако предварительные тесты показали, что на уровне области эти графики полностью дублируют траекторию инвестиций и промышленности. Их одновременный ввод сломал бы математику уравнения из-за мультиколлинеарности, когда переменные начинают подменять друг друга.

На региональном уровне эти параметры были замещены индексом потребительских цен, отражающим общее конъюнктурное давление. При этом специфика влияния ввода жилья и потребительского ритейла на подушевой продукт была перенесена во вторую, пространственную модель (уравнение 2.4). В рамках муниципальной выборки по 56 округам эти факторы уже работают независимо, точно отражая рост пригородов и маятниковую миграцию.

В Таблице 2.16 приведены исходные статистические сведения по основным макроэкономическим индикаторам, определяющим эконометрическую модель.

Таблица 2.16 – Параметры для регрессионной модели развития Московской области

Годы	ВРП на душу населения, руб.	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	Ввод в действие основного капитала, млн. руб.	Темпы роста промышленной продукции % к пред. году	Среднегодовая численность занятых, % к предыдущему году	Индекс потребительских цен, % декабрь к декабрю предыдущего года
	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
2018	566 800	945 424	755 917	109,8	98,1	105,3
2019	620 590	1 090 732	1 976 989	113,1	98,1	102,6
2020	640 766	1 077 672	1 570 463	109,7	101,5	104,7
2021	799 820	1 182 602	2 091 154	125	99,6	109,8
2022	904 800	1 329 379	2 174 068	103,2	101,9	114,1
2023	1 068 600	1 658 700	2 341 500	113,7	101,2	107,4
2024	1 240 100	2 011 600	2 610 800	108,4	102,5	108,1
2025	1 384 900	2 245 100	2 890 400	105,5	100,5	106,5

Источник: составлено автором

На основе представленных данных сделан расчет с помощью математических программных средств «Statistica» (Приложение А) и рассчитана степень влияния факторов на результат.

При исследовании регрессии получена эконометрическая модель описывающая механизм функционирования социально-экономической системы Московской области:

$$Y = -1614483{,}38 + 0{,}63X_1 - 0{,}003X_2 + 2234{,}78X_3 - 487{,}46X_4 + 13249{,}89X_5. \quad (2.2)$$

Модель в стандартизированном масштабе:

$$Y = 0{,}986X_1 - 0{,}0075X_2 + 0{,}0489X_3 - 0{,}0027X_4 + 0{,}153X_5.$$

Связь между результирующим признаком и собранными факторными признаками (включенными в регрессионную модель) достаточно тесная, поскольку коэффициент корреляции был равен 0,9991. Множественный коэффициент детерминации составил 0,9982. Это дает право считать факторные признаки определяющими ВРП на душу населения. Таким образом, в 99,82% случаев изменения макроэкономических параметров инвестиций, ввода производственного

капитала, промышленного роста, занятости и инфляции предопределяют динамику ВРП на душу населения Московской области.

Для проверки качества представленной модели проводится F – тест (критерий Фишера). Сравнение критического критерия F_{cr} с фактическим значением F_{fakt} позволяет подтвердить или отклонить нулевую гипотезу.

Поскольку при исследовании модели $F_{cr} = 19{,}30$ (при степенях свободы k1 = 5 и k2 = n-m-1 = 8 - 5 - 1 = 2) и $F_{fakt} = 228{,}10$, то есть фактическое значение $F_{fakt} > F_{cr}$.

На основе указанного коэффициент детерминации признается статистически значимым, а совокупное влияние объясняющих переменных — доказанным, что дает возможность утверждать, что разработанная многофакторная регрессионная модель является полностью релевантной и надежной.

Степень влияния факторов на результирующий показатель (ВРП) представлена в Таблице 2.17.

Таблица 2.17 – Динамика основных признаков регрессивной модели основных показателей в регионе

Факторный признак	Изменение результирующего признака, b_j	Частные коэффициенты эластичности, E_i
Объем инвестиций в основной капитал, X_1	0,9860	1,001
Объем ввода в действие основного капитала, X_2	-0,0075	-0,008
Темпы роста промышленной продукции, X_3	0,0489	0,275
Среднегодовая численность занятых, X_4	-0,0027	-0,054
Индекс потребительских цен, X_5	0,1530	1,574

Источник: составлено автором

Сопоставляя полученные коэффициенты эластичности по абсолютной величине, можно сделать вывод, что показатель ВРП на душу населения Московской области обладает наибольшей чувствительностью к конъюнктурным параметрам инфляционного давления и динамике инвестиционной активности.

В частности, коэффициент эластичности инвестиций в основной капитал равен 1,001%, что математически доказывает заметную отдачу от вложений.

Прирост капитальных вложений на 1% генерирует эквивалентный прирост подушевого ВРП на 1,001%, что обосновывает стратегическую необходимость продолжения комплексных мероприятий по поддержке инвестиционной привлекательности региона, развитию инфраструктуры ОЭЗ и стимулированию реального сектора экономики.

Эластичность по темпам роста промышленного производства находится на умеренном уровне (0,275%), подтверждая стабильную, но инерционную роль индустриального каркаса Подмосковья.

Важным научным результатом моделирования служит фиксация отрицательной эластичности по фактору среднегодовой численности занятых (-0,054%). В современных условиях пространственного устройства столичной агломерации феномен строго верифицирует гипотезу о наступлении ограничений на рынке занятости населения.

На основе сопоставления модулей стандартизированных β-коэффициентов регрессии, позволяющих ранжировать объясняющие переменные по степени их изолированного давления на результативный признак вне зависимости от единиц измерения, представлен итоговый рейтинг (таблица 2.18).

Таблица 2.18 – Ранжирование факторных признаков

Ранг влияния	Признак
1	Инвестиции в основной капитал (β_1= 0,986)
2	Индекс потребительских цен (β_2= 0,153)
3	Темпы роста промышленной продукции (β_3 = 0,049)
4	Среднегодовая численность занятых (β_4 = -0,0027)
5	Ввод в действие основного капитала (β_5 = -0,0075)

Источник: составлено автором

Построенная макроэкономическая модель (2.2) подтвердила ключевую роль инвестиционных и индустриальных факторов в развитии региона, однако она оценивает Московскую область как единый неделимый объект, скрывая внутренние структурные диспропорции. В условиях сильной дифференциации пространственного устройства Подмосковья исключительно макроэкономического

анализа становится недостаточно. Для более детального понимания природы поляризации требуется декомпозиция исследования и переход на уровень отдельных муниципальных образований.

В связи с этим, в качестве самостоятельного аналитического инструмента нами применено многофакторное экономико-математическое моделирование для выявления веса локальных факторов развития городских и муниципальных округов. Методика способна оценить изменение общих макроструктурных трендов под влиянием специфических характеристик конкретных муниципальных территорий.

Необходимо подчеркнуть, что избыточность совокупности переменных, потенциально влияющих на макроэкономические и социальные индикаторы субъекта РФ, делает попытку включения всех доступных параметров в единую спецификацию методологически непродуктивной и ведет к математической нестабильности регрессионных уравнений.

Дополнительно процедуру моделирования заметно осложняет объективная нехватка статистических данных, касающихся функционирования экономики муниципальных образований. В открытых официальных бюллетенях Мосстата и отчетных материалах Правительства Московской области представлен ограниченный набор удельных индикаторов в разрезе городских округов, что предопределяет необходимость применения расчетно-аналитических методов для оценки количественных параметров местного воспроизводства.

Ещё раз стоит упомянуть о масштабной муниципальной реформе 2014–2021 гг., в ходе которой произошли существенные трансформационные процессы по реструктуризации административно-территориальной организации Подмосковья и консолидации муниципальных районов в единые городские округа [15]. В этой связи для анализа используются базовые параметры, отражающие специфику обустройства муниципальных образований в сопоставимых границах.

В целях нивелирования краткосрочных конъюнктурных шоков (пандемический кризис 2020 г., внешнеэкономическое санкционное давление 2022

г.) и преодоления циклических колебаний инвестиционной и строительной активности в исследовании был осуществлен переход от ежегодных панельных данных к статичной пространственной модели долгосрочного развития. Расчет средних арифметических значений всех показателей за период 2018–2025 гг. позволил очистить массив статистики от случайных годовых флуктуаций, сосредоточив фокус анализа на фундаментальных, постоянных центр-периферийных диспропорциях и оценке совокупного структурного потенциала территорий.

В качестве результирующего параметра нами принят показатель Валового муниципального продукта (ВМП) на душу населения — гипотетический объем добавленной стоимости, приходящийся на одного жителя конкретного муниципального образования. В официальных статистических изданиях Росстата отсутствуют открытые данные по объемам ВМП городских округов Московской области, в связи с чем в рамках настоящего исследования данный индикатор определен расчетно-аналитическим путем [235]. Учитывая, что величина ВМП находится в жесткой функциональной зависимости от масштабов занятости, в качестве расчетного инструмента предложена следующая формула пропорционального распределения:

$$\text{ВМП}_{moi} = \text{ВРП} \cdot \frac{\text{ФЗПмо}i}{\text{ФОТр}}, \quad (2.3)$$

где

ВМП_{moi} - расчетный абсолютный объем валового муниципального продукта *i*-го городского округа, млн. руб.;

ВРП - валовой региональный продукт Московской области за исследуемый год, млн руб.;

$\text{ФЗПмо}i$ - совокупный фонд заработной платы работников организаций *i*-го городского округа;

ФОТр - совокупный фонд оплаты труда в целом по экономике региона, млн руб.

Для эконометрического моделирования полученный абсолютный показатель ($ВМП_{moi}$) был декомпозирован по численности населения округа с последующим расчетом средних арифметических значений за весь исследуемый период. С целью обеспечения методологической сопоставимости и соизмеримости разнородных факторов территориального развития (рубли на душу населения, тыс. человек, кв. км) и устранения гетероскедастичности, итоговая спецификация модели представлена в мультипликативной (полулогарифмической) форме. Переход к натуральным логарифмам переменных позволил линеаризовать параметры и интерпретировать полученные коэффициенты регрессии (кроме фактора географической удаленности) как коэффициенты эластичности, отражающие чистую реакцию удельного ВМП на изменение агломерационных характеристик округов.

Влияющие факторы, выступающие в качестве независимых объясняющих переменных, которые оказывают преобладающее воздействие на экономический, производственный и социальный каркас муниципальных образований Подмосковья, определены нами в рамках следующей матрицы среднесрочного потенциала:

X_1 – численность постоянного населения муниципального образования, тыс. чел.;

X_2 – площадь территории муниципального образования, км².;

X_3 – пространственная удаленность административного центра муниципального образования от МКАД, км;

X_4 – объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб./чел.;

X_5 – объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения, руб./чел.;

X_6 – оборот розничной торговли на душу населения, руб./чел.;

X_7 – объем жилищного строительства (ввод в действие жилых домов) на душу населения, м²/чел.

Для целей эконометрического моделирования показатели X_1, X_2, X_4, X_5, X_6, X_7 используются в форме натуральных логарифмов (ln), что позволяет линеаризовать параметры и интерпретировать коэффициенты регрессии как чистую эластичность.

Необходимо подчеркнуть, что данная матрица независимых переменных сознательно включает разнородные параметры демографического и производственного потенциала, которые в специфических условиях Московской области не имеют жестких функциональных связей. Так, интенсивное жилищное строительство в Одинцовском и Красногорском округах и сопутствующий прирост численности населения во многих округах ближнего и среднего поясов агломерации обусловлены субурбанизационными процессами и формированием «спальных» территорий, где прирост жителей (включая неработающие группы населения) напрямую не коррелирует с локальным объемом промышленного выпуска этих территориально укорененных систем.

Аналогично, высокая плотность организаций в муниципальном образовании зачастую создается за счет субъектов малого бизнеса сферы обслуживания и розничной торговли, чья деятельность ориентирована на удовлетворение локального потребительского спроса, но не определяет индустриальный каркас. Включение этих переменных в единую эконометрическую модель позволяет изолировать и оценить вклад каждого частного фактора в формирование удельного ВМП с учетом сложной радиально-кольцевой структуры Москвы и области.

При этом следует отметить, что пул муниципальной макроэкономической статистики в открытом доступе Росстата существенно ограничен. Подобное информационное ограничение предопределило выбор представленной системы факторов как наиболее полной и верифицируемой. Тем не менее, массив переменных обладает достаточной репрезентативностью для достижения целей исследования, а применение расчетного инструментария позволило компенсировать дефицит официальных сведений на муниципальном уровне.

Результирующие и объясняющие факторы сконструированы в виде пространственной выборки долгосрочных средних значений за непрерывный временной период 2018–2025 гг. Для обеспечения абсолютной методологической сопоставимости на всех этапах исследования пространственная матрица модели строго ограничена 56 городскими округами Московской области, формирующими административно-территориальную структуру региона (Приложение Б).

Показатели муниципальных образований, утративших статус самостоятельных муниципальных единиц в ходе муниципальной реформы (в частности, наукоградов Протвино и Пущино, городского округа Электрогорск и Коломенского муниципального района), интегрированы в статистические массивы тех округов, в состав которых они вошли (г. о. Серпухов, Павлово-Посадский г. о., г. о. Коломна). Данный методологический шаг позволил создать сквозные однородные ряды в сопоставимых современных границах территорий.

Общий объем выборочной совокупности (информационная матрица пространственных усредненных цифр) составил 56 единиц наблюдения по каждому макроэкономическому показателю, что гарантирует необходимый уровень математических степеней свободы для получения несмещенных, достоверных оценок коэффициентов чувствительности модели (Приложение В).

Выполнен расчет коэффициента множественной корреляции, устанавливающего зависимость между ВМП на душу населения и другими социально-экономическими показателями муниципальных образований, что способствует установлению тесноты взаимосвязи между основными пространственно-экономическими факторами обустройства городских округов области, коэффициентом детерминации и параметров статистической значимости полученных результатов.

При исследовании множественной регрессии получена эконометрическая модель, описывающая механизм функционирования социально-экономической системы муниципальных образований Московской области в полулогарифмическом масштабе:

$$\ln(Y) = 1{,}7975 + 0{,}5995 \cdot \ln(X_1) + 0{,}1494 \cdot \ln(X_2) - 0{,}01149X_3 + 0{,}2165 \cdot \ln(X_4) + 0{,}0754 \cdot \ln(X_5) + 0{,}1658 \cdot \ln(X_6) - 0{,}2487 \cdot \ln(X_7). \quad (2.4)$$

Связь между результирующим признаком и включенными в регрессионную модель факторами является весьма тесной: коэффициент множественной корреляции составил R=0,982. Значение коэффициента детерминации $R^{2=}$0,9644 свидетельствует о том, что отобранные параметры объясняют 96,4% вариации результирующего показателя, оставляя лишь 3,6% на долю случайных погрешностей, и позволяют считать их определяющими пространственную дифференциацию ВМП на душу населения в муниципальных образованиях.

Связь между результирующим признаком и собранными факторными признаками (включенными в регрессионную модель) является весьма тесной, поскольку коэффициент множественной корреляции составил, что свидетельствует о наличии сильной связи между признаком Y и факторами X. Коэффициент детерминации, что дает право считать факторные признаки определяющими динамику результирующего показателя — ВМП на душу населения.

Изменением учтенных в модели независимых переменных обусловлено 96,44% вариации результативного признака, что свидетельствует о высокой точности и надежности модели при оценке ВМП на душу населения. Высокая степень корреляции может быть оправданна тем, что в модели учитываются ключевые факторы, влияющие на экономическое благосостояние региона.

Для проверки качества представленной модели проводится F – тест (критерий Фишера). Сравнение критического критерия F_{cr} с фактическим значением F_{fakt} позволяет подтвердить или отклонить нулевую гипотезу. Поскольку при исследовании модели $F_{cr} = 2{,}19$ и $F_{fakt} = 26{,}62$, то есть фактическое значение $F_{fakt} > F_{cr}$, коэффициент детерминации статистически значимо. Можно уверенно утверждать, что подобранная регрессионная модель является релевантной и может быть использована для прогнозирования и принятия

стратегических решений в области социально-экономического развития территорий региона.

Уровень влияния факторов на результирующий показатель представлена в Таблице 2.19.

Таблица 2.19 – Параметры модели множественной регрессии ВМП на душу населения муниципальных образований Московской области

Факторный признак	Коэффициент регрессии, b_i	t-критерий Стьюдента	Статистическая значимость
Численность населения, X_1	0,5995	5,34	Значим
Площадь муниципального образования, X_2	0,1494	2,11	Значим
Удаленность от центра (МКАД), X_3	-0,0115	-2,85	Значим
Инвестиции в основной капитал, X_4	0,2165	3,42	Значим
Объем отгруженных товаров (промышленность), X_5	0,0754	1,98	Значим
Объем розничной торговли, X_6	0,1658	2,54	Значим
Объем жилищного строительства, X_7	-0,2487	-3,11	Значим

Источник: составлено автором

На основе данных таблицы 2.19 проведено ранжирование факторных признаков (таблица 2.20). Несмотря на то, что номинальное значение коэффициента при факторе удаленности от МКАД ($b_3 = -0{,}0115$) уступает эластичности демографических показателей, пространственный фактор оказывает решающее воздействие на субрегиональное расслоение. Расчеты показывают, что удаление административного центра муниципального образования от МКАД на каждые дополнительные 10 км приводит к уменьшению расчетного ВМП на душу населения в среднем на 11,5%.

Географическое положение городского или муниципального округа оказывает на местное воспроизводство более мощное продолжительное давление, нежели текущие колебания инвестиционной активности, определяя до 78,2% общей пространственной вариации признака. Смещение от столичного ядра к периферии (с 30 до 104,1 км) снижает средний ВМП в 1,5 раза. Максимальный межмуниципальный разрыв по валовому продукту между лидирующим

агломерационным поясом (г. о. Химки с показателем 538,9 тыс. руб./чел.) и удаленными окраинами (м. о. Лотошино с показателем 5,4 тыс. руб./чел.) достигает 6-кратных значений, формируя асимметрию на фоне относительно низкого уровня безработицы.

Таблица 2.20 – Ранжирование факторных признаков по степени совокупного влияния на пространственную поляризацию муниципальных образований

Ранг влияния	Признак	Характер долгосрочного воздействия на ВМП
1	Удаленность от столицы (МКАД)	Существенное падение (каждые 10 км удаленности снижают ВМП в среднем на 11,5%)
2	Численность населения	Высокая агломерационная концентрация (эластичность 0,60%)
3	Объем жилищного строительства	Деструктивный эффект «спальных районов» (эластичность -0,25%)
4	Инвестиции в основной капитал	Интенсивная модернизация производства (эластичность 0,22%)
5	Объем розничной торговли	Сервисно-потребительский потенциал (эластичность 0,17%)
6	Площадь территории	Масштаб институциональной консолидации (эластичность 0,15%)
7	Объем промышленной отгрузки	Локальная индустриальная мощность (эластичность 0,08%)

Источник: составлено автором

Детерминанты и результаты ранжирования отдельных факторных признаков поляризации подтверждают необходимость исследования экономического пространства региона не просто как множества изолированных территориально-хозяйственных комплексов, а как единой воспроизводственной системы. Специфика пространственного затухания и угасания базовых социально-экономических параметров по мере удаления от МКАД, когда каждые 10 км дистанции снижают удельный ВМП в среднем на 11,5%, предопределяет целесообразность уточнения силы пространственной связности и сбалансированности исследуемой макросистемы.

В данном контексте статический анализ параметров эластичности дополнен графической интерпретацией пространственной автокорреляции на основе расчета глобального индекса Морана по результирующему показателю ВМП на душу

населения (рисунок. 2.7). Диаграмма рассеяния (на основе данных Приложения В) позволяет подтвердить неслучайный характер расслоения, детерминированного действием агломерационных сил, и визуализировать устойчивые пространственные кластеры.

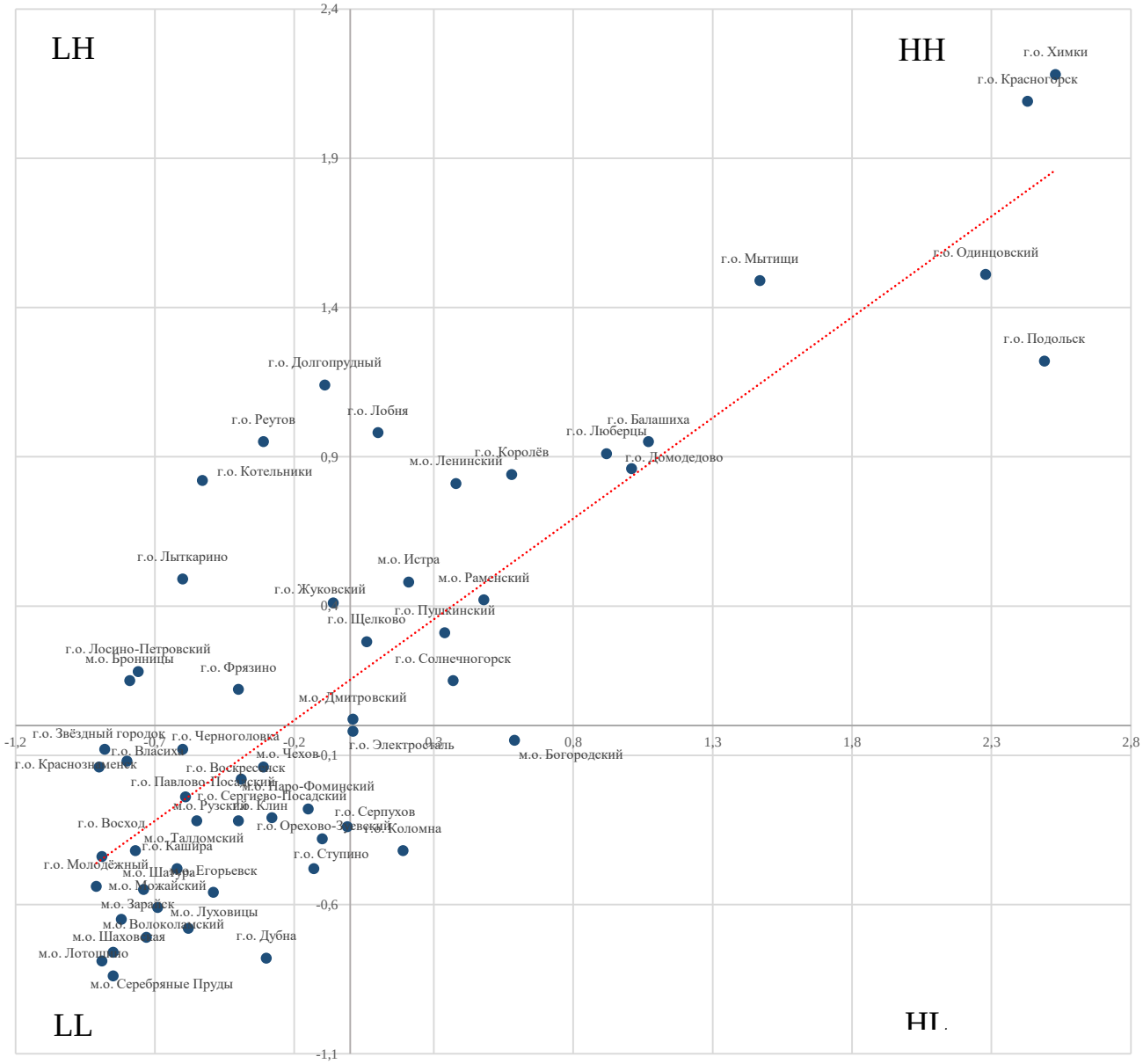


Рисунок 2.7. Пространственная диаграмма рассеивания Морана по показателю ВМП на душу населения в Московской области

Источник: составлено автором

В левом нижнем квадранте LL («ловушки инерционной депрессии») плотно сгруппировано большинство муниципалитетов области, значительно удаленных от МКАД и попадание указанных округов в единый сектор. Это доказывает, что их

низкий вловый продукт усугубляется экономическим отставанием соседей. При такой пространственной изоляции рыночные механизмы ограничиваются, а территории развития лишены внешних инвестиционных вливаний.

Правый верхний квадрант НН («зоны избыточной концентрации капитала»), напротив, разрежен и малочислен. В него входит достаточно узкий перечень округов ближнего агломерационного пояса и его округа перехватывают основные финансовые и миграционные потоки области. Расстояние между округами и ядром агломерации минимально, однако каждый из них существует как автономный центр с максимальным радиусом индивидуального влияния.

Таким образом, диаграмма Морана регистрирует значительную поляризацию региона: обширная, однородная в своей стагнации периферия противостоит точечному и обособленному поясу инвестиционного перегрева.

Для более полной оценки социально-экономических процессов в Московской области количественный эконометрический анализ дополнен качественным позиционированием региона на основе SWOT-анализа. Методология матричного структурирования факторов среды для целей проектирования и аудита внутреннего потенциала успешно применяется в исследованиях А. П. Панкрухина, Т. С. Романишиной, О. А. Митько, А. С. Новоселова и В. Е. Селиверстова [61; 58; 175]. Метода имеет свои ограничения, связанные с субъективностью экспертных оценок и статичным характером фиксации данных, но он является обязательным этапом при разработке документов долгосрочного планирования. Модель увязывает внутренние характеристики сложной мезосистемы с внешними факторами.

Применение инструмента направлено на разработку вариантов развития округов Подмосковья через сопоставление сильных и слабых сторон области с возможностями и угрозами. Исследуемые детерминанты структурированы по следующим взаимосвязанным блокам:

- сильные стороны (S-strengths),
- слабые стороны (W-weaknesses),

– возможности (O-opportunities),

– угрозы (T-threats).

Сильные стороны включают внутренние характеристики региона, создающие конкурентные преимущества. К ним относятся высокий ресурсно-производственный потенциал, сосредоточение квалифицированного человеческого капитала, развитая инфраструктурная база. Особое значение имеет сеть образовательных организаций, включающая региональные вузы и колледжи.

Слабые стороны содержат структурные и внутренние ограничения прогресса региона. Они выражаются в высокой территориальной диспропорции при распределении финансовых и капитальных вложений, что подтверждается 6-кратным разрывом по уровню расчетного ВМП на душу населения между округами ближнего к ядру пояса и периферией. Средний уровень износа основных фондов в обрабатывающем секторе приблизился к отметке в 48–52%, что обусловливает неэффективность оборудования на ряде градообразующих предприятий, локализованных преимущественно в удаленных муниципальных образованиях дальнего пояса агломерации.

Возможности охватывают внешние факторы, использование которых позволяет наращивать производственный потенциал региона. В группу включены перспективные изменения в федеральном законодательстве, возникновение новых индустриальных ниш в рамках замещения иностранных производителей, структурные изменения в потребительском спросе, переориентация логистических цепочек и рынков сбыта на дружественные страны объединения БРИКС+.

Угрозы составляют внешние риски, способные негативно повлиять на динамику развития региона. Группа включает активизацию межрегиональной конкуренции, макроэкономические кризисы, санкции, ужесточение налогового законодательства, общую нестабильность на товарных рынках.

Информационную основу факторного анализа Московской области составили данные Росстата, научные публикации отечественных экономистов в сфере региональных исследований, а также аналитические материалы из открытых

источников. Их комплексное изучение позволило выявить внутренние характеристики региона и оценить влияние внешних факторов на траекторию его развития (таблица 2.21).

Таблица 2.21 – Внутренние SWOT-факторы Московской области

Сильные (S)	Слабые (W)
Выгодное экономико-географическое положение	Внутритерриториальная дифференциация между округами ближнего и дальнего Подмосковья
Высокая деловая активность бизнеса	Отсутствие существенных запасов полезных ископаемых
Развитый промышленный сектор	Зависимость от импортного оборудования и перспективных технических решений
Современный научно-технический комплекс	Значительный износ парка производственного оборудования
Развитая транспортная инфраструктура	Низкий коэффициент рождаемости (до 1,25)
Наличие рынков сбыта	Межрегиональная конкуренция за трудовые ресурсы с Москвой
Развитая социо-культурная инфраструктура	Относительно дорогостоящая рабочая сила
Высокий уровень качества жизни (ИЧП – 0,866)	Высокая стоимость земли и недвижимости
Низкий уровень безработицы (1,5-2%)	Предельная загруженность транспортной инфраструктуры
Высокий процент населения с СПО и ВО образованием (81%), при этом ВО – 43,8%	Высокая дифференциация доходов населения
Возможности (O)	Угрозы (T)
Относительно стабильная экономическая ситуация	Усиление внешнего санкционного давления и технологическая изоляция
Внедрение энергосберегающих технологий	Зависимость ВВП от сырьевых рынков
Социальная поддержка населения	Избыточное государственное регулирование экономики
Цифровизация систем управления	Снижение конкурентоспособности в связи с износом производственного оборудования
Развитие туристического комплекса	Значительный уровень коррупции
Расширение мер федеральной и региональной поддержки наукоградов и ОЭЗ.	Высокая доля монополистического капитала
Урбанизация периферийных районов	Снижение рождаемости
Развитие распределительной логистики и инфраструктуры интернет-торговли	Риски замедления темпов модернизации инфраструктуры
Стимулирование притока высококвалифицированных мигрантов	Относительная удаленность области от мировых рынков
Привлечение инвестиций в инновационные секторы экономики	Экологические риски

Источник: составлено автором на основе [26; 27; 182; 231]

Матрица SWOT-анализа подтверждает, что агломерационные, инфраструктурные и научно-производственные преимущества Московской области создают достаточный потенциал для долгосрочного роста. При этом негативное влияние внешних макроэкономических шоков и регуляторные ограничения создают необходимость модернизации действующего организационно-экономического механизма регионального управления.

Сильные стороны Московской области включают развитую транспортно-логистическую и производственную инфраструктуру, выгодное экономико-географическое положение, высокую концентрацию индустриальных, научно-технических и инновационных кластеров. Инфраструктурный каркас для расширения предпринимательства и коммерциализации разработок образуют ОЭЗ технико-внедренческого («Дубна», «Исток» в г. о. Фрязино) и промышленно-производственного типа («Кашира», «Максимиха» в г. о. Домодедово), современные индустриальные парки («Есипово» в г. о. Солнечногорск, «Коледино» в г. о. Подольск), специализированные площадки (Технопарк в сфере высоких технологий «ЦАГИ» в г.о. Жуковский), кроме того инновационные и акселерационные программы (в частности, проекты экосистемы МФТИ в г.о. Долгопрудный) [132; 246].

Регион активно привлекает инвестиционный капитал за счет масштабов потребительского рынка и высокой конкурентоспособности бизнес-среды. Кроме того, Московская область располагает значительными научными и образовательными ресурсами, сосредоточенными в границах восьми официальных наукоградов РФ, что способствует опережающему росту инновационных секторов экономики, обрабатывающих производств и сферы информационно-коммуникационных решений.

К числу слабых сторон относится экстремально высокая плотность населения (превышающая 198 чел./км²), создающая избыточную нагрузку на транспортную инфраструктуру и областную экологическую систему. Диспропорции в сфере здравоохранения (дефицит кадров на рынках труда периферии и необходимость

модернизации материальной базы учреждений) выступают фактором риска, снижающим уровень социального благополучия жителей макрорегиона.

Анализ возможностей и угроз раскрывает направления социально-экономического роста и меры по снижению рисков. Возможности Подмосковья заключаются в форсированной переориентации внешнеэкономического сотрудничества на рынки дружественных России государств (Индия, Китай, Бразилия, Беларусь, Казахстан), продвижении цифровых платформ и привлечении инвесторов в наукоемкие отрасли и инновационные сектора экономики.

Специфические внешние вызовы способны существенно замедлить экономический прогресс Подмосковья. Несмотря на высокий средний уровень подушевых доходов в регионе, глубина межмуниципального неравенства между ядром агломерации и удаленными округами остается фундаментальной проблемой. Интенсивная маятниковая трудоваия миграция в Москву девальвирует человеческий капитал полупериферии и периферии Московской области, замыкая на столицу наиболее квалифицированные кадры. Структурные шоки и макроэкономическая нестабильность требуют от регионального менеджмента, упреждающих решений, а также оперативной координации местных администраций. Приоритетами становятся превентивное реагирование муниципалитетов на кризисы и внешние шоки, диверсификация рынков труда, развитие межмуниципальной кооперации и сотрудничества, а также на углубление интеграционных связей с субъектами ЦФО.

2.3 Противоречия в оценках эффективности региональной социально-экономической политики региона

Проведенный комплексный социально-экономический анализ Московской области необходимо сопоставить с теми долгосрочными целевыми ориентирами, которые закреплены в нормативно-правовых документах региона. Согласно

базовому сценарию утвержденной «Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года» (далее — Стратегия), главной целью является трансформация Московской области в территорию высокого уровня и качества жизни, обладающую эффективной экономикой, развитой социальной сферой и чистой экологической средой — пространство для всестороннего прогресса и самореализации каждого жителя региона [12].

Основными целевыми показателями Стратегии являлся рост ВРП на душу населения 108,7% в 2024 г. и на 110,3% в 2030 г., также увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78,2 года в 2024 году, до 80,2 года в 2030 году [12]. Вместе с тем, оценивая эти программные ориентиры с позиции сегодняшнего дня — на рубеже 2025–2026 годов, — автор считает необходимым провести сопоставление проектных расчетов с фактическими итогами текущего положения.

Достижение ключевых показателей Стратегии уже на промежуточном этапе 2025 года позволило Московской области прочно занять место в тройке несырьевых регионов-лидеров России по уровню развития экономики. Этот факт наглядно подтверждается расчетами в Таблице 2.3, где виден компенсаторный макроэкономический рост в условиях внешних шоков. Таким образом, стратегическими результатами реализации намеченного курса станет:

– Эффективная экономическая среда, основанная на центрах экономического роста;

– Развитая социальная сфера;

– Сбалансированное пространственное развитие локалитетов;

– Умное государственное администрирование, использующее методы проектного подхода и управления рисками;

– Цифровизация экономики;

– Инфраструктура, в соответствии с экономико-географическим положением Московской области;

– Рациональное природопользование территории области» [12].

В то же время эффективное решение ключевых социально-экономических задач на региональном уровне предполагает институциональную связанность с государственной социально-экономической политикой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Тезис обусловлен тем, что накопившиеся структурные проблемы внутренней неравномерности обустройства территорий и муниципальных образований создают системные барьеры для слаженной работы всего механизма планирования пространственной организации РФ [126; 146]. Мировая практика государственного регулирования пространственной организации локалитетов страны имеет особые исторические корни и характерна для большинства развитых экономических систем.

В ряде зарубежных стран правительства уделяют особое внимание стабильному развитию территорий. Например, в США активно применяется инструмент адресной грантовой поддержки региональных программ развития, тогда как в Китае выстроена многоступенчатая система стратегического проектирования, в рамках которой планы сельских поселений, городов, крупных агломераций и провинций в итоге консолидируются на национальном уровне [62].

Согласно вышеуказанному стратегическому документу, эпицентрами экономического роста страны должны служить прежде всего крупнейшие (с численностью населения ядра не менее 1 млн чел.) и крупные (с численностью населения ядра более 500 тыс. чел.) городские агломерации. В рассматриваемом контексте, на государственном уровне сделана долгосрочная ставка на совершенствование значимых урбанизированных территорий, выступающих мощными локомотивами устойчивого роста всей национальной хозяйственной системы.

Интерес и актуальность серьезной теоретической и методической работы при рассмотрении агломерационной стороны региональной политики проявляется в интенсификации процессов изменения нормативно-правовой базы прогресса агломераций. В статье «Концепция региональной агломерационной политики» Ю.В. Павлова и Г.А. Хмелевой указывают: «анализ содержания региональной

законодательной базы по обустройству агломераций позволил в 2021 г. выявить 254 нормативно-правовых актов на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации», 45% из которых посвящено регулированию сельских агломераций, 37% в сфере транспортной системы» [160].

В то же время в академических кругах не утихают дискуссии относительно сравнительной эффективности агломерационной экономики в сопоставлении с не урбанизированными территориями [54; 56]. Тем не менее в реалиях настоящего времени — на рубеже 2025–2026 гг. — становится очевидным, что усиливающиеся агломерационные процессы, маятниковая миграция и урбанизация административных центров определяет влияние на общую динамику и структурные пропорции региональной экономики.

Обнаруженные пространственные перекосы в социально-экономическом положении муниципальных образований Московской области предопределяют необходимость обращения к базовым принципам теории пространственной экономики. Для аргументированного объяснения природы обнаруженных диспропорций, задержек инвестиционной отдачи и кадровых эффектов урбанизации представляется важным исследовать полученные эмпирические результаты в контексте классических учений о штандорте и механизмах формирования агломерационных эффектов.

Подробнее следует рассмотреть именно негативные эффекты экономики урбанизированных территорий с экономически развитым ядром. В подобных условиях в первую очередь возникает сложность в оценке социально-экономического развития административно-территориальных единиц, образуют ось «центр – полупериферия – периферия». Без учета текущего положения и потенциала муниципальных образований невозможна реализация стратегий и программ регионального обустройства.

Кроме того, оценка социально-экономического положения муниципалитетов позволяет провести деление локалитетов на типы, что является необходимым условием для успешного управления регионом. Однако, как отмечалось в главе 1,

при всем многообразии методик оценки уровня положения территорий, до сих пор отсутствует универсальный способ, учитывающий особенности и специфику развития территориальных образований, что является серьезным препятствием для формирования дифференцированного подхода к регулирующему воздействию на регион.

Одним из ключевых административных инструментов оценки эффективности функционирования муниципальных образований Московской области служит ежегодный Рейтинг эффективности управления городских округов (исторически эволюционировавший из систем «Рейтинг-50» и «Рейтинг-45»), утверждаемый Высшим Советом при Губернаторе Московской области. Интегральный инструмент призван оперативно определять качество работы публичной власти на местах по достижению целевых показателей социально-экономического положения и выполнению ключевых региональных программ.

Мониторинг охватывает 56 городских и муниципальных округов Подмосковья, при этом специфика сбора ведомственной статистики обуславливает особый порядок учета закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), по которым ряд открытых макроэкономических индикаторов традиционно не публикуется.

Оценка эффективности муниципальных администраций осуществляется по матрице показателей, агрегированных в рамках ключевых приоритетных направлений, среди которых доминирующее значение имеют блоки «Оценка населением органов власти», «Экономика и предпринимательская активность», «Государственные и муниципальные услуги», «Эффективное управление» и «Качество жизни» [11].

В рамках используемой исполнительной властью методологии заложен принцип динамического взвешивания индикаторов: уровень доверия жителей к местным властям и оперативность удовлетворения жалоб в рамках цифровой платформы «Добродел» совокупно определяют до 30% итогового веса, в то время

как чисто экономические параметры и показатели эффективности управления делят между собой оставшуюся часть рейтинговой матрицы.

Несмотря на прикладную значимость административного мониторинга, автор считает необходимым подчеркнуть его сугубо административную, а не макроструктурную природу. Существующая ведомственная система оценивает преимущественно исполнительскую дисциплину муниципальных команд, что не позволяет в полной мере подсчитать объективные межмуниципальные диспропорции и лаги инвестиционной активности.

Для преодоления аналитического ограничения и формирования сбалансированных механизмов распределения региональной поддержки далее нами проанализирована динамика результативности локалитетов (таблица 2.22).

Таблица 2.22 – Анализ волатильности позиций муниципальных образований в региональной системе мониторинга эффективности управления (базовый период)

Территориальные пояса Московской агломерации	Количество округов в группе, ед.	Средний ранг эффективности в группе (место)	Доля округов со сверхвысокой волатильностью ранга (сдвиг > 15 позиций), %
Ближний пояс (ядро)	18	18,4	38,8
Средний пояс (полупериферия)	22	26,1	45,4
Дальний пояс (периферия)	16	39,5	18,7
Итого по региону	56	—	—

Источник: составлено автором на основе [231]

Агрегированные сведения ретроспективного мониторинга раскрывают внутреннее противоречие существующей ведомственной системы оценки. Главным методическим изъяном используемых административных рейтингов рассматривается высокая волатильность и краткосрочная конъюнктурность.

Как показывают расчеты, более 45% муниципальных образований среднего пояса агломерации демонстрируют скачки в рейтинге (амплитудой до 40–48 позиций всего за один календарный год). Так, резкое падение или взлет позиций отдельных городских округов определялись не глубинными сдвигами в

промышленном базисе или притоком долгосрочных инвестиций, а сиюминутными колебаниями удельного веса жалоб на цифровых платформах обратной связи и исполнительской дисциплиной местных администраций.

Столь высокая зависимость итогового управленческого балла от субъективных факторов приводит к тому, что удаленные округа дальнего пояса (периферия) оказываются заблокированы в нижней части рейтинга из-за накопленного дефицита бюджета. Это обстоятельство подтверждает тезис об отсутствии в арсенале региональных властей универсального, экономически стабильного аналитического подхода и обосновывает безальтернативность внедрения фундаментальной четырехуровневой типологии городских и муниципальных округов, разработанной нами в третьей главе и очищенной от конъюнктурных шумов исполнительской вертикали.

Отдельного внимания требует пункт, связанный с неравномерными институциональными условиями формирования конкурентной среды в регионе. Это важно, поскольку региональная социально-экономическая политика должна базироваться прежде всего на рыночных принципах, а конкурентные начала являются одними из основ рынка. Взвешенная экономическая политика при формировании конкурентной среды и в условиях агломерационных особенностей Московской области осложняется необходимостью адекватной оценки конкурентной среды, сложившейся в регионе.

По мнению профессора Н.И. Усик «конкурентная среда представляет собой институциональные условия координации деятельности субъектов рыночных отношений» [179]. Отсюда следует и трактовка понятия «конкурентная среда» как «институциональные условия координации деятельности субъектов рынков» [197]. Из определения следует, что понятие «конкурентная среда» тесно связано с государственным или региональным образованием, основывается на географически определенной экономической зоне, имеющей инфраструктуру, унифицированные инструменты бюджетно-налоговой, кредитно–денежной политики и соответствующие институты. Строго говоря, создание формальных

институтов — единственный фактор, на который государство может оказать прямое влияние. Формальные институты оказывают воздействие на экономических агентов и через экономические стимулы влияют на конкурентоспособность регионов. В этой парадигме конкурентоспособность по местоположению — это конкурентоспособность, в первую очередь, национальных и региональных институтов. Кроме того, поскольку институциональным факторам влияния на мезоэкономику и субрегиональную конкурентную среду уделяется особенное внимание, необходимо конкретизировать действие ранее рассмотренного феномена «*path dependence*» (эффекта колеи) применительно к объекту исследования. Эффект колеи выступает как пространственно-институциональная инерция, консервирующая траекторию развития территорий.

Эмпирическое подтверждение долгосрочной надежности подобных исторических траекторий экономического роста нашло детальное отражение в статистических расчетах А. Мэддисона [249], в то время как теоретическое обоснование механизмов институциональной зависимости от предшествующих решений было описано в трудах П. Дэвида [241] и Б. Артура [236]. Среди отечественных экономистов, выделяются работы касающиеся теории «эффекта колеи» таких ученых как А.А. Аузан [82], Р.М. Нуреев [55]. В то же время, результаты исследований сконцентрированы, в большей степени, на институциональных сложностях экономики России и других социальных и культурных триггерах преобразований национальной экономики.

В рамках исследования наиболее интересными представляются работы, связанные с проблемами региональной экономики. В подобном секторе исследований, значимыми по теме «эффекта колеи» являются работы Й. Мейер-Стамера [252], Хассинка [244] и др. Среди современных российских авторов наиболее интересными в региональных исследованиях представляются работы А.Л. Кузнецовой [143], С.С. Гордеева [107;106], С.Г. Зырянова [107;106] и других исследователей.

Эмпирические наблюдения описываемого явления выявляют региональные эффекты «блокировки», то есть стабильное поведение экономических агентов при существенном изменении экономической ситуации, что в конечном итоге проявляется в сохранении промышленной структуры на региональных уровнях.

По мнению А.Л. Кузнецовой и Ю.М. Зверева «это означает, что фирмы, сталкивающиеся с необходимостью изменений вслед за изменением конкурентной среды, остаются лояльными своим традиционным решениям и организационным рутинам, скорее защищая свои позиции за счет улучшения технических решений, чем капитализируя возможности, предлагаемые новыми технологиями» [143]. Инертность и «блокировка» траекторий развития особенно характерна для небольших городских округов и поселений.

В последние десятилетия региональное развитие связывают с категорией конкурентоспособности. Однако в отечественной науке вопросы конкурентоспособности локалитетов остаются слабо разработанными, и в первую очередь — из-за относительной новизны проблематики и дискуссионности темы. В экономической литературе зачастую конкурентоспособность трактуют как эффективность, но с более сложными экономическими взаимосвязями. Подобное сравнение можно принять лишь с известной долей допущения, поскольку между эффективностью и конкурентоспособностью существуют видимые различия. Е. Е. Ломов в своих работах акцентирует внимание на том, что «чаще всего различные авторы выделяют в своих формулировках следующие критерии, лежащие в основе рассматриваемой категории:

1. способность региональных властей создавать условия предприятиям для достижения и удержания конкурентного преимущества в определенных областях;
2. способность региона производить конкурентоспособные товары и услуги на основе эффективного использования имеющихся факторов производства;
3. способность обеспечивать производство и потребление местных товаров и услуг в условиях конкуренции с внешними производителями за счет непрерывного повышения их качества;

4. способность гарантировать высокий уровень жизни населения;

5. возможность реализовать имеющийся в регионе экономический потенциал (финансовый, производственный, трудовой, инвестиционный, инновационный, ресурсно-сырьевой)» [151].

Особое внимание стоит уделить способности региональных властей создавать условия для конкурентной среды, поскольку в реалиях жесткой вертикали власти и достаточной долей участия государства в экономике (от 40% до 50%), критерии п.2-п.5 во многом являются производными п.1. Поэтому создание позитивных институциональных условий, с учетом специфики российской экономики, помогает субъектам рыночных отношений добиваться конкурентоспособности и удерживать конкурентные преимущества без давления внеэкономических факторов.

В связи с вышеизложенным, при рассмотрении институциональных условий в качестве одного из ключевых факторов развития региона, становится очевидным, что конкурентная среда требует от региональных и муниципальных властей создания и поддержки эффективных правовых и экономических механизмов, направленных на стимулирование предпринимательской деятельности.

Проблемой совершенствования конкуренции на федеральном и региональном уровне Правительство Российской Федерации озабочено достаточно давно. Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2017 №618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции». Правительством Российской Федерации развитие конкуренции было намечено одним из приоритетных направлений.

Основной целью Указа было укрепление национальной экономики, повышение удовлетворённости потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышение их качества и снижения цен [16]. В целях повышения внимания к конкуренции Федеральной антимонопольной службой России в соответствии с Указом № 618 был разработан «Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 годы». Распоряжением Правительства

Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р утверждён новый «Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 - 2025 годы» [17].

Документ подвел итоги предыдущих усилий властей по демонополизации рынков, зафиксировал достигнутые успехи и был нацелен на реализацию намеченных ориентиров в ключевых отраслях национальной экономики. Необходимо отметить, что основные взгляды к реализации конкурентной политики в регионах Российской Федерации остаются закрепленными согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 768-р в новой редакции Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации (далее – Стандарт) [25] .

Введение Стандарта направлено на формирование системной политики и методологической унификации для содействия развитию конкуренции в России. Несмотря на отрицательную коннотацию понятий «плановость» и «стандартизация» из-за советского административно-командного опыта, создаются условия для здоровой конкурентной среды. Учеными признана необходимость участия государства в регуляции конкуренции, особенно в кризисные и переходные периоды. Однако с методологической точки зрения оценка результатов внедрения подобных нормативных актов вещь довольно сложная, поскольку:

– во-первых, конкурентоспособность – понятие синтетическое, которое включает в себя множество различных факторов, не ограничиваясь только экономическими, но и охватывая социальные и правовые аспекты;

– во-вторых, каждый регион России имеет свою специфику, более того, муниципальные образования по набору характеристических признаков, в том числе и по ресурсному обеспечению, могут иметь различия в периметре одного субъекта.

Концепт Стандарта учитывает все эти пункты, но сложность вопроса состоит в методологии измерения каждого критерия и предоставлении объективных отчетных сведений. Данные фиксируют взаимосвязь хозяйствующих субъектов региона с действием властных органов и взаимодействие с «центром» принятия

стратегических и управленческих решений. Следует более подробно остановиться на первом пункте из вышеуказанного списка основных критериев конкурентоспособности. Поскольку для исследования выбрана Московская область, опыт и эффективность внедрения Стандарта рассмотрим на примере Подмосковья. Комитет по конкурентной политике Московской области ежегодно формирует рейтинг муниципальных образований Московской области в части их содействия развитию конкуренции (далее — Рейтинг). Рейтинг является оценкой способности местных властей проводить результативную конкурентную политику на подведомственных территориях. Методика рейтинга основана на расчете интегрального балла, который агрегирует оценку по группам индикаторов (выявленных ведомственным мониторингом) с начислением баллов каждому муниципальному образованию. Итог учитывает баллы по каждому показателю.

Для подтверждения гипотезы о зависимости между экономико-географическим положением муниципальных образований и их способностью к формированию конкурентной среды исследовано распределение рейтинговых параметров муниципалитетов за рассматриваемый период (рисунок 2.8).

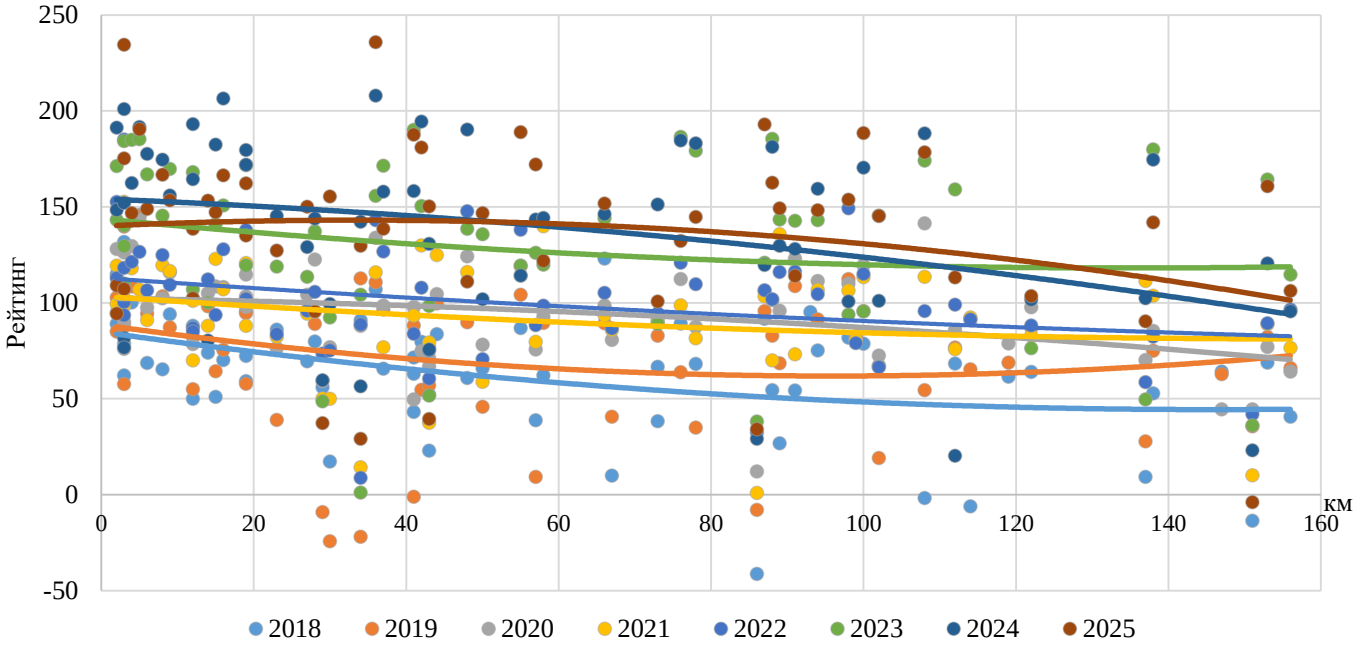


Рисунок 2.8 – Распределение рейтинговых показателей муниципальных образований Московской области 2018-2025 гг.

Источник: составлено автором

Для выявления тенденций в изменении рейтинговых значений по мере удаленности от цента использованы встроенный математический аппарат программы *Excel.*

Трендовые линии на графиках описываются квадратичной функцией, которая в общем виде представлена формулой 2.5:

$$y = ax^2 + bx + c, \quad (2.5)$$

где x и y – переменные модели (пространственное расстояние от МКАД, км, и результирующий балл соответственно);

a, b, c – расчетные коэффициенты регрессии.

Исследуя полученные графические зависимости, можно констатировать долгосрочную тенденцию к снижению результирующего балла по мере географического удаления муниципальных округов от МКАД. Построение параболических линий тренда за весь непрерывный период 2018–2025 гг. (рисунок 2.8) подтверждает, что, несмотря на ежегодные изменения ведомственных шкал и флуктуации баллов, пространственная структура Подмосковья сохраняет выраженную агломерационную асимметрию. Анализ вершин полученных парабол подтверждает максимальную результативность в диапазоне от 140 до 190 баллов и стабильно удерживается в границах ближнего пояса агломерации (до 25–40 км от МКАД).

Особый научно-практический интерес представляет динамика линий тренда последних лет. Если базовые кривые начального периода (2018–2021 гг.) зажаты в более низком диапазоне (средний уровень плато — 80–110 баллов), то начиная с 2022 года и на протяжении всего последующего цикла 2023–2025 гг. трендовые линии последовательно смещаются в верхнюю часть графического поля, где средневзвешенный балл лидеров перешагивает отметку в 150–170 единиц. Эта особенность математически подтверждает гипотезу о кумулятивном росте общей деловой и институциональной активности в регионе в фазе форсированного импортозамещения и расширения логистических мощностей столичного макрорегиона.

Исследование полей распределения рейтинговых значений муниципальных образований фиксирует, что в докризисный период 2018–2019 гг. наблюдался относительно минимальный разброс ре (высокая «кучность» значений). В этом временном промежутке большинство местных органов самоуправления адаптировались к требованиям Стандарта и приобрели необходимый административный опыт в решении вопросов создания наиболее благополучной конкурентной среды.

Касательно периода 2020–2021 гг. следует отметить, что значительный разброс рейтинговых баллов муниципальных образований на удалении до 100 км от МКАД связан с тем, что экономические потрясения, вызванные пандемией COVID-19, повлияли на показатели развития экономики муниципалитетов, в том числе и на состояние конкурентной среды. В частности, если индустриальные флагманы сохранили устойчивость, то малые округа сферы услуг ближнего пояса продемонстрировали «провалы» ниже 50 баллов. Тем не менее параболический изгиб правых краев всех без исключения кривых подтверждает, что приграничная периферия (на удалении более 100–120 км от центра) стабильно демонстрирует падение результативности до минимальных значений (менее 30–40 баллов). Муниципальные образования этой зоны по-прежнему сталкиваются со специфическим «эффектом колеи» и не способны избежать инвестиционного и кадрового вакуума в контуре действующих унифицированных правил регулирования. Обнаруженные закономерности окончательно доказывают исчерпанность стандартных выравнивающих механизмов и требуют перехода к авторской методике дифференцированного распределения бюджетных дотаций, выстраиваемой в третьей главе исследования.

Для диагностики структурных особенностей пространственного распределения автором использован метод группировки муниципальных образований на основе отношения индивидуальных рейтинговых баллов к среднеобластному значению. Расчет выполнен для каждого календарного года обособленно, что позволило учесть институциональные изменения в

административно-территориальном устройстве региона без искажения итоговых результатов. Интервальные группы сопоставлены со средним экономико-географическим расстоянием входящих в них городских округов от МКАД (рисунок 2.9).

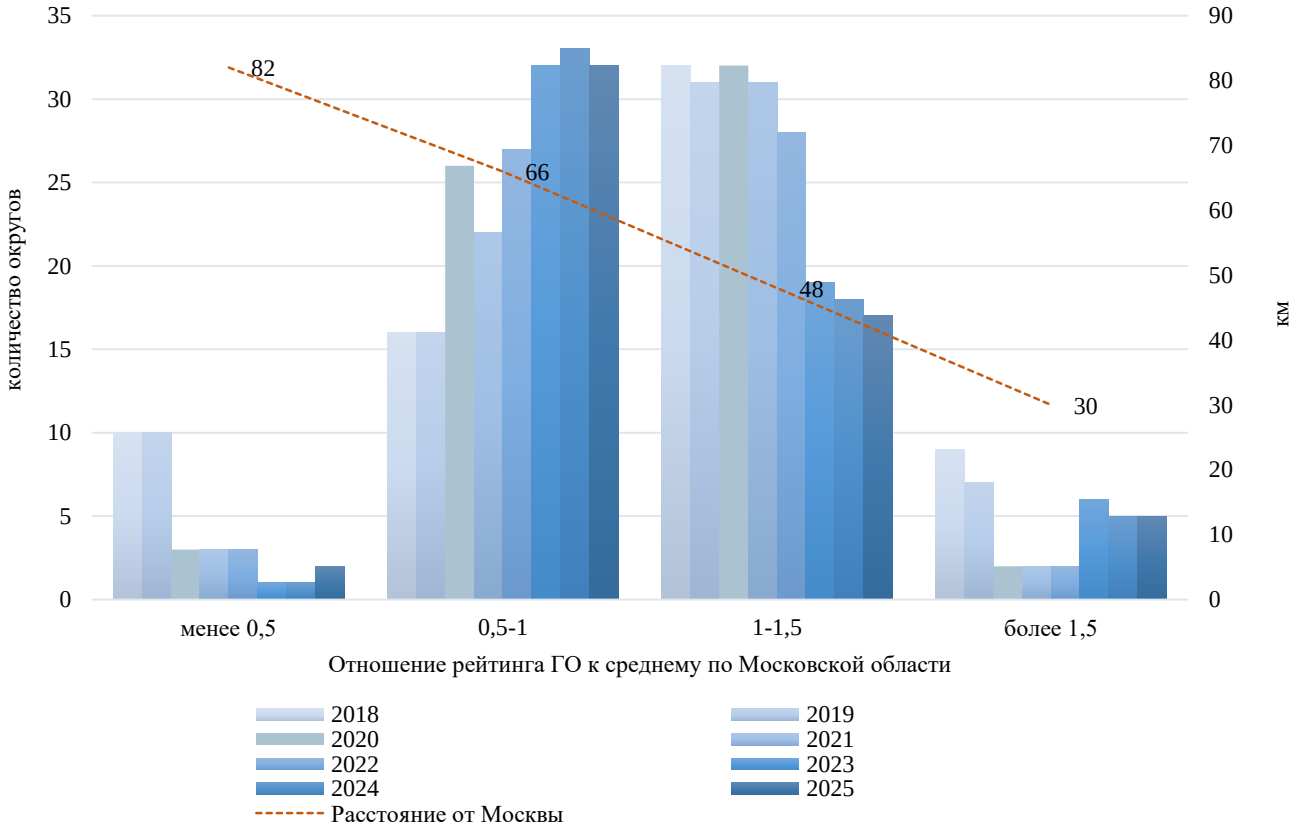


Рисунок 2.9 – Отношение рейтинговых баллов муниципальных образований к среднему значению по Московской области

Источник: составлено автором

Представленная на Рисунке 2.9 гистограмма плотности распределения подтверждает устойчивость пространственной иерархии региона на протяжении непрерывного периода 2018–2025 гг. Наложение аппроксимирующей пунктирной линии среднего расстояния от столицы подтверждает гипотезу о высокой географической связности институциональных параметров территорий. Полученный линейный тренд указывает на то, что каждый шаг качественного роста рейтинговой результативности муниципальных образований строго сопряжен с их пространственным приближением к ядру столичной агломерации.

Группа лидеров, чьи показатели превышают средний уровень более чем в полтора раза (интервал «более 1,5»), характеризуется минимальной средней удаленностью от МКАД, составляющей строго 30 км. В зоне концентрируются городские округа ближнего пояса с высокой плотностью населения. По мере снижения относительной результативности и перехода к медианной группе (интервал 1,0–1,5) среднее расстояние возрастает до 48 км, а для группы умеренных аутсайдеров (интервал 0,5–1) достигает 66 км. Для группы аутсайдеров, чьи институциональные параметры не достигают и половины среднерегионального значения (интервал «менее 0,5»), среднее удаление от ядра агломерации на максимальной отметке в 82 км.

Проведенный анализ доказывает, что сложившееся экономическое положение округов Подмосковья уступает столице прежде всего в уровне оплаты труда. По итогам 2025 года среднемесячная номинальная заработная плата в Московской области составила около 106 тыс. руб., тогда как в Москве данный показатель превысил 165 тыс. руб. [229].

Столь выраженный межтерриториальный разрыв вынуждает население к маятниковой трудовой миграции и ведет к непрерывному перераспределению наиболее квалифицированных кадров в пользу столичных работодателей. К исходу 2025 года численность граждан, ежедневно выезжающих на работу в Москву, стабилизировалась на уровне около 800 тыс. чел., что составляет до 18–20% всего экономически активного населения субъекта [219].

Низкие рейтинговые значения удаленных локалитетов снижают общую инвестиционную и репутационную привлекательность, что дополнительно ограничивает периферийные муниципальные образования в ресурсах и возможностях долгосрочного роста. Возникает замкнутый круг структурных проблем, что научно обосновывает безальтернативность совершенствования механизмов регионального управления и пересмотра принципов распределения межбюджетных трансфертов.

Выявленные диспропорции и порог затухания агломерационных эффектов служат базой для разработки в третьей главе авторской типологии территорий и инструментов их адресного субсидирования. Построение выборки средних значений за 2018–2025 гг. по 56 округам подтвердило межмуниципальный дисбаланс в Московской области. Местная иерархия во многом определяется удаленностью от столицы, при этом дистанция в 70–80 км выступает естественным барьером, за которым положительные экстерналии угасают и снижается экономическая активность.

Эконометрическое моделирование выявило высокую чувствительность городов и районов к объёму инвестиций, масштабам обрабатывающих производств и ёмкости потребительского рынка. При этом отток кадров из-за маятниковой миграции достигает критических 20% от экономически активного населения Подмосковья. Сложившаяся ситуация провоцирует кадровый дефицит на окраинах — в Талдомском, Лотошинском и Шаховском округах, что вынуждает работодателей втягиваться в гонку зарплат в условиях низкой безработицы.

Кроме того, центростремительные процессы существенно осложняют создание условий для паритетной конкуренции между предприятиями и муниципалитетами, поскольку ближние к ядру округа обладают изначально более высоким потенциалом развития по сравнению с отдаленными территориями области.

Анализ ведомственного мониторинга подтвердил неэффективность шаблонного регулирования контрастных экономических зон. Ограниченность стартовых условий периферии и эффект «колеи» требуют коренной модернизации инструментов пространственного проектирования.

ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА

3.1 Актуальные направления совершенствования социально-экономической политики региона в условиях агломерационных процессов

Результаты комплексного анализа и эконометрического моделирования подтвердили устойчивость центр-периферийной поляризации и верифицировали градиент затухания агломерационных эффектов в Московской области. Выявленные пространственные диспропорции требуют пересмотра действующих векторов регулирования и коренной модернизации финансово-экономического инструментария публичной власти при формировании региональной стратегии развития.

Успешная реализация стратегий регионального развития требует от субъектов РФ бюджетного потенциала, достаточного для формирования инвестиционного импульса. В свою очередь, инвестиционная привлекательность региона во многом определяется емкостью локальных рынков капитала и эффективностью инструментов экономической политики [84]. Фискальная асимметрия и разница в самодостаточности муниципалитетов исключают применение унифицированных подходов: распределение финансовой поддержки должно опираться на специфику конкретных территорий. В связи с этим в рамках региональной политики ключевое значение приобретает разработка объективной типологии муниципальных образований, позволяющая оценить результативность накопленного внутреннего ресурсного потенциала.

В 2015 г. в проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года (известного в управленческой практике как

«Стратегия лидерства») предлагался оригинальный вариант дифференцированного подхода к обустройству региона путем группировки муниципальных образований с помощью компиляции поясов удаленности от МКАД и секторов по природно-географическим, историческим и социально-экономическим особенностям положения территорий [223].

К поясам дальности в Стратегии лидерства предлагалось отнести муниципальные образования со следующими расстояниями удаления от МКАД:

- Ближний пояс – 10 км. от МКАД;
- Средний пояс – от 10 км. до 60 км. от МКАД;
- Дальний пояс – более 60 км. от МКАД.

Границы поясов соответствуют границам муниципальных округов, за исключением Одинцовского района, который разделен на две равные площади между ближним и средним поясом.

К выделенным секторам отнесли: западный, северо-западный, северо-восточный, юго-восточный. В этом случае так же сохранялся принцип непересекаемости муниципальных границ. Система своеобразного районирования предполагала минимальную численность населения сектора не менее 1 млн. чел.

Все двенадцать групп, образованных при пересечении поясов дальности и секторов, не гомогенны по социально-экономическому развитию и конкурентному потенциалу, состояние транспортной инфраструктуры в каждой группе тоже имеют наблюдаемые отличия.

В рамках задачи по устранению территориальных диспропорций и гармонизации темпов роста всех секторов, основные положения Стратегии лидерства предписывали создание четырех полюсов роста, по одному в каждом секторе. Необходимо подчеркнуть, что власти московской области «разводят» понятия «полюс роста» и «опорная точка роста».

Статусом полюсов роста наделили непосредственно территории ключевых муниципальных образований и административных границах, а в качестве опорных

точек роста разработчикам Стратегии лидерства виделись крупные исторические города, расположенные на вылетных магистралях области и наукограды.

В качестве муниципалитетов для создания полюсов роста выбраны: Солнечногорский, Ногинский (Богородский), Домодедовский, Одинцовский. К опорным точкам роста отнесли 26 городов (рисунок 3.1), расположенных в среднем и дальнем поясе, в том числе: Волоколамск, Воскресенск, Дмитров, Дубна, Егорьевск, Жуковский, Истра, Кашира, Клин, Коломна, Кубинка, Можайск, Наро-Фоминск, Новый город, Орехово - Зуево, Подольск, Протвино, Пушкино, Пущино, Раменское, Сергиев Посад, Серпухов, Ступино, Фрязино, Черноголовка, Шатура.

Рисунок 3.1 – Полюса роста в концентрических и секторальных зонах

Источник: [223]

По замыслу авторов Стратегии лидерства, сбалансированное развитие Подмосковья должны были обеспечивать сетевые инициативы, включающие реализацию хордовых транспортных магистралей и проектов скоростного

железнодорожного сообщения на радиальных направлениях, создание мультимодальных транспортно-логистических центров, реконструкцию и повышение мощности перераспределительных энергетических подстанций, открытие культурно-досуговых комплексов, а также формирование сети современной медицинской помощи и других социально значимых объектов.

Предложенная авторами проекта Стратегии лидерства схема размещения «территорий роста» отличалась новаторством и убедительной логикой, но проект не был утвержден Правительством Московской области. Позднее, постановлением Правительства Московской области №1023/45 от 28.12.2018 г., была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Московской области до 2030 года» [17] в которой идеология формирования «территорий роста» изменена, сохраняя актуальность концепции поляризации.

Приоритет «Центры экономического роста Московской области» подразумевает трансформацию региона в полицентрическую модель через создание «точек роста» — специализированных очагов экономического роста с благоприятными условиями для жизни и ведения бизнеса.

Ключевыми направлениями реализации приоритета являются:

1. Реновация недогруженных промышленных и старопромышленных территорий (Орехово-Зуево, Люберцы, Подольск, Дзержинский);

2. Развитие промышленно-логистических комплексов (Жуковский, Ступино, Чехов, Наро-Фоминск, Домодедово);

3. Создание многофункциональных деловых центров с сопутствующими торговыми, рекреационными, развлекательными функциями (Раменское, Жуковский, Домодедово, Химки, Красногорск).

4. Развитие научно-технологических кластеров (наукограды - Дубна, Королев, Пущино и т.д.);

5. Развитие туристско-рекреационных кластеров (Коломна, Зарайск, Озеры, Клин, Звенигород, Руза, Сергиев Посад, Волоколамск, Дмитров, Можайск).

Согласно Стратегии развития, деловая активность предприятий, расположенных в «точках роста», создаст мощный мультипликационный эффект для муниципалитетов и уменьшит диспропорции в обустройстве территорий области. Бесспорно, что формирование «полюсов» и «опорных точек роста» позволяет за счет агломерационных эффектов создать активные импульсы ускорения производственным, научным и другим отраслям хозяйственного комплекса региона. Фокус на агломерационные эффекты «опорных точек роста» также ведет к расширению научно-образовательной инфраструктуры [213].

Университеты и исследовательские центры, расположенные в этих зонах, становятся локализаторами знаний и инноваций, что способствует быстрому обмену передовыми идеями и наработками. Кроме того, региональным властям и частному бизнесу выгодно инвестировать в передовые территории, потому что риски не высоки, а выгоды очевидны.

С другой стороны, экономическая политика пропульсивного развития в условиях наметившихся кризисных явлений в экономике требует ревизии ряда утвержденных в стратегии положений.

Аргументация состоит в следующем:

– Создание и совершенствование «территорий роста» обязывают к большим капитальным вливаниям, и прежде всего государственных инвестиций;

– Опыт ряда развитых зарубежных стран показывает, что формирование «полюсов роста» и наукоемких кластеров не всегда означает обязательный экономический успех (в качестве примера можно привести технопарк «Сколково»);

– Сосредоточение государственной помощи на «территориях роста» вызывает отток квалифицированных специалистов из других областей, оставляя их без кадрового потенциала и тем самым усугубляя диспропорции социально-экономического положения локалитетов;

– Размещение производственных факторов на «территориях роста» без стратегического прогнозирования (включая демографию и изменчивость глобальных рынков) хотя бы на период до 2050 г. означает, что власти действуют

вслепую, реализовывая тактические задачи, и следуют удовлетворению амбиций и витринной отчетности.

Субъекты РФ с густонаселенными мегаполисами — в частности, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург — обладают бесспорными преимуществами в межрегиональном соперничестве за трудовые ресурсы. Интенсификация маятниковой миграции ограничивает возможности концентрированного размещения квалифицированного человеческого капитала в рамках выделенных поясов дальности и экономических зон сопредельных регионов — например, Тверской или Ярославской областей.

В текущих, экономически нестабильных условиях, межтерриториальная конкуренция разворачивается не только на межрегиональном уровне, но и внутри локальных систем. Ощутимое преимущество приобретает то муниципальное образование, которое ориентировано не просто на валовое производство и сбыт товаров, а на активное привлечение квалифицированных кадров, инвестиций и инновационных технологических решений, в том числе языковых моделей искусственного интеллекта.

Изложенная специфика середины двадцатых годов обусловливает потребность в разработке авторского варианта типологии муниципальных образований по уровню их текущего социально-экономического положения на основе которой возможно формирование и развитие нового инструментария реализации региональной социально-экономической политики.

Административный ракурс публичной власти должен быть сфокусирован не только на обобщенных индикаторах конкурентоспособности регионов, но и отдельных муниципальных территориях. Подобный двухвекторный взгляд на пространственное развитие не выходит за границы устоявшихся принципов региональной политики, но способен повысить устойчивость страны к внешним вызовам.

3.2 Развитие типологии муниципальных образований в механизмах пространственного регулирования

В основе подавляющего большинства территориальных типологий лежит метод группировки статистической совокупности с поиском определенного сходства локусов по выбранным признакам. В отличие от одномерного индекса Тейла, фиксирующего асимметрию исключительно по изолированным экономическим индикаторам, многомерный подход дает возможность «уплотнить» информацию, полученную в ходе статистического анализа, и представить её в более сжатом виде, позволяющем выявить закономерности, присущие изучаемому объекту. Целесообразность представления данных по однородным группам обусловлена тем, что в среднегрупповых показателях происходит взаимное сглаживание случайного и выявление общего, существенного в познании изучаемых социально-экономических явлений.

Построение статистических группировок осуществляется по этапам:

1. Определение признака группировки (признак, по которому проводится разбиение единиц совокупности на отдельные группы);

2. Определение необходимого числа групп;

3. Расчет величины интервала группировки;

4. Определение признаков, которые в комбинации друг с другом будут характеризовать каждую выделенную группу.

Типологизация административных единиц Московской области осложняется тем, что регион достаточно благополучен в сравнении с остальной частью России, с однородной природно-ресурсной и производственной базой и унитарной административно-территориальной политикой. Поэтому отличаться они будут качеством решений менеджмента, инновационным аспектом и степенью включенности в агломерационную экономику области. Чтобы решить эти задачи определены основные факторы социально-экономического развития районов Московской области в контексте городских и муниципальных округов, которые

дают возможность оценить степень эффективности органов местного самоуправления и использовать результаты для адаптированного взгляда к планированию социально-экономического развития региона в целом, выявить «узкие» места, требующие особого внимания со стороны власти.

Социально-экономические характеристики используются в качестве единиц группировки для 56 округов Московской области для детализированной картины территориального обустройства. Подобранная совокупность групп данных представляется в виде признаков, которые делятся на две категории: факторные и результативные. К факторным относят признаки, под влиянием которых изменяются результативные. Корреляция проявляется в изменении среднего значения результативного признака при изменении факторного — увеличении или уменьшении.

К факторным признакам следует отнести:

1. X_1 – численность населения муниципального образования, тыс. чел.;
2. X_2 – площадь территории муниципального образования, км².;
3. X_3 – пространственная удаленность административного центра округа от МКАД, км;
4. X_4 – объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб./чел.;
5. X_5 – объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения, руб./чел.;
6. X_6 – оборот розничной торговли на душу населения, руб./чел.;
7. X_7 – объем жилищного строительства (ввод в действие жилых домов) на душу населения, м²/чел.

Результирующим (зависимым) признаком (Y) в рамках проводимой группировки служит Валовой муниципальный продукт (ВМП) на душу населения, расчет которого представлен формулой (2.3). Процедура группировки проведена с использованием программных средств онлайн-сервиса math.semestr.ru в модуле «Statistica».

Результаты группировки представлены в Таблице 3.1.

Таблица 3.1 – Группировка муниципальных образований Московской области по факторам пространственного развития (итоговый расчет *k-means*)

Группа	МО	(Y) (ВМП)	(X_1) (Нас.)	(X_2) (Площ.)	(X_3) (Удал.)	(X_4) (Инвест.)	(X_5) (Отгруз.)	(X_6) (Розн.)	(X_7) (Жилье)
1	8	13,00	12,75	5,50	7,63	5,14	5,91	6,19	0,40
2	15	12,00	12,07	6,47	40,33	4,68	6,36	5,55	0,42
3	18	11,22	11,39	4,61	55,11	4,62	6,29	5,29	-0,41
4	15	9,47	10,27	4,40	104,13	2,75	4,21	4,25	-1,37
Итого	56	—	—	—	—	—	—	—	

Источник: составлено автором

Муниципалитеты группируются по следующим типам:

– Ускоренного развития;

– Каркасные территории;

– Развивающиеся территории;

– Стагнирующие территории.

В результате апробации предложенного метода с использованием экономико-статистических инструментов типологизирована территория Московской области (таблица 3.2).

Таблица 3.2 – Типология муниципальных образований Московской области

Группа	Кол-во	Доля населения в группе	Муниципальные образования
Территории ускоренного развития	8	31%	г. о. Балашиха, г. о. Домодедово, г. о. Красногорск, г. о. Люберцы, г. о. Мытищи, г. о. Одинцовский, г. о. Подольск, г. о. Химки.
Каркасные территории	15	29%	г. о. Власиха, г. о. Долгопрудный, г. о. Жуковский, г. о. Истра, г. о. Коломна, г. о. Королёв, г. о. Котельники, г. о. Ленинский, г. о. Лобня, г. о. Лыткарино, г. о. Раменский, г. о. Реутов, г. о. Серпухов, г. о. Фрязино, г. о. Щёлково.
Развивающиеся территории	18	29%	г. о. Богородский, г. о. Бронницы, г. о. Воскресенск, г. о. Дмитровский, г. о. Дубна, г. о. Егорьевск, г. о. Кашира, г. о. Клин, г. о. Краснознаменск, г. о. Лосино-Петровский, г. о. Наро-Фоминский, г. о. Орехово-Зуевский, г. о. Павлово-Посадский, г. о. Пушкинский, г. о. Сергиево-Посадский, г. о. Солнечногорск, г. о. Ступино, г. о. Черноголовка.
Стагнирующие территории	15	11%	г. о. Волоколамский, г. о. Восход, г. о. Зарайск, г. о. Звёздный городок, г. о. Лотошино, г. о. Луховицы, г. о. Можайский, г. о. Молодёжный, г. о. Рузский, г. о. Серебряные Пруды, г. о. Талдомский, г. о. Чехов, г. о. Шатура, г. о. Шаховская, г. о. Электросталь.
Итого:	56	100%	

Источник: составлено автором на основе

По результатам группировки прослеживается расслоение территории области. Абсолютными лидерами выступают городские округа ближнего пояса Московской агломерации, которые аккумулируют основные финансово-инвестиционные потоки. В то же время удаленным периферийным территориям свойственна обособленность, что требует особого внимания и гибкой, дифференцированной федеральной и региональной поддержки.

Рисунок 3.2 визуально представляет муниципальные образований Московской области согласно характеристикам групп, указанным в таблице 3.2.

Рисунок 3.2 – Картосхема пространственно-экономического зонирования городских и муниципальных округов Московской области

Источник: составлено автором

Анализируя предложенную типологию муниципалитетов области, отметим, что параметры групп городских и муниципальных округов имеют выраженные структурные особенности.

В состав первой группы («Территории ускоренного развития») вошли восемь городских округов ближнего пояса Московской агломерации. Данные муниципальные образования отличаются предельной плотностью транспортно-коммуникационной инфраструктуры, а удельный вес городского населения в их границах стабильно фиксируется на уровне 95–100%. Ключевые преимущества экономико-географического положения муниципалитетов обусловлены непосредственным размещением в зоне прямого влияния Московского транспортного узла, что предопределяет опережающий рост подушевого валового муниципального продукта относительно средних региональных значений. Близость к Москве как к крупнейшему финансовому центру превращает округа ближнего пояса в опорные перевалочные хабы товарной дистрибуции. Концентрация ритейла, складских комплексов, мелкосерийных производств и распределительных логопарков высших категорий обеспечивает бизнесу стабильно высокую маржинальность. Именно эти пространственные условия формируют емкий налоговый потенциал округам этой группы.

Муниципальные образования второй группы типологизируются как каркасные территории (15 округов). По плотности населения и масштабам локализации предприятий они вполне сопоставимы с лидерами ближнего пояса, но смещены в границы среднего радиуса агломерации и отличаются некоторым отставанием в объемах инвестиций. Решающее влияние группы на пространственно-экономическую структуру региона связано с размещением диверсифицированных производственных мощностей (включая АО «Коломенский завод», АО «НПО машиностроения», АО «Валента Фарм», «Тактическое ракетное вооружение» в Королёве, авиастроительные комплексы Жуковского), Каркас предприятий определяет статус территорий как индустриальной базы области и продуцирует высокую добавленную стоимость.

В третью группу («Развивающиеся территории») вошли 18 муниципальных образований, расположенных в радиусе удаления примерно на 55–60 км от МКАД. Для этих округов характерны умеренная плотность населения и заметное подушевое отставание по объемам розничного товарооборота, которое в реальном выражении достигает 59,3% относительно территорий ускоренного развития и 22,9% по сравнению с каркасными территориями. При этом показатели отгрузки товаров собственного производства приближаются к средним значениям. Экономическая устойчивость группы обеспечивается новыми промышленными узлами вдоль Центральной кольцевой автодороги (ЦКАД). Развертывание индустриальных парков типа «Котово» (Наро-Фоминский г. о.), «Есипово» (Солнечногорск) и комплексов ОЭЗ промышленно-производственного типа открывает путь к снижению эффекта географического удаления от ядра агломерации и отчасти перевести полупериферийные территории в полноценные центры привлечения частного капитала.

Муниципальные образования четвертой группы (стагнирующие территории) значительно удалены от МКАД (в среднем 104,1 км) и имеют довольно низкую плотность населения. Из 14 территорий, получивших с 1 января 2025 года статус муниципального округа, 11 вошли именно в эту группу, что обусловлено спецификой аграрно-экологических функций: сосредоточен массив особо ценных земель, изъятие которых из оборота ограничено законодательством.

Диспропорции в местном АПК подтверждают ограниченность селективных стимулов. Согласно аналитическому обзору «МосРегДата», избирательная поддержка инвесторов оставляет их вклад в экономику периферии очаговым. В то время как лидеры овощеводства из финансово привлекательных округов (ООО «Агрокультура Групп», ООО «Истоки») демонстрируют рентабельность на уровне 21–23%, производители окраинных локалитетовв испытывают острый дефицит капитала [214; 234].

Территории формируют природный ландшафт региона (включая заказник «Журавлиная родина» и Черустинский лес), что накладывает барьеры на

промышленное освоение [20]. Выполняя роль «экологических доноров» агломерации, периферийные округа сталкиваются с ограничением рыночных факторов роста. Необходимость поддержания природоохранного контроля, охватывающего более 37% их площади, обязывает внедрение механизмов компенсирующего финансового регулирования.

Примечательно, что наряду с удаленными аграрно-промышленными окраинами алгоритм *k-means* включил в данную группу ряд закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО Краснознаменск, Звездный городок, Молодежный, Восход). Несмотря на географическую близость ряда ЗАТО к центру, административный статус округов накладывает ограничения на рыночный оборот земельных ресурсов, препятствуя притоку инвестиций и развитию жилищного строительства.

По уровню финансовой автономии местных бюджетов это делает данные территории идентичными глубокой периферии. Например, даже при позитивной динамике доходной части бюджета ЗАТО Молодёжный на 2025 год (309,2 млн руб. доходов против 296,9 млн руб. расходов), локалитеты зависят от внешних межбюджетных трансфертов и целевых областных вливаний [4]. Локалитеты сталкиваются с инфраструктурной изоляцией и административными барьерами со стороны оборонных ведомств, что препятствует естественным рыночным механизмам.

В замене концепции точечного роста на дифференцированное регулирование заключается главная значимость разработанной типологии. Асимметрию усугубляет и к стагнации периферии ведет стихийное стягивание капитала и кадров в отдельные «локомотивы». Преодоление расслоения требует перехода от точечного стимулирования в контурах городов или ОЭЗ к адресному распределению бюджетно-финансового потенциала по всей сетке муниципальных образований для создания равных условий конкуренции.

Ограниченность точечных стимулов подтверждает широкий опыт работы ОЭЗ в Подмосковье. По состоянию на 2025 г. в области действовали шесть ОЭЗ:

«Дубна» (г.о. Дубна), «Исток» (г.о. Фрязино), «Максимиха» (г.о. Домодедово), «Ступино Квадрат» (г.о. Ступино), «Кашира» и «Большой Серпухов», однако их влияние на пространственную структуру региона остается ограниченным. Площадкам пока не удалось в полной мере убрать центр-периферийную асимметрию и стать полноценными полюсами роста для удаленных территорий. К концу года в ОЭЗ вели деятельность 210 резидентов, при этом накопленный объем инвестиций составил значительную величину. В годовом исчислении данные вложения составляют менее 10% от совокупного объема инвестиций в основной капитал макрорегиона, превысившего по итогам 2025 года 2,1 трлн руб.

Ограниченность пространственного влияния преференциальных зон подтверждает сопоставление их результатов с показателями традиционных индустриальных флагманов на общем режиме налогообложения (ОСНО). Накопленный за 20 лет оборот всех резидентов подмосковных ОЭЗ составил 789 млрд руб., что уступает выручке всего одного предприятия — АО «Метровагонмаш» (г.о. Мытищи), чей показатель за аналогичный период превысил 1,15 трлн руб. [218].

Очаговый характер инвестирования мешает преференциальным площадкам изменить общую тенденцию внутренней асимметрии. Более того, они усиливают субрегиональную поляризацию, что подтверждает пример сопредельных территорий северного сектора Подмосковья — Дубны и Талдомского округа [135].

Несмотря на географическое соседство, данные муниципалитеты на основе математического алгоритма отнесены к полярным категориям: наукоград рассматривается как развивающаяся территория (третья группа), а Талдомский округ — как стагнирующий (четвертая группа). Действующий в Дубне режим ОЭЗ технико-внедренческого типа не транслирует импульсы роста на соседнюю территорию, а изолированно поглощает ресурсы, усугубляя межмуниципальный разрыв. Данное противоречие вскрывает неэффективность унифицированных приемов и обосновывает необходимость перехода к планированию и регулированию на основе разработанной типологии, предполагающей замещение

автономного функционирования округов механизмами их жесткой межмуниципальной интеграции.

Межгрупповые различия обусловлены затуханием агломерационных эффектов по мере удаления от МКАД, что закрепляет структурную инерцию хозяйства Талдомского округа. Возникающие диспропорции требуют интеграции смежных территориально-экономических зон. В частности, в 2024 году в рамках реорганизации муниципальной сети здравоохранения Талдомская больница вошла в структуру ГБУЗ МО «Дубненская больница». Это позволило сосредоточить современную стационарную помощь в более экономически и социально развитом округе Дубна при сохранении первичного клинического звена на периферии. Однако до последнего времени факторы разобщенности территорий оставались непреодоленными из-за естественного барьера — русла реки Дубны. Природное препятствие изолировало местные рынки труда и снижает маятниковую миграцию населения к предприятиям технико-внедренческой ОЭЗ «Дубна».

Примером организационно-планировочного преодоления разобщенности локалитетов служит проектирование мостового перехода между улицей Юркино в городском округе Дубна и автомобильной дорогой Платунино — Новотроица в Талдомском округе, закрепленное Распоряжением Комитета по архитектуре и градостроительству Московской области от 27.09.2024 № 29ПВ-995. Данный линейный объект III категории – элемент инфраструктурного обеспечения межмуниципального взаимодействия, направленный на ликвидацию транспортной изолированности поселений северного сектора [23]. Реализация проекта устраняет географическую преграду для сокращения скрытой безработицы в Талдомском округе, где при экономически активном населении 21,4 тыс. человек создано лишь 8,2 тыс. рабочих мест. Доступ к рынку труда Дубны вовлекает в маятниковую миграцию более 55% незанятых трудовых ресурсов периферии.

Новая хордовая связь обеспечивает создание укрупненного субрегионального узла на севере макрорегиона. Совокупный экономический и кадровый базис Дубны и Талдома открывает возможность данной территории

конкурировать за ресурсы со средним и ближним поясами Московской агломерации. Интеграция рынков требует единого инвестиционного климата в смежных округах, что способствует выравниванию пространственных диспропорций и преобразованию инерции периферийных хозяйственных систем четвертой группы в триггеры сбалансированного экономического роста.

Для подтверждения адаптивности разработанного типологического подхода проведена апробация модели на материалах Республики Марий Эл. Выбор данного субъекта РФ в качестве контрастного объекта исследования обусловлен необходимостью проверки надежности авторской типологии в условиях ресурсных ограничений. Обладая лимитами бюджета и масштабами экономики, несопоставимыми с параметрами Московской области, республика по структуре с такой же радиально-центрической структурой расселения (рисунок 3.3). Макроэкономическое расслоение выражается в том, что годовой объем ВРП субъекта за 2025 год составил 384,8 млрд руб., что в номинальном выражении уступает подмосковному показателю более чем в 30 раз, а общие доходы консолидированного бюджета зафиксированы на уровне 73,2 млрд руб. [217].

Рисунок 3.3 – Административно-территориальное деление Республики Марий Эл

Источник: [228]

Республика Марий Эл имеет неоднородную пространственную структуру, где локальные особенности территорий генерируют специфические риски. На основе пространственного анализа выделены пять ключевых зон развития. Ведущую роль играет Йошкар-Олинская (столичная) городская агломерация, включающая г. о. Йошкар-Ола и Медведевский район, где сосредоточено 54% населения субъекта. В границах Северо-Восточной территориальной зоны (Оршанский, Советский, Моркинский, Новоторъяльский, Куженерский, Параньгинский, Сернурский и Мари-Турекский районы) проживает 22% граждан, а Юго-Восточная приволжская линейная ось расселения (г. о. Волжск, Волжский и Звениговский районы) аккумулирует 16%. Правобережная пространственная система, изолированная руслом р. Волги (г. о. Козьмодемьянск и правобережная часть Горномарийского района), концентрирует 6% жителей. На долю слабоосвоенной Западной зоны, охватывающей Килемарский, Юринский и левобережную часть Горномарийского района, приходится лишь 2% демографического потенциала [228].

В структуре расселения Республики Марий Эл выделяются два ареала сплошного сельского заселения и линейная ось вдоль реки Волги, концентрирующая индустриальный потенциал. Места проживания коренного марийского населения приурочены к возвышенным равнинам на северо-востоке республики (луговые марийцы, составляющие этническое большинство) и к правобережью Волги (горные марийцы). Региональный центр (городской округ Йошкар-Ола) исторически развивался как опорный пункт управления северо-восточными территориями.

Неоднородность субрегионов определяет их обособленность и слабую связность: Юго-Восточная приволжская ось тяготеет к Казанской агломерации; Западный сектор отличается слабой освоенностью и низкой плотностью населения; Северо-Восточная зона не имеет собственного подцентра, образуя периферию столичной агломерации. Дополнительным физико-географическим барьером выступает изоляция Правобережья руслом Волги.

Регулирование данных диспропорций и минимизация рисков социально-экономического развития осуществляются через ключевые инструменты реализации Стратегии: план мероприятий, государственные программы, схему территориального планирования Республики Марий Эл. При этом мероприятия реализуются поэтапно в строгом соответствии со ст. 7 Закона РМЭ от 17 декабря 2015 г. № 55-З «О стратегическом планировании...» и актуальным Постановлением Правительства РМЭ от 30 марта 2026 г. № 83 [21].

Несмотря на государственные программы, в Республике Марий Эл сохраняются структурно-отраслевые диспропорции и пространственный дисбаланс, обусловленные оттоком ресурсов в Йошкар-Олинскую агломерацию. Дотационность Горномарийского района подтверждает ограниченность налоговой базы местных производств и необходимость перехода к дифференцированной региональной политике, включая капиталоемкие инфраструктурные проекты. Подобный взгляд на региональное развитие учитывает экономические факторы и инфраструктурную изолированность локалитетов, а его апробация на данных 2024 года продемонстрировала ограничения, связанные с дефицитом муниципальной статистики.

Базисным периодом ввиду регламентных сроков формирования и публикации муниципальной отчетности был принят 2024 год, однако на современную сетку административно-территориальной структуры региона, актуальную на 2026 год (3 городских округа, 4 муниципальных округа и 10 муниципальных районов), оказалась спроецирована аналитическая группировка. Тем не менее сопоставимость результатов проходящая муниципальная реформа ничуть не нарушает. Границы исследуемых локальных рынков данные изменения не затрагивают, как не искажают они и сложившиеся связи периферии.

В результате многомерной кластеризации методом *k-means* исследуемые территории Республики Марий Эл дифференцированы на четыре однородные группы (таблица 3.3), полностью подтверждают разработанную типологическую матрицу.

Важным методологическим нюансом является то, что городской округ «Город Йошкар-Ола» был намеренно вынесен за рамки аналитической группировки и принят за базовую (или нулевую) точку отсчета. Владея монопольным статусом региональной столицы и концентрируя ключевые финансово-экономические ресурсы, город позиционируется в качестве безальтернативного центра.

Относительно него измерялись параметры агломерационно-периферийного градиента остальных 16 самостоятельных территорий субъекта, сформировавших итоговую матрицу распределения.

Таблица 3.3 – Типология муниципальных образований Республики Марий Эл (без учета республиканской столицы) в системе «центр — периферия»

Группа	Кол-во	Доля населения в группе	Муниципальные образования
Территории ускоренного развития	1	18%	Медведевский район
Каркасные территории	3	26%	г.о. Волжск, г.о. Козьмодемьянск, Звениговский район
Развивающиеся территории	4	18%	Волжский район, Оршанский район, Сернурский район, Советский район
Стагнирующие территории	8	38%	Горномарийский район, Килемарский район, Куженерский район, Мари-Турекский район, Моркинский район, Новоторъяльский район, Параньгинский район, Юринский район
Итого:	16	100%	

Источник: составлено автором на основе [228]

В группе территорий ускоренного развития, представленной Медведевским районом, зафиксирована максимальная агломерационная плотность. Являясь ключевой частью Йошкар-Олинской агломерации, пригородный узел вместе со столицей агрегирует болше половины населения и около 57% экономического потенциала республики.

Кроме того, 78% объектов социальной инфраструктуры входит в состав агломерации. При этом субурбанизация здесь не создала явной нехватки мощностей, характерного для ближнего пояса Подмосковья: избыток инженерных

сетей обеспечен автономным отоплением новостроек, а многоэтажный фонд занимает только 13% жилой площади с преобладанием малоэтажной застройки и земель АПК (около 40%).

Округа каркасных территорий (Группа 2, включающая Волжский и Козьмодемьянский городские округа, Звениговский район) имеют градообразующую базу, но подвержены межрегиональной миграции кадров. Волжск концентрирует 24% региональной экономики, а Козьмодемьянск выступает сервисным подцентром. Но в связи с географическим положением Волжска, Козьмодемьянск и Звенигово экономически входят не в агломерацию Йошкар-Олы, а в соседнюю Казанскую и Чебоксарскую системы расселения.

По данным Маристата, годовой объем отгрузки предприятий Группы 3 приближается к 13,5 млрд рублей, из которых свыше 7,5 млрд обеспечивает Советский район и более 4,2 млрд — Сернурский район. Благодаря стабильной занятости и устойчивой динамике производства, данные районы выполняют функцию полупериферийных стабилизаторов пространственной структуры республики, самостоятельно нивелируя межмуниципальные диспропорции и удерживая кадры от вымывания в ядро Йошкар-Олинской агломерации [228].

В группе «Стагнирующие территории» (Группа 4, объединившей 8 периферийных районов) Западный субрегион аккумулирует всего около 2% населения при близком к нулю экономическом потенциале. Транспортная разобщенность Правобережной территории обусловлена ее изоляцией руслом реки Волги. Зависимость от паромной переправы (тариф 120 руб. с человека и от 550 руб. с автомобиля) и задержки в пути до 1,5 часов затрудняют движение транспорта и пассажиропотоков. В то же время территории группы обладают выраженной аграрной специализацией. На долю Горномарийского района приходится 69% валового объема овощей (86,5 тыс. т) и 31% картофеля (89 тыс. т), производимых в республике, где 54% картофеля производится фермерскими хозяйствами, но удержание района в четвертой группе связано с инфраструктурно-логистическими ограничениями [228].

В районе действует 114 хранилищ мощностью 107 тыс. т, из которых автоматизированными системами микроклимата оснащены только 18 объектов (25 тыс. т). Ввод в эксплуатацию двухкилометрового мостового перехода стоимостью более 50 млрд руб. в рамках программы развития транспортной инфраструктуры на период 2026–2030 годов позволит перевести Горномарийский район в категорию каркасных. Инфраструктурный проект направлен на создание круглогодичного сообщения через р. Волгу на участке Коротни – Козьмодемьянск и призван устранить изоляцию правобережных локалитетов.

Сопоставление структуры расселения в Московской области и Республике Марий Эл подтверждает разработанную методологию группировки территорий и отражает региональную специфику размещения населения, а также объективные препятствия для устойчивого экономического и демографического роста.

Для предложенной типологии характерно, что она учитывает не абсолютные объемы производства, а пропорции локальных систем и инфраструктурные ограничения территорий, что и определяет ее универсальный характер, а также возможность применения метода в регионах с урбанизированными центрами.

Различия в доле населения первой группы (31% в Подмосковье против 18% в Марий Эл) объясняются особенностями расселения. Высокий показатель Московской области обусловлен формированием группы округов ближнего пояса, куда активно стягиваются потоки маятниковой миграции.

В Республике Марий Эл роль ключевой точки роста играет исключительно Медведевский район. Имея долю в 18% населения, этот ближний пригородный район концентрирует основные ресурсы и воспринимает импульсы развития региональной столицы. При этом вторая и третья группы показывают достаточно схожие структурные пропорции в обоих субъектах. В Московской области суммарная доля населения индустриальных территорий и полупериферии составляет 58%, а в Марий Эл с учетом столицы промежуточный пояс стабилизируется на близком уровне — около 44%. Независимо от ВРП региона, такие города и районы удерживают существенную долю населения республики,

выполняя роль внутрирегионального стабилизатора между развитым ядром агломерации и окраиной.

Главная разница проявляется в четвертой группе. В Московской области доля периферии составляет примерно 11% населения. В Марий Эл в аналогичную зону с выраженными инфраструктурными ограничениями попадает уже 38% жителей. Такая диспропорция свидетельствует о том, что в менее развитых субъектах РФ пространственное социально-экономическое неравенство выражено гораздо сильнее. При этом в Марий Эл ядерно-периферийный диспаритет блокирует развитие не только локальных точек, но и целой трети демографического потенциала, лишая экономически не развитые территории ясных стимулов к долгосрочному развитию и замораживая их отставание из-за дефицита свободных финансовых средств.

Структурным элементом дифференцированного регулирования служит разработанная типология муниципальных образований, объединяющая качественные и количественные параметры неравенства территорий субъекта РФ. Постепенный отказ от устаревших методов и переход к комплексным мерам, сочетающим финансово-экономические и организационно-управленческие инструменты, диктует практическая реализация данного подхода. А то, что механизмы финансового выравнивания должны применяться строго адресно, подтверждает устойчивая неоднородность развития местных хозяйственных комплексов.

Полученные результаты анализа обосновывают необходимость формирования конкретного организационно-экономического механизма дифференцированной социально-экономической политики, детальному проектированию которого посвящен следующий подраздел.

3.3 Комплекс мер по совершенствованию социально-экономической политики региона на основе типологии муниципальных образований

Пространственная типология округов позволяет индивидуализировать административные решения в условиях центр-периферийного расслоения. Диспропорции в уровне развития муниципалитетов требуют модернизации бюджетных механизмов и алгоритмов распределения трансфертов. Модернизация этих механизмов направлена на реализацию стратегической задачи по «повышению уровня самостоятельности территорий в решении задач социально-экономического развития за счет роста собственных доходов и сбалансированной политики в сфере межбюджетных отношений» [27].

По Закону Московской области № 221/2024-ОЗ «О бюджете Московской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», суммарный объем дотаций бюджетам округов запланирован в размере 68,55 млрд рублей. Пространственный анализ распределения ассигнований демонстрирует их очаговую концентрацию в границах стагнирующих и развивающихся зон дальней периферии, где абсолютными лидерами стали муниципальный округ Шатура (3,71 млрд руб.), городской округ Серпухов (2,80 млрд руб.) и Сергиево-Посадский городской округ (2,36 млрд руб.) [4]. Ассигнования направлены преимущественно на компенсацию текущих дефицитов местных бюджетов, а не на финансирование инфраструктурных драйверов роста, де-факто консервирует субрегиональную асимметрию, поскольку действующий механизм формульного выравнивания снижает мотивацию муниципалитетов к расширению собственной налоговой базы.

Чтобы обеспечить более гибкое и адекватное регулирование автономии периферии, необходимо заменить унифицированное распределение средств альтернативными вариантами бюджетных механизмов. Базисом данных преобразований является реформа формульного распределения дотаций посредством интеграции поправочных фискальных регуляторов.

Прежде всего стоит отметить, что в соответствии с действующей редакцией Бюджетного кодекса РФ [1] существуют следующие механизмы, классифицируемые следующим образом:

– Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, поступающие в бюджеты субъектов из федерального бюджета;

– Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов, городских округов с внутригородским делением), поступающие в местные бюджеты из бюджетов субъектов РФ;

– Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений (внутригородских районов), поступающие в местные бюджеты из бюджетов субъектов РФ.

Основные условия предоставления межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям из бюджета субъекта РФ предусмотрены статьей 138 Бюджетного кодекса РФ. В Московской области расчет дотаций на преодоление диспропорций бюджетной самодостаточности основывается на пропорциональном доведении расчетных фискальных параметров округов до установленного регионального критерия финансовой поддержки.

Для этого используются индексы налогового потенциала, расходов и текущего финансового положения муниципальных образований. Данные индикаторы рассчитываются исполнительными органами власти округов Подмосковья на базе прогноза доходов местных бюджетов и нормативной стоимости предоставления муниципальных услуг, ежегодно утверждаемой региональным законом о бюджете на очередной финансовый год и плановый период [5]. Действующие методики регулирования бюджетного потенциала муниципалитетов основаны на доведении уровня расчетной обеспеченности местных бюджетов до единого установленного критерия.

Анализ методических рекомендаций Минфина и региональных практик по регулированию финансирования территорий позволил определить базовую формулу расчета показателя $Д_i$, отражающего объем средств, необходимых для

доведения расчетной бюджетной обеспеченности i-го муниципального или городского округа до установленного критерия (Формула 3.1):

$$Д_i = \frac{\sum НД_i^{р}}{\sum Н_i} \cdot (КВ - БО_i) \cdot ИБР_i \cdot Н_i, \quad (3.1)$$

где $\sum НД_i^{р}$ - расчетный (р) размер налоговых доходов бюджетов муниципальных районов (городских или муниципальных округов) на очередной финансовый год;

$Н_i$ - численность постоянного населения муниципального района (городского округа);

$\sum Н_i$ - численность постоянного населения региона;

КВ – «критерий выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов) на очередной финансовый год (первый или второй год планового периода), утверждаются законом субъекта Российской Федерации в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации» [5];

$БО_i$ – «уровень расчетной бюджетной обеспеченности *i*-го муниципального района (городского округа)» [5], определяется по формуле 3.2:

$$БО_i = \frac{ИНП_i}{ИБР_i}, \quad (3.2)$$

где $ИНП_i$ - индекс налогового потенциала *i*-го муниципального района (городского округа), который рассчитывается по формуле 3.3:

$$ИНП_i = \frac{НП_i}{Н_i} : \frac{\sum НП_i}{\sum Н_i}, \quad (3.3)$$

где, $НП_i$ – «налоговый потенциал i-го муниципального района (городского округа). Расчет производится по репрезентативной системе налогов в разрезе отдельных видов налогов, прогноза поступлений налогов с территорий всех муниципальных районов (городских и муниципальных округов) в консолидированный бюджет региона и норматива отчислений от данного налога в бюджеты муниципальных районов» [5];

$ИБР_i$ - индекс бюджетных расходов i-го муниципального района (городского округа), определяемый формулой 3.4:

$$ИБР_i = \frac{С_i^р}{Н_i} : \frac{\sum С_i^р}{\sum Н_i}, \quad (3.4)$$

где $С_i^р$ - расчетный (р) показатель общей стоимости предоставления муниципальных услуг, оказываемых за счет средств бюджетов *i*-го муниципального района (городского или муниципального округа);

$\sum С_i^р$ – суммарный объем расчетных показателей общей стоимости предоставления муниципальных услуг, оказываемых регионом за счет средств бюджетов муниципальных образований (городских округов).

Расчетный показатель общей стоимости предоставления муниципальных услуг $С_i^р$ определяется властями с использованием нормативов стоимости предоставления муниципальных услуг. При определении этого показателя может учитываться рост муниципальных услуг в связи с созданием увеличением жилищного фонда, протяженности муниципальных дорог, объектов социально-культурной сферы и т.п.

Действующая методика расчета имеет ряд недостатков, в том числе:

1. Отсутствие единой методики определения средств на выравнивание фискальной обеспеченности региона;

2. Недостаточность стимулов к оптимизации бюджетных расходов и росту инвестиций в транспортно-коммуникационную инфраструктуру субъектов и муниципальных районов (городских округов и т.д.);

Кроме того, действующая методика распределения финансовых средств муниципальным образованиям не учитывает влияние на регион ядра крупной городской агломерации, о котором было написано ранее. Безусловно, распределение средств согласно формулам 3.1-3.4 принимает во внимание различия в социально-экономическом развитии муниципалитетов, но методика все же основана на учете только налогового потенциала и количества представляемых муниципальных услуг.

При этом, в работах Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронова, традиционные инструменты бюджетного смягчения теряют эффективность в условиях агломерационного стягивания налоговой базы малого бизнеса [117]. В Главе 2 настоящей работы установлено, что экономически сильное ядро агломерации (Москва) заметно влияет на социально-экономическую структуру региона, в связи с чем в методических рекомендациях необходимо учитывать это влияние при выделении субсидий и дотаций городским и муниципальным округам.

Развивая научные положения Н. Е. Барбашовой о необходимости применения сквозного аналитического инструментария и преодоления запутанности межбюджетных фондов [87], авторская концепция предлагает решить проблему несопоставимости условий округов в рамках единой формулы. Для дополнительного воздействия на развитие полупериферийных и периферийных территорий региона предлагается ввести в индекс бюджетных расходов стимулирующий коэффициент, учитывающий при расчете группу, к которой относится муниципальное образование. При этом индекс бюджетных расходов примет следующий вид (Формула 3.5):

$$\text{ИБР}_i = \text{КС}_i \frac{\text{С}_i^{\text{р}}}{\text{Н}_i} : \frac{\sum \text{С}_i^{\text{р}}}{\sum \text{Н}_i}, \qquad (3.5)$$

где КС_i – стимулирующий коэффициент для групп территорий.

С учетом вышесказанного, расчетную формулу 3.1 можно представить следующим образом (Формула 3.6):

$$\text{Д}_i = \frac{\sum \text{НД}_i^{\text{р}}}{\sum \text{Н}_i} \cdot (\text{КВ} - \text{БО}_i) \cdot (\text{КС}_i \frac{\text{С}_i^{\text{р}}}{\text{Н}_i} : \frac{\sum \text{С}_i^{\text{р}}}{\sum \text{Н}_i}) \cdot \text{Н}_i, \qquad (3.6)$$

где $\sum \text{НД}_i^{\text{р}}$ – расчетный (р) размер налоговых доходов бюджетов муниципальных районов (городских округов) на очередной финансовый год;

Н_i - численность постоянного населения муниципального района (городского округа), тыс. чел.;

$\sum \text{Н}_i$ - численность постоянного населения региона, тыс. чел.;

КВ – «критерий выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских и муниципальных округов) на очередной финансовый год (первый или второй год планового периода); утверждается законом субъекта Российской Федерации в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации» [5];

$БО_i$ - уровень расчетной бюджетной обеспеченности *i*-го муниципального района (городского округа);

$КС_i$ – стимулирующий коэффициент для групп территорий;

$С_i^р$ - расчетный (р) показатель общей стоимости предоставления муниципальных услуг, оказываемых за счет средств бюджетов *i*-го муниципального района (городского округа), тыс. чел.;

$\sum С_i^р$ – суммарный объем расчетных показателей общей стоимости предоставления муниципальных услуг, оказываемых регионом за счет средств бюджетов муниципальных образований (городских округов), тыс. чел.

Значения стимулирующего коэффициента $КС_i$ для каждой группы территорий предлагается принимать исходя из соотношения объема инвестиций в основной капитал и валового муниципального продукта по средним значениям для каждого типа локалитетов. Соотношение $\overline{ИОК_{гр}}$ / $\overline{ВМП_{гр}}$ показывает долю инвестиций в основной капитал в объеме ВМП муниципального образования и характеризует инвестиционный климат на территориях региона. «Эталонным» принимается значение инвестиционной доли по территории ускоренного развития. В остальных группах территорий отклонение от эталона компенсируется стимулирующим коэффициентом $КС_i$.

Рекомендуемый диапазон значений стимулирующего коэффициента $КС_i$ по группам локалитетов представлен в Таблице 3.4. Уточненные значение коэффициента на плановый период для каждого муниципального образования определяются муниципальными властями в конце отчетного года по согласованию с центральным административным аппаратом региона.

Таблица 3.4 – Стимулирующие коэффициенты для типологических групп территорий региона

Группы	Кол-во МО	($\overline{\text{ИОК}_{\text{гр}}}$ / $\overline{\text{ВМП}_{\text{гр}}}$) x 100, %	Значение КС_i
Территории ускоренного развития	8	17,4	0,80-0,95
Каркасные территории	15	15,1	0,95-1,15
Развивающиеся территории	18	13,9	1,15-1,25
Стагнирующие территории	15	11,8	1,25-1,40

Источник: составлено автором

Соотношение инвестиций к ВМП для округов Подмосковья подтверждается проверенной макроэкономической статистикой по ядру агломерации — г. Москва. Сопоставление этих параметров с результатами группировки отмечает закономерный тренд: если конкурентная и развитая экономика столицы удерживает планку нормы накопления капитала в диапазоне 20–22% (по итогам 2024 года — 19,8%, оценка по 2025 году — 21,8%), то вплотную прилегающая к ней группа ускоренного развития за счет перераспределения столичных инвестиций демонстрирует сопоставимый уровень плотности — 17,4% от ВМП.

Пропорция косвенно подтверждает объективность диапазонов распределения КС_i по группам и подчеркивает остроту инвестиционного дефицита стагнирующей периферии, где показатель падает до 11,8%, что обусловливает потребность в регуляторном вмешательстве со стороны регионального ядра.

Введение стимулирующего коэффициента в расчетную формулу ИБР_i изменяет расчетную стоимость предоставления муниципальных услуг для расчетных групп территорий в диапазоне от 10% до 40%, что ожидаемо дополнит финансовым стимулом развивающиеся и стагнирующие территории. Соответственно, расширение объема предоставляемых муниципальных услуг ускорит социально-экономическое развитие округов. Потенциал «удаленных» территорий с улучшением деловой среды и городским комфортом позволит конкурировать с близлежащими к центру муниципальными образованиями за трудовые ресурсы, интенсивнее развивать предпринимательство и

инвестиционную привлекательность. Параметры субсидирования корректируются за счет перераспределения средств внутри регионального субсидиарного фонда, поскольку для территорий ускоренного развития коэффициент минимален ($КС_i$ = 0,9 - 1,0).

Обновление бюджетных механизмов разрешает фундаментальное противоречие: если высокая доля нецелевых трансфертов формально расширяет самостоятельность местных властей в расходах, то на практике консервирует зависимость от регионального центра по сравнению с округами, опирающимися на собственные ресурсы.

Безусловно, выделение дополнительных средств развивающимся и территориям четвертой группы временно увеличит объем бюджетных обязательств региона. Тем не менее данные расходы окажут стимулирующее воздействие на муниципальные экономики и позволят округам перейти в более высокую типологическую группу. Это, в свою очередь, снизит совокупную финансовую нагрузку на регион в будущем, так как за развитием налогового потенциала территорий последует закономерное снижение стимулирующего коэффициента $КС_i$. При этом эффективность модели определяется маневренностью ресурсов и интеграцией бюджетных решений с потенциалом земельно-имущественного комплекса, архитектура которого отражена в предлагаемой концепции социально-экономической политики региона.

Представленная на Рисунке 3.4 «Усовершенствованная концепция формирования социально-экономической политики региона» на основе многомерной классификации позволяет дифференцированно подходить к различным типам территорий, снижая диспропорции в их обустройстве, что обеспечивает успешную реализацию положений раздела «VII. Основные направления и задачи пространственного развития Российской Федерации» Стратегии пространственного развития РФ. Дифференцированный подход детализирует оценку социально-экономического положения муниципалитетов и повысит отдачу от деятельности местных властей.

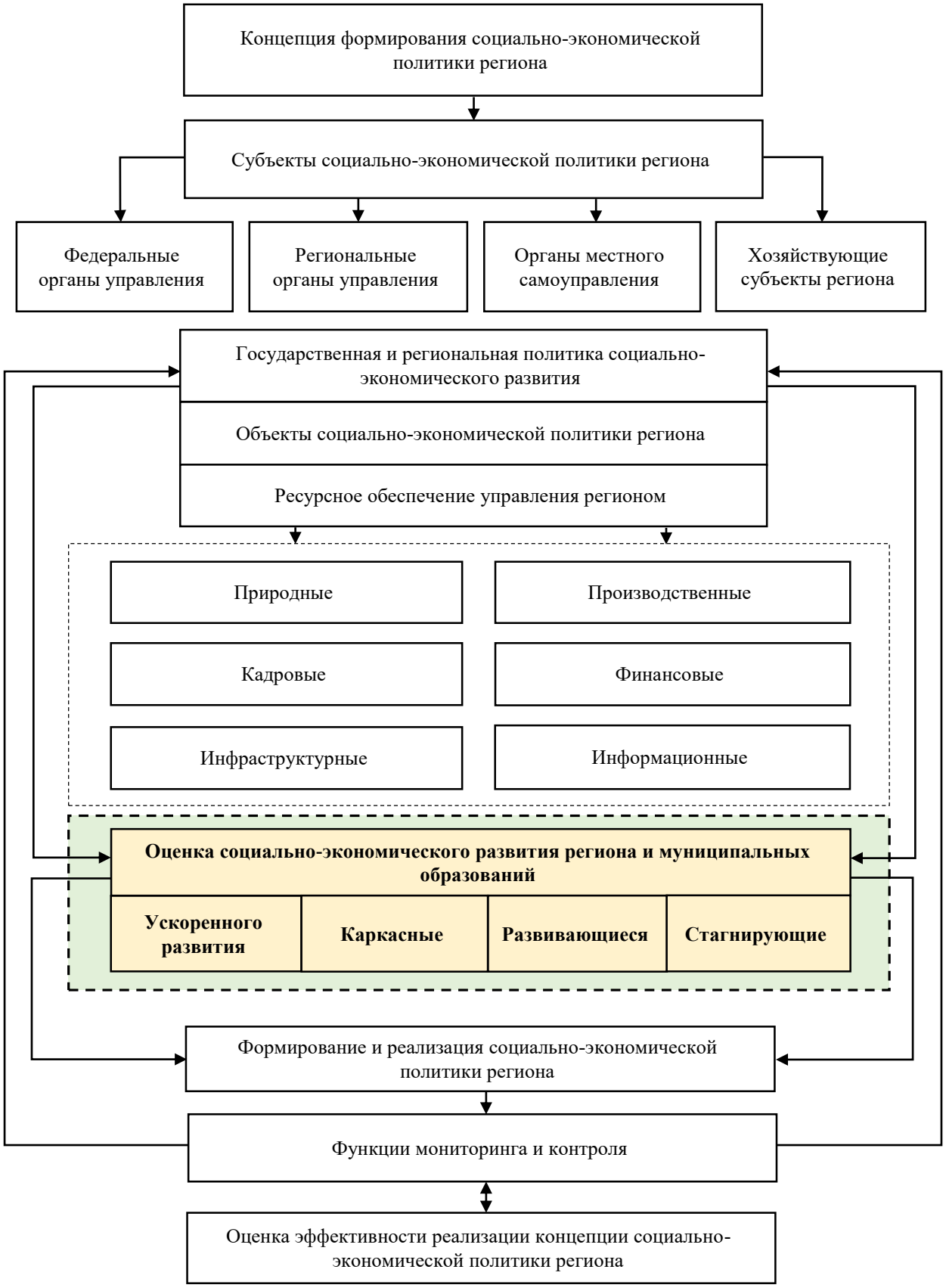


Рисунок 3.4 – Усовершенствованная концепция формирования социально-экономической политики региона

Источник: составлено автором на основе [27; 208]

В итоге периферийные городские округа в большинстве своем обречены на низкие рейтинговые места, тем самым снижая инвестиционный интерес со стороны частных инвесторов и привлекательность для квалифицированных трудовых кадров [125; 134]. Низкие рейтинговые места негативно отражаются и на мотивации высокопрофессиональных чиновников муниципальных образований. Стандартизированные правила конкурентной борьбы за места в рейтингах при разных стартовых условиях способствуют стремлению талантливых и опытных чиновников переезжать в столицу или ближний пояс агломерации.

Вопросы негомогенного развития территорий области хорошо известны как федеральным, так региональным властям, но алгоритмы регулирования пространственного развития сохраняют ситуативный характер, несмотря на наличие соответствующих документов долгосрочного и краткосрочного планирования. Изменение концепции формирования социально-экономической политики в пользу типологического подхода обеспечит реальную возможность региональным властям реализовывать бюджетную, налоговую, инвестиционную политики с учетом особенностей муниципальных округов. С течением времени муниципалитеты будут менять группу, в связи с чем потребуется корректировка, учитывающая изменения, но это не повлияет на экономический смысл концепции.

Отдельной задачей является межмуниципальная конкуренция. Как было не раз упомянуто в настоящем исследовании, муниципальные образования имеют ряд отличий, включая объективные (география, ресурсная база и т.д.) и субъективные причины (управление территориями, трудовые ресурсы и т.д.). Сложившуюся практику содействия развитию конкурентной среды на региональном и муниципальном уровнях нельзя назвать неудачной, но в условиях крупной городской агломерации муниципалитеты, удаленные от ядра, проигрывают в борьбе за ресурсы (в первую очередь трудовые и финансовые) территориям, граничащим с агломерационным центром [127; 131]. Кроме того, ресурсный дефицит и низкие рейтинги социально-экономического развития снижают инвестиционную привлекательность периферийных локалитетов.

Для более точной «настройки» региональной системы поддержки конкуренции стоит объединить усилия федеральных и региональных властей, общественных организаций и бизнеса, а также активизировать межмуниципальное сотрудничество при реализации инфраструктурных и логистических проектов.

На рисунке 3.5 представлена усовершенствованная схема взаимодействия государственных структур по обеспечению реализации Стандарта содействия развитию конкуренции в РФ. Предложенные изменения направлены на организацию взаимодействия государственных структур и частного бизнеса для устранения диспропорций при формировании и совершенствовании конкурентной среды. Вовлечение в периметр взаимодействия профильных органов власти, экспертного сообщества, ТПП и профсоюзных организаций повысит уровень демократизации принятия решений на муниципальном уровне и поможет достичь консенсуса в обществе. Например, гораздо легче могут быть решены конфликтные вопросы комплексной реновации старопромышленных территорий *(Brownfield)* в плотно урбанизированных округах, а также проблемы правового согласования границ новых крупных агрокомплексов со смежными режимами охраны особо охраняемых природных территорий. Следствием улучшения взаимодействия ожидаемо станет повышение уровня развития местного самоуправления и конкурентоспособности как округов, так и региона.

Таким образом, в основе социально-экономической политики региона должен лежать следующий комплекс принципов:

- Сетевая интеграция производств;
- Социальная направленность экономического развития;
- Обеспечение паритетных условий конкуренции на локальных рынках;
- Дифференцированная инвестиционная политика;
- Расширение сотрудничества между муниципалитетами;
- Сбалансированное распределение дотаций;
- Объективная оценка реального положения дел в регионе.

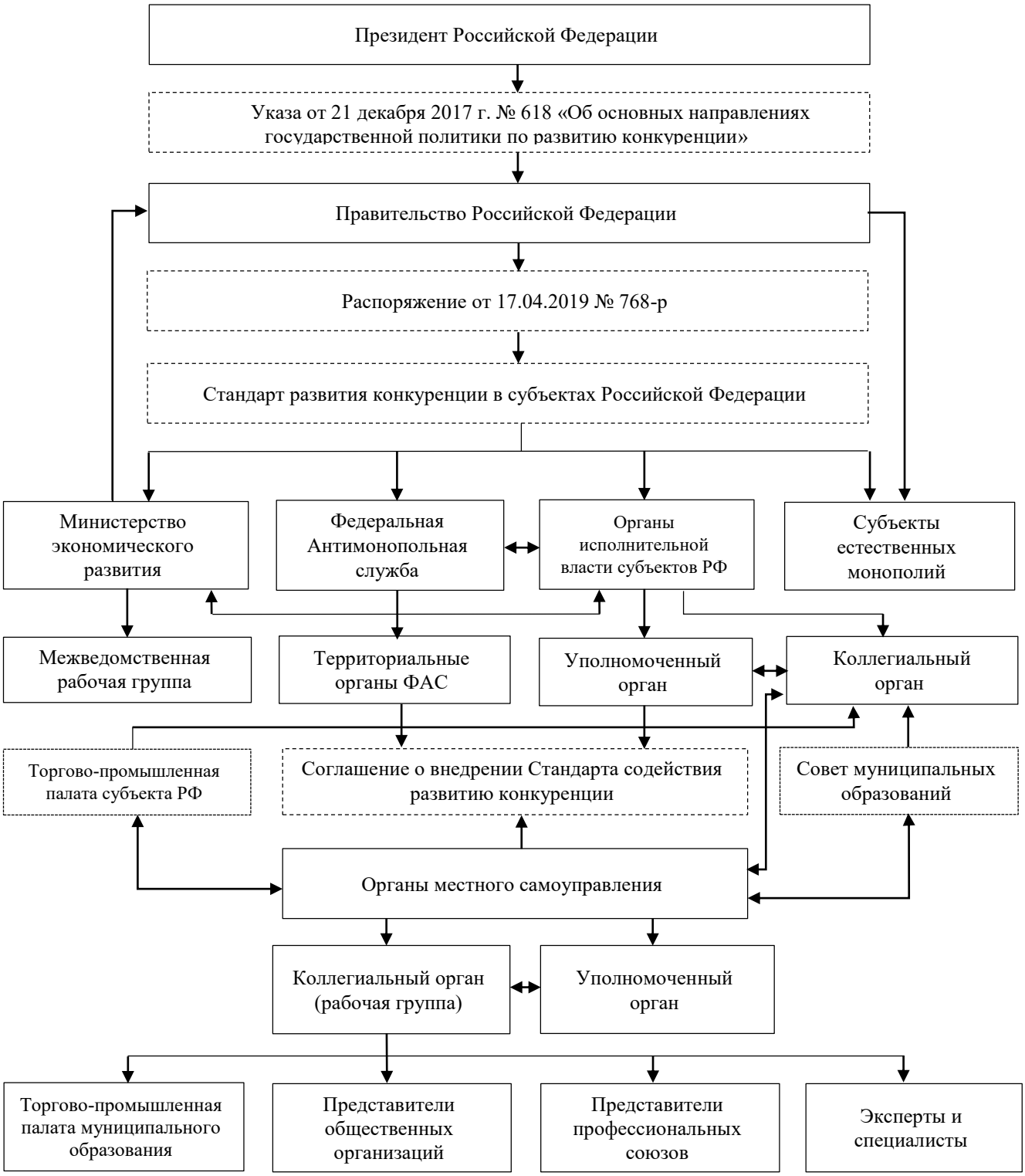


Рисунок 3.5 – Усовершенствованная схема взаимодействия государственных структур по обеспечению реализации Стандарта содействия развитию конкуренции в РФ.

Источник: составлено автором на основе [25; 27]

Реализация данных принципов возможна лишь при интегральном подходе к стратегическому развитию субъектов РФ и входящими в него муниципальными образованиями. Инструментарий региональной социально-экономической политики должен обеспечивать:

– Учет диспропорций социально-экономического развития муниципалитетов;

– Мониторинг исполнения долгосрочных планов в части динамики развития производственных сил;

– Совершенствование социальных механизмов, направленных на решение демографических и миграционных проблем;

– Отработку механизмов инициирования инвестиционных проектов, учитывающих неравномерность влияния агломерационных эффектов;

– Совершенствование нормативных актов и методического обеспечения в части содействия развитию конкуренции на уровне муниципальных образований.

Необходимо отметить, что нормативно-правовая база Московской области способна осуществить полный пакет апробированных механизмов содействия эффективного размещения производительных сил в регионе, к числу которых можно отнести:

– Модернизация системы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;

– Участие средств регионального бюджета в формировании уставных средств предприятий, размещаемых в периферийных зонах области;

– Предоставление льготных кредитных ставок субъектам МСП, включенных в реестр периферийных локалитетах области;

– Предоставление грантов субъектам малого и среднего предпринимательства для реализации бизнес-проектов на проблемных территориях области;

– Оказание организационной помощи инвесторам, действующим на периферийных и проблемных территория области и претендующим на получение федеральной поддержки.

Дифференцированный подход формализован в Комплексе организационно-экономических мероприятий (Приложение Г). Документ устанавливает нормативно-правовые, финансовые и инвестиционные регуляторы для четырех групп муниципальных образований с учетом их стартовых характеристик. Для обоснования отраслевых диапазонов Комплекса мер, в таблице 3.5 составлена матрица нормативно-стратегических документов.

Таблица 3.5 – Нормативно-стратегический базис разработки Комплексного плана развития территорий

Документ	Период	Роль в Комплексном плане
Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»	2024–2036 гг.	Определение целевых ориентиров пространственной зрелости и динамики инвестиций до 2036 года.
Указ Президента РФ № 13 от 16.01.2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития РФ»	Бессрочно	Нормативное закрепление недопустимости критической пространственного неравенства.
Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»	Бессрочно	Методологическая основа долгосрочного сценарного прогнозирования и планирования.
Стратегия пространственного развития РФ (Распоряжение № 207-р / Распоряжение № 4146-р)	до 2030–2036 гг.	Концептуальное обоснование выделения каркасных территорий и опорных населенных пунктов.
Паспорт Национального проекта «Технологи обеспечение продовольственной безопасности» (2025–2030 гг.)	2025–2030 гг.	Ресурсное обеспечение интенсификации АПК и глубокой переработки в аграрных округах.
Закон Московской области № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области»	Бессрочно	Нормативно-имущественное обоснование механизмов оборота и предоставления земельных участков на периферии.
Закон Московской области № 27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты... масштабные инвестиционные проекты...»	Бессрочно	Правовая основа применения льготных режимов поддержки и выделения участков инвесторам без торгов (механизм МаИП).
Постановление Правительства МО № 1345 «Об утверждении государственной программы МО ”Предпринимательство Подмосковья”»	2023–2027 гг. (прогноз до 2030 г.)	Инструмент предоставления налоговых, инфраструктурных преференций для резидентов промтехнопарков.
Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ (Федеральная антимонопольная служба — ФАС РФ)	Среднесрочно	Регуляторный рычаг демонополизации рынков и стимулирования локального предпринимательства.
Постановление Правительства МО № 1347 «Об утверждении государственной программы МО ”Развитие инвестиционного потенциала, промышленности и научной деятельности...”»	2023–2027 гг. (прогноз до 2030 г.)	Обоснование субсидирования затрат на создание инфраструктуры ОЭЗ, промтехнопарков и поддержку наукоградов.
Реестр технологических решений («Банк технологий») Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области	Среднесрочно	Инструмент трансфера инноваций и роботизации для модернизации ОПК и старопромышленных центров.

Источник: составлено автором

Комплекс мероприятий в сочетании с коэффициентом $КС_i$ имеет экономическое обоснование, обеспечивает рост производительности капитала региона и ориентирован на развитие стагнирующих территорий. Предложенные меры скоординированы с задачами Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в части увеличения качества среды жизнедеятельности в опорных населенных пунктах (ОНП) на 30% к 2030 году и на 60% к 2036 году.

Для оценки прикладной реализуемости мероприятий выполнен расчет кумулятивного прироста в программном комплексе *Python* (Приложение Е) базирующийся на решении нелинейного логистического уравнения Ферхюльста [44] методом обратного сценария. В качестве точки отсчета приняты усредненные показатели развития стагнирующих территорий за 2024–2025 гг., экстраполированные до 2030 года на основе тренда Министерства инвестиций, промышленности и науки МО со среднегодовой скоростью 4,2% (Постановление Правительства МО № 1411-ПП/34).

Для моделирования траекторий развития до 2036 года составляющие индекса ИБР были предварительно прологарифмированы, что позволило сгладить агломерационные искажения первичных данных округов-лидеров. Расчет инвестиционной отдачи выполнен поокружным сопоставлением ведомственных планов из таблицы Д1 и прогнозной матрицы коэффициентов $КС_i$ из Приложения Ж. Моделирование определило дефицит капитала в группе 4, покрытие которого создает дополнительный прирост частных инвестиций в 15 округах в размере 143,00 млрд руб. за период 2027–2030 гг. (Приложение З).

Динамика процесса подчинена Схеме моделирования развития территорий 4 группы (рисунок 3.6), функционирующей в две фазы. На первой (2027–2028 гг.) увеличение параметров $КС_i$ до 1,35–1,40 активизирует нормы Закона Московской области № 253/2019-ОЗ для долевого финансирования инфраструктуры данных территорий из областного бюджета до 95%.

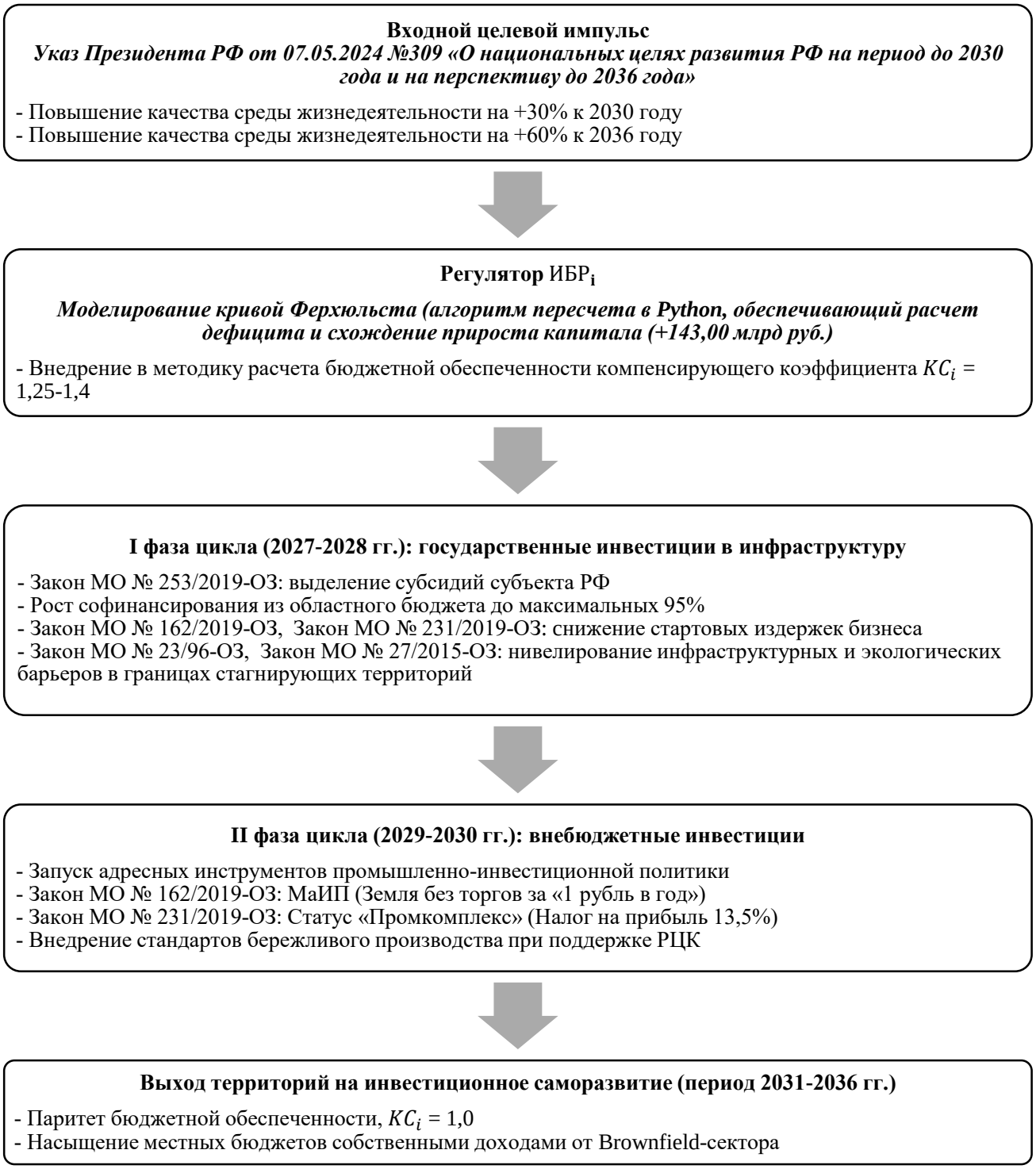


Рисунок 3.6 – Схема моделирования развития стагнирующих территорий Московской области

Источник: составлено автором

Это обеспечивает снятие инженерных ограничений пространства. На второй фазе (2029–2030 гг.) готовый фундамент сетей в синергии с преференциями

Законов МО № 162/2019-ОЗ (механизм МаИП) и № 231/2019-ОЗ (статус Промышленного комплекса) гарантирует снижение стартовых издержек бизнеса на 22–25%, стимулируя приток частного капитала. В долгосрочном периоде (2031–2036 гг.) созревание налоговой базы реального сектора обеспечивает выход территорий на саморазвитие и снижение коэффициентов до паритетной единицы (1,00).

В контексте обеспечения продовольственной безопасности Подмосковья ключевым вектором совершенствования экономической политики становится преодоление дисбаланса между производством сырья и перерабатывающими мощностями. На сегодняшний день Московская область занимает 1-е место в РФ по объемам промышленной переработки молока (более 3 млн тонн в год), в то же время собственное производство сырого молока в хозяйствах региона составляет лишь около 700 тыс. тонн. Дефицит покрывается закупкой сырья из соседних областей (преимущественно Калужской, Рязанской, Тверской, Вологодской областей и Республики Татарстан), что снижает экономическую устойчивость продовольственного рынка столичного региона [233].

Анализ инвестиционного портфеля Подмосковья (включающего 11 крупных молочных проектов совокупной мощностью 151 тыс. тонн молока в год) показывает, что основной потенциал расширения сырьевой базы размещен исключительно в границах развивающихся и стагнирующих территорий (третья и четвертая типологические группы). Именно периферия области располагает свободными земельными угодьями для развертывания крупных животноводческих комплексов, но здесь следует учитывать, что при наличии кормовой базы округа сталкиваются с дефицитом инвестиций (CAPEX-барьер) и неразвитостью производственной инфраструктуры (элеваторы, системы мелиорации, сепарации отходов и т.п.).

Дефицит промышленных мощностей сдерживает развитие местной переработки сельскохозяйственной продукции. Кроме того, низкая плотность дорожной сети и износ оборудования мешают созданию эффективных цепочек

«поле – переработка – прилавок». Из-за нехватки современных технологий по первичной подработке и охлаждению молока непосредственно в местах его получения компании несут высокие транспортные издержки, а добавленная стоимость перераспределяется в пользу ближнего Подмосковья.

Государственная поддержка в этих условиях должна сместиться от простого покрытия текущих требований местных бюджетов к целевому субсидированию капиталоемких инфраструктурных объектов на периферии. Внедрение стимулирующего коэффициента $КС_i$ (в диапазоне 1,3–1,4 для четвертой группы) в формулу ИБР, в сочетании с мерами поддержки инвесторов Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области (Приложение Д1), повысит уровень финансирования из областного бюджета на строительство дорог, подключение к электросетям и водопроводу новых агропромышленных площадок. Более того, развитие заготовительной и перерабатывающей инфраструктуры на периферии создаст продовольственные центры, сбалансирует экономические интересы городов-лидеров с потенциалом окраинных территорий и обеспечит продовольственную независимость субъекта РФ.

Практическая реализуемость и высокая результативность предлагаемых организационно-планировочных инструментов межмуниципального сотрудничества вполне подтверждаются на примере интеграции городского округа Дубна со смежными Талдомским и Дмитровским муниципальными округами. До последнего времени экономическое развитие данного субрегионального узла сдерживалось инфраструктурной разорванностью, приводившей к дисбалансу локальных рынков труда и скрытой безработице на периферии.

Для ликвидации разобщенности и закрытия возникающих кадровых потребностей ОЭЗ «Дубна» муниципальными администрациями были заключены соглашения, подкрепленные совместным расширением транспортной сети. Запуск мостового перехода через Волгу и реализация проекта строительства нового моста через реку Дубну создали единую транспортную основу для субрегионального рынка труда [22]. Это способствует вовлечению свободных трудовых ресурсов

Талдомского округа и сопредельных районов Тверской области (Кимрского и Конаковского) в общие производственные цепочки, локализуя занятость и стимулируя развитие северной периферии региона.

При численности населения Талдомского округа в 64,68 тыс. человек экономически активное население составляет порядка 32,5 тыс. человек, тогда как внутри муниципального образования создано лишь около 14,2 тыс. постоянных рабочих мест. Благодаря развитию инфраструктурного сопряжения открывается доступ к высокопроизводительным рабочим местам Дубны. Это вовлечет в маятниковую миграцию более половины (свыше 55%) незанятого на внутреннем рынке труда населения соседнего Талдома. Активизация маятниковых потоков трудовой миграции отнюдь не снижает кадровые возможности Талдомского округа, а рассматривается в данном случае как защитный барьер против оттока населения в Москву и ближайшее Подмосковье. Мероприятия сохраняют трудовой потенциал на периферии и создают возвратный приток личных доходов и роста спроса на местном потребительском рынке в границах округа, а это увеличивает доходность сферы услуг и способствует расширению розничного товарооборота.

Вторым вектором субрегионального взаимодействия является координация инвестиционных проектов в сфере АПК и переработки сырья. На стыке границ Талдомского, Дмитровского и Сергиево-Посадского округов запущена реализация беспрецедентного по масштабам межмуниципального инвестиционного проекта — бионического животноводческого комплекса полного цикла ООО «Молочная компания “Дубна”» (АПХ «Зеленая Долина») с общим объемом капиталовложений более 40 млрд руб. [14]. Данная площадка проектируется как замкнутая цифровая и экономическая экосистема, в рамках которой процессы содержания скота (почти на 40 тыс. скотомест) объединены в единую платформу с датчиками, сенсорами и элементами автоматизации для повторного использования водных ресурсов и технологическую сепарацию отходов.

Масштаб проекта, предусматривающий ежегодное производство 216 тыс. т. молока, 380 тыс. т. кормов и выращивание 12,4 тыс. нетелей, направлен на укрепление продовольственной безопасности макрорегиона. Инструментом снижения субрегиональных диспропорций и положения сельских территорий выступает строительство агрогородка на 3,0–3,5 тыс. жителей с необходимой социальной и инженерной инфраструктурой. Для кадровой обеспеченности в условиях высокого уровня занятости на базе предприятия развертывается Центр компетенций для непрерывной подготовки специалистов, интегрированный с профильными колледжами и техникумами Подмосковья. Межмуниципальный эффект подтверждается предоставлением земельных участков под кормовую базу в аренду без торгов в Сергиево-Посадском и Талдомском округах. Перерабатывающие мощности Дмитрова гарантируют сбыт сырья, а городской округ Дубна выполняет функции научного сопровождения.

Размещение крупных производительных сил вблизи села Окаёмово ограничивается правовыми режимами государственного природного заказника «Журавлиная родина», поскольку задействованные земли формируют миграционный ареал серого журавля. Введение сервитутов и запрет на изменение целевого назначения земель в стагнирующей зоне ООПТ исключают возможность Greenfield-строительства. Межмуниципальный компромисс достигается за счет оптимизации схемы территориального размещения объектов: основные производственные мощности и инфраструктура переносятся на альтернативные площадки к западу от поселка Самотовино, что помогает модернизации старых животноводческих зон (в том числе Торжнево, Кучки, Кузьмино).

Решение полностью выводит проектируемые объекты из зоны прямого антропогенного и шумового воздействия на орнитофауну, обеспечивая соблюдение экологического законодательства.

Развитие субрегиональных инфраструктурных связей, инвестиционные планы в сфере модернизации агропромышленного комплекса (Приложение Д2) в сочетании с применением коэффициента $КС_i$ (1,3–1,4 для Талдомского округа)

компенсирует локальные экологические издержки и капитализирует аграрный потенциал периферии. Синхронизация параметров регионального планирования позволяет расширять производство без нарушения режимов охраны заказника, что повышает экономическую прочность субрегионального АПК и вносит существенный вклад в достижение целевых индикаторов Московской области (рисунок 3.7).

Рисунок 3.7. Схема межмуниципального взаимодействия в северном секторе Московской области

Источник: составлено автором

Описанные на картосхеме процессы межмуниципального взаимодействия северного сектора находят свое отражение при моделировании межрегиональных агломерационных эффектов. Для оценки масштабирования разработанного Комплекса мероприятий выполнен сценарный прогноз интеграции

трансграничного кластера «Большая Дубна» в контуре сопряжения с Кимрским и Конаковским районами Тверской области, представленный в таблице 3.6.

Таблица 3.6 — Оценка инвестиционной отдачи и агломерационного эффекта в субрегиональном узле Московской области до 2040 года

Год	Годовые инвестиции, млрд руб./год	Кумулятивные инвестиции, млрд руб.	Агломерационный эффект, композитный индекс (0–100)	Индекс Тейла пространственного расслоения	Коэффициент сбалансированности
2026	0	0	49,6	0,38	0,42
2028	4	4	54,8	0,35	0,48
2030	8	12	61,4	0,29	0,55
2032	10	22	71,4	0,21	0,68
2034	16	38	78,8	0,14	0,82
2036	8	46	85,6	0,13	0,91
2038	15	61	93,8	0,12	0,98
2040	23	84	100	0,12	1

Источник: рассчитано автором

Визуализированная на основе расчета динамика траектории пространственной связности представлена на рисунке 3.8.

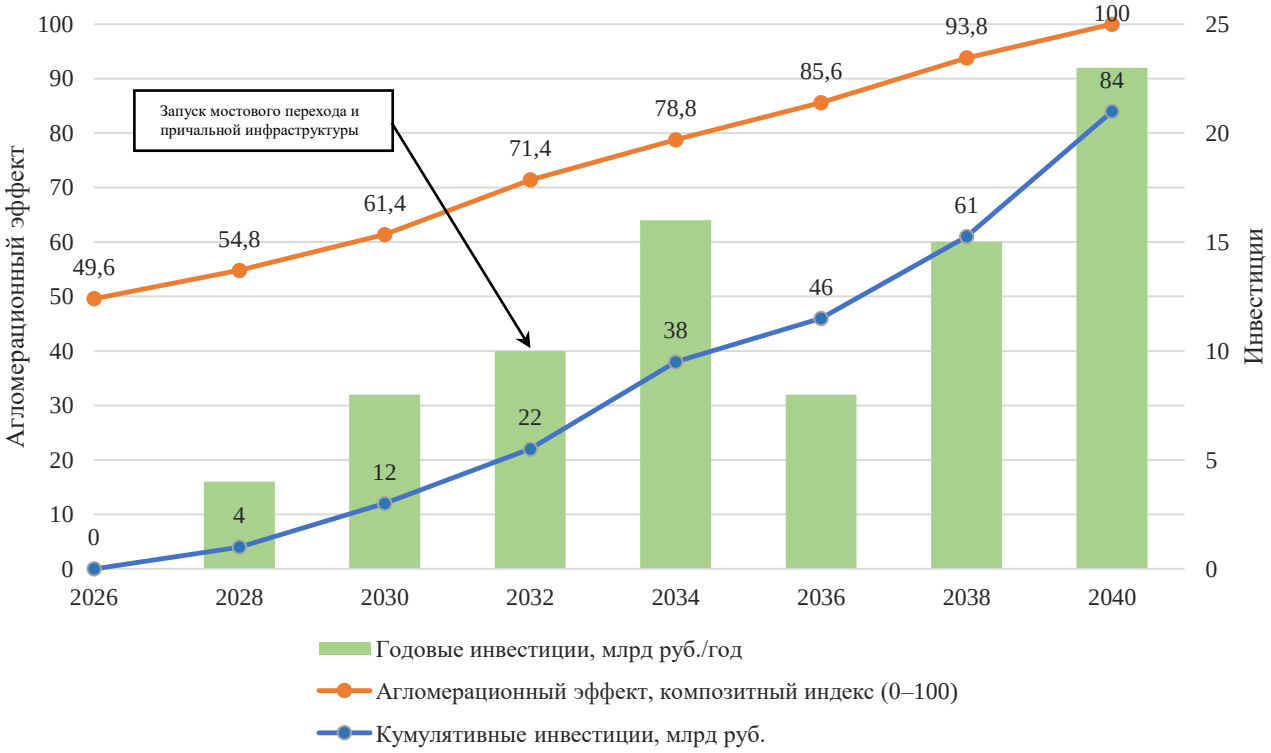


Рисунок 3.8 — Динамика инвестирования и агломерационного эффекта в субрегиональном узле Дубна-Талдом-Конаково-Кимры до 2040 года

Источник: составлено автором

Представленная модель оцифровывает действие инфраструктурного лага в пространственных системах второго порядка. На первой фазе (до 2032 года) опережающие инвестиции в строительство мостовых переходов и причалов не генерируют мгновенного качественного отклика среды. Однако ввод мостового перехода в 2032 году выступает драйвером снижения индекса пространственных издержек с 3,6 до 1,1. Данные таблицы 3.7 и рисунка 3.8 демонстрируют плановое снижение годовых объемов бюджетных вливаний в 2036 году без снижения общих объемов инвестиций. Стартовый импульс капитальных вложений со стороны государства замещается мультипликатором частных инвестиций, что безусловно доказывает схождение индекса Тейла до 0,12 и гарантирует выход стагнирующей периферии на путь долгосрочного саморазвития.

Предложенные в данной главе методические рекомендации образуют основу усовершенствованной концепции региональной социально-экономической политики. Авторский подход предусматривает отказ от шаблонных схем поддержки в пользу адресного регулирования. В отличие от общепринятых методов, ориентированных на пассивное покрытие текущих дефицитов местных бюджетов, предложенный методологический взгляд рассматривает регион как гетерогенную систему хозяйственных локалитетов и соподчиненных контуров муниципального администрирования. Такая позиция обосновывает дифференцированное воздействие на конкретный округ с учетом его агломерационного статуса и объективных ресурсных ограничений.

Применение эконометрического алгоритма *k-means* по выбранным факторным признакам подтвердило расслоение экономического пространства региона и определило формат территориально-экономической типологии муниципальных образований Московской области. В рамках таксономии выделены четыре группы территорий: ускоренного развития, каркасные, развивающиеся и стагнирующие. Надежность разработанного инструментария подтверждается результатами апробации на материалах Республики Марий Эл,

обладающей сходной радиально-центрической структурой расселения, где в ходе расчетов были верифицированы аналогичные качественные группы локалитетов.

Для преодоления межмуниципальной неоднородности пространственного развития разработана методика регулирования уровня бюджетной обеспеченности территорий региона. Предложено ввести в расчетную формулу индекса бюджетных расходов стимулирующий коэффициент $КС_i$. Его величина находится в прямой зависимости от типологической принадлежности муниципальных образований и варьирует от 0,80–0,95 для территорий ускоренного развития до 1,25–1,40 для четвертой группы округов на основе соотношения объемов инвестиций в основной капитал и ВМП. Применение методики расширит финансовую самостоятельность удаленных округов и перераспределит часть налогового потенциала урбанизированных территорий при сохранении общего бюджетного нейтралитета.

Практические меры по реализации разработанной методики отражены в Комплексе организационно-экономических мероприятий по совершенствованию социально-экономической политики региона. Этот инструмент объединяет административные, финансовые, кадровые и инфраструктурно-планировочные механизмы применительно к особенностям каждой из четырех выделенных групп. Эффективность предложенного подхода подтверждают расчеты межмуниципальных связей.

Пространственное моделирование показало, что расширение транспортной связности путем строительства мостового перехода через р. Дубна (распоряжение № 29ПВ-995) способствует формированию единого рынка труда и вовлечению незанятого населения Талдомского округа в производственные цепочки наукограда. При этом ввод в эксплуатацию мостовых переходов через Волгу и Дубну в рамках всего узла Дубна–Талдом–Конаково–Кимры окончательно снимает проблему обособленности периферии и мобильности ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно в исследованиях пространственного развития главную роль отдают федеральному контуру регулирования, при котором субъекты страны рассматриваются в качестве исполнителей централизованных директив. Однако процессы пространственной поляризации обусловливают смещение исследовательского внимания на конкретные территории региона. В данном аспекте муниципальные образования выступают самостоятельными социально-производственными комплексами, а не пассивными объектами распределения бюджетных средств. Без учета этого фактора затруднен качественный анализ развития регионов в целом, при этом действующая модель региональной политики исчерпала прикладной потенциал. Не устраняют территориальную асимметрию унифицированные межбюджетные трансферты, поскольку не учитывают внутренний потенциал, специфику местных рынков, ресурсные и экологические ограничения. Сложившееся положение заставляет переосмыслить подходы к управлению ради расширения финансово-хозяйственной самостоятельности муниципалитетов. Без внедрения гибких нормативов регулирования, адаптированных под специфику конкретных локалитетов, преодолеть пространственную дифференциацию невозможно.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Систематизация теоретических подходов к исследованию пространственных систем сформировали авторскую концепцию региональной социально-экономической политики. Определение позиционируется как скоординированная деятельность органов публичной власти по формированию долгосрочных целей и системы мер, направленных на гармонизацию пространственного социально-экономического развития субъектов Российской

Федерации с учетом эндогенных факторов и агломерационных эффектов при сохранении приоритета национальных интересов. Регионы рассматриваются как сложные неравномерно урбанизированные территориальные системы, что переносит вектор планирования с формального административного выравнивания на использование агломерационных эффектов и капитализацию внутреннего потенциала территорий. Доказано, что игнорирование конкурентных преимуществ и структурных особенностей муниципальных образований обостряет конфликт между необходимостью стимулирования «точек роста» и социальным выравниванием. Пассивное применение финансовой поддержи локалитетов снижает стимулы местных администраций к развитию собственной налоговой базы и препятствует устранению пространственных диспропорций в регионе.

2. Определены основные характеристики и обоснована необходимость совершенствования механизмов госрегулирования пространственного развития регионов с высокой локализации капитала и населения. На примере Московской области установлено, что её хозяйственная структура отличается доминированием секторов торговли, строительства и обрабатывающей промышленности. При этом столичный центр создает диспропорции в развитии муниципальных образований области. Межмуниципальная асимметрия, обусловленная агломерационными эффектами, приводит к многократному разрыву по уровню расчетного ВМП между ближним поясом и округами периферии. Разработанное пространственно-эконометрическое моделирование подтвердило высокую чувствительность локальных систем к фактору удаленности от ядра расселения: увеличение расстояния административного центра округа от МКАД на каждые 10 км снижают подушевой ВМП в среднем на 11,5%, с угасанием положительных агломерационных эффектов. Установлено, что ежегодная рейтинговая оценка муниципальных образований в части содействия развитию конкуренции проводится на основе унифицированного регламента, без учета экономико-географических и типологических особенностей территорий. Сложившаяся инерция приводит к тому, что невысокие рейтинговые позиции окраинных округов

искусственно снижают их инвестиционную привлекательность. Данный фактор ограничивает приток государственного и частного капитала, усугубляет кадровый дефицит (стимулируя маятниковую трудовую миграцию в столичное ядро до 20% экономически активных граждан Подмосковья) и снижает субрегиональную конкурентоспособность. Полученные результаты доказывают, что преодоление поляризации пространственных систем требует от органов публичной власти регионального и местного уровней отказа от усредненных шаблонов управления, перехода к поокружному профилированию социально-экономического ландафта и внедрения дифференцированных механизмов социально-экономической политики.

3. Разработана и предложена усовершенствованная концепция формирования социально-экономической политики региона, основанная на многомерной типологии муниципальных образований. Данный методический подход позволил структурировать систему стратегирования посредством группировки 56 округов Московской области по уровню их пространственно-экономического развития с выделением территорий ускоренного роста (31% населения), каркасных (29%), развивающихся (29%) и стагнирующих (11%) муниципалитетов. Факторные признаки типологии учитывают пространственно-временной градиент удаленности округов от ядра агломерации, что обеспечивает основу для рационального перераспределения бюджетных ресурсов. В развитие данного подхода сформирована обновленная схема взаимодействия государственных структур по обеспечению реализации Стандарта содействия развитию конкуренции в РФ. Действующий нормативно-инструментальный механизм дополнен контуром влияния общественных, профессиональных, предпринимательских и экспертных сообществ на процессы демонополизации рынков. Вовлечение в процесс внегосударственных структур снижает риски информационной асимметрии, активизирует потенциал территориального общественного самоуправления и формирует паритетные институциональные условия для роста конкурентоспособности территорий.

4. Усовершенствована методика операционного расчета дотаций для преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов посредством дифференцированного подхода к бюджетной обеспеченности муниципальных образований. За счет интеграции в формулу расчета индекса бюджетных расходов поправочного стимулирующего коэффициента $КС_i$, величина которого зависит от типа муниципального образования и научно обоснована в диапазоне от 0,8–0,95 для территорий ускоренного развития до 1,25–1,4 для группы стагнирующих территорий, предложен инструмент горизонтального перераспределения бюджетных средств. Доказано, что применение дифференцированного метода при расчете расходов муниципалитетов обеспечит местным властям расширение финансовой автономии при осуществлении текущих и будущих проектов. Это компенсирует объективный дефицит капитала, при котором норма накопления на окраинах падает до 11,8% по сравнению с 17,4% в столичном ядре, улучшит деловую среду в муниципальных образованиях, замедлит процессы маятниковой миграции и создаст необходимый инвестиционный климат для привлечения частного капитала. Более гибкая методика региональной поддержки повысит общую конкурентоспособность удаленных от центра агломерации территорий и позволит периферийным муниципальным образованиям активнее конкурировать с локалитетами, расположенными ближе к ядру агломерации. Практическая реализация предложенного формульного подхода обеспечит постепенное устранение межмуниципальной асимметрии в уровне и качестве жизни населения, снижая общую пространственную дифференциацию в долгосрочной перспективе.

5. Разработан и предложена к внедрению Комплекс организационно-экономических мероприятий по совершенствованию социально-экономической политики региона, дифференцированный по четырем типологическим группам муниципальных образований. Предложенные меры основаны на адаптации параметров финансово-бюджетных и организационно-планировочных инструментов субъекта под специфические условия конкретных территорий.

Обоснованная в работе селективная настройка регуляторов доказывает возможность перехода региональных органов власти и органов местного самоуправления от пассивного покрытия текущих дефицитов к долгосрочному сценарному маневрированию в горизонте стратегического планирования. Доказано, что практическая реализация разработанного Комплекса обеспечит достижение баланса между экономической эффективностью ядер роста и воспроизводственным потенциалом периферии. При этом внедрение компенсирующих механизмов минимизирует негативные агломерационные эффекты с учетом жестких ресурсных и природоохранных ограничений конкретных округов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные документы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 № 159-ФЗ: Принят Государственной Думой 17 июля 1998 г. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». − 1998. − URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 10.02.2026).

2. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». − 1993. − URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.01.2024).

3. О внесении изменений в перечень системообразующих организаций Московской области: Постановление Губернатора Московской области от 19.07.2023 г. № 181-ПГ. – Текст: электронный // Официальный сайт нормативно-правовой информации «Гарант». – 2023. − URL: https://base.garant.ru/407419730/ (дата обращения: 03.09.2025).

4. О бюджете Московской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: Закон Московской области от 05 декабря 2024 г. № 224/2024-ОЗ. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.08.2026).

5. О межбюджетных отношениях в Московской области: Закон Московской области от 04.12.2019 г. № 253/2019-ОЗ. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». − 2019. − URL:

https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MOB&n=302905#pr8EPPUIbIAQr2SQ1 (дата обращения: 20.02.2024).

6. О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 16.03.2022 г. № 121. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411742/ (дата обращения: 15.03.2025).

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 – Текст : электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.01.2026).

8. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2000. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (дата обращения: 15.10.2023).

9. О прогнозе социально-экономического развития Московской области на среднесрочный период 2023-2025 годов: Постановление Правительства Московской области от 11.10.2022 г. №1092/36. – Текст: электронный // Официальный сайт «Правовые акты Московской области». – 2022. – URL: https://mosoblpravo.ru/postanovlenie/2022/10/11/n-1092-36/ (дата обращения: 20.01.2026).

10. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.12.2014 г. № 488. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2014. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 20.01.2026).

11. О Системе показателей социально-экономического развития Московской области: Постановление Правительства Московской области от 04.06.2009 г. № 430/20. – Текст: электронный // Официальный сайт нормативно-правовой информации «Гарант». – 2009. − URL: https://base.garant.ru/19103531/ (дата обращения: 10.09.2023).

12. О Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Московской области от 28.12.2018 г. №1023/45. – Текст: электронный // Официальный сайт нормативно-правовой информации «Гарант». – 2018. − URL: https://www.garant.ru/hotlaw/mos_obl/1257449/ (дата обращения: 20.01.2023).

13. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 20.06.2014 г. № 172. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». − 2014. − URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 15.10.2023).

14. О сотрудничестве между Правительством Московской области и Обществом с ограниченной ответственностью «Молочная компания «Дубна»: Соглашение от 24 июля 2025 г. № 154. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал Правительства Московской области. – URL: https://mosreg.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

15. Об административно-территориальном устройстве Московской области: Закон Московской области от 31.01.2013 № 11/2013-ОЗ. – Текст: электронный // АО «Кодекс». – 2013. − URL: https://docs.cntd.ru/document/537930518 (дата обращения: 10.02.2023).

16. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 618. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». − 2017. −

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (дата обращения: 20.12.2025)

17. Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 – 2025 годы: Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 г. № 2424-р. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2021. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394879/7f0ef3e7f161514229268000f81545966661ac60/ (дата обращения: 20.08.2023).

18. Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2017. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 20.01.2024).

19. Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2022 г. № 996. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418193/ (дата обращения: 16.02.2024).

20. Об утверждении Положения о государственном природном заказнике областного значения «Черустинский лес»: Постановление Правительства Московской области от 14 апреля 2026 г. № 342/12. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2026).

21. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2036 года: Постановление Правительства Республики Марий Эл от 30 марта 2026 г. № 83. – Текст: электронный //

Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.08.2026).

22. Об утверждении схемы территориального планирования транспортного обслуживания Московской области: Постановление Правительства Московской области от 25 марта 2016 г. № 230/8. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.06.2026).

23. О подготовке проекта планировки территории для строительства автомобильной дороги Юркино – Арефьево в городском округе Дубна и Талдомском городском округе Московской области : распоряжение Комитета по архитектуре и градостроительству Московской области от 27.09.2024 г. № 29ПВ-995. – Текст: электронный // Официальный сайт Комитета по архитектуре и градостроительству Московской области. – 2024. – URL: https://mosoblarh.mosreg.ru/download/document/16500563 (дата обращения: 13.08.2026).

24. План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 г. № 3227- р. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2019. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342452/ (дата обращения 21.04.2023).

25. Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2019 г. № 768-р. – Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – 2019. – URL: https://fas.gov.ru/pages/vazhnaya-informacziya/standart-razvitiya-konkurenczii/standart-test-one.html (дата обращения: 10.04.2024).

26. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. – Текст: электронный // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». – 2019. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 20.01.2023).

27. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.02.2026).

Книги:

28. Абалкин, Л. И. Стратегия: выбор курса / Л. И. Абалкин. − Москва: Институт экономики РАН, 2002. − 210 с. − Текст: непосредственный.

29. Абрамов, А.Л. Столкновение интересов власти, бизнеса и местного сообщества на муниципальном уровне / А.Л. Абрамов, А.С. Величко, Д.В. Давыдов, В.Н. Достовалов. − Москва: МОНФ, 2007. − 125 с. − Текст: непосредственный.

30. Айзард, У. Региональная наука. Ход и перспективы ее развития / У. Айзард, Т. Райнер. − Региональная наука о размещении производительных сил. − Новосибирск, 1968. − 150 с. − Текст: непосредственный.

31. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. − Москва: Мысль, 1983. − 350 с. – Текст: непосредственный.

32. Андреев, А. В. Региональная экономика: учебник для вузов / А. В. Андреев, Л.М. Борисова., Э.В. Плучевская. − СПб: Питер, 2012. − 464 с. – Текст: непосредственный.

33. Арапов, С. В. Региональное управление и территориальное планирование : учебное пособие / С. В. Арапов, А. А. Курочкина, Е. Е. Петрова. – Санкт-Петербург : РГГМУ, 2021. – 460 с. – Текст: непосредственный.

34. Бабурин, В. Л. Географические основы управления: учебное пособие / В. Л. Бабурин, Ю. Л. Мазуров. − Москва: Дело, 2000. − 288 с. – Текст: непосредственный.

35. Большой экономический словарь: 24800 терминов / А. Н. Азрилян, О.М. Азрилян, Е.В. Калашникова. − Москва: Институт новой экономики, 2002. − 1280 с. − Текст: непосредственный.

36. Вебер, А.Ф. Рост городов в 19 столетии / А.Ф. Вебер. − Санкт-Петербург: Изд. Е. Д. Кусковой, 1903. − 464 с. − Текст: непосредственный.

37. Вебер, А. Теория размещения промышленности / А. Вебер. − Москва: Книга, 1926. − 332 с. − Текст: непосредственный.

38. Горкин, А.П. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / А.П. Горкин. − Смоленск: Ойкумена, 2013. − 328 с. − Текст: непосредственный.

39. Гладкий, Ю. Н. Регионоведение: учебник для вузов / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. − Москва: Издательство Юрайт, 2024. − 393 с. − Текст: непосредственный.

40. Глушкова, В.Г. Региональная экономика. демографическая и миграционная политика (Бакалавр. Академический курс) / В.Г. Глушкова, О.Б. Хорева. − Москва.: КноРус, 2018. − 496 с. – Текст: непосредственный.

41. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. − Москва: ГУ ВШЭ, 2000. − 495 с. − Текст: непосредственный.

42. Гутман, Г.В. Управление региональной экономикой / Г.В. Гутман, А.А. Мироедов, С.В. Федин. - Москва: Финансы и статистика, 2002. − 176 с. − Текст: непосредственный.

43. Добрынин, А.И. Региональные пропорции воспроизводства / А.И. Добрынин. − Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1977. − 127 с. − Текст: непосредственный.

44. Дроздюк, А. Логистическая кривая / А. Дроздюк. — Торонто : Choven, 2019. — 274 с. — ISBN 978-0-9866300-2-6. — Текст : непосредственный.

45. Жихаревич, Б. С. Стратегическое планирование развития регионов и городов России: системность, преемственность, инновационность / Б. С. Жихаревич. – Санкт-Петербург : Леонтьевский центр, 2021. – 232 с. – Текст : непосредственный.

46. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард. − Москва: Прогресс, 2006. − 660 с. − Текст: непосредственный.

47. Калинникова, И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона: учебное пособие / И.О. Калиникова. − Санкт-Петербург: Питер, 2010. − 240 с. − Текст: непосредственный.

48. Королева, Е.Н. Стратегическое управление развитием муниципальных социально-экономических систем в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты: монография / Е.Н. Королева. − Москва: ВГНА Минфина России, 2006. − 131 с. – ISBN 5-464-00096-8. − Текст: непосредственный.

49. Корчагин, Ю.А. Региональная экономика и финансы: учебное пособие / Ю.А. Корчагин. − Воронеж: ЦИРЭ, 2010. − 260 с. − Текст: непосредственный.

50. Кузнецова, О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования : [монография] / О. В. Кузнецова. – Изд. 7-е, стереотип. – Москва : ЛЕНАНД, 2020. – 304 с. – ISBN 978-5-9710-7147-1. – Текст : непосредственный.

51. Мацкевич, Т.Н. Проблемы социально-экономического развития региона: монография /Т.Н. Мацкевич. − Ставрополь: Аргус, 2004. − 120 с. – ISBN 5-9596014-4-3. − Текст: непосредственный.

52. Маркварт, Э. Организация управления и развитие территорий: концептуальные подходы и прикладные решения / Э. Маркварт. – Москва: Статут, 2018. – 260 с. – Текст: непосредственный.

53. Мюрдаль, Г. Мировая экономика. Актуальные проблемы и перспективы / Г. Мюрдаль ; перевод с английского под редакцией В. В. Полякова. – Москва : Государственное издательство иностранной литературы, 1958. – 554 с. – Текст: непосредственный.

54. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы / Н.Н. Некрасов. − Москва: Экономика, 1978. − 344 с. − Текст: непосредственный.

55. Нуреев, Р.М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа - истории экономического развития) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. − Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2010. − 530 с. − Текст: непосредственный.

56. Орешин, В. П. Региональная экономика и управление / В.П. Орешин. − Москва: Издательский Центр РИОР, 2019. − 178 с. − Текст: непосредственный.

57. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография / Т.В. Ускова, А.С. Барабанов, О.И. Попова и др. − Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2010. − 246 с. – ISBN 978-5-93299-149-7. − Текст: непосредственный.

58. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий / А. П. Панкрухин. – 2-е изд., доп. – Москва : Питер, 2006. – 411 с. – Текст : непосредственный.

59. Политика сбалансированного пространственного развития региона: монография / Ю.В. Зайцев, Т.В. Дорожкина, В.К. Крутиков [и др.]. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. Издательство «Эйдос», 2015. – 234 с. – ISBN 978-5-905697-76-X. – Текст: непосредственный.

60. Пространственное развитие России: муниципальное измерение : монография / О. В. Кузнецова, А. Г. Дружинин, С. Н. Леонов [и др.] ; научное редактирование О. В. Кузнецовой ; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2026. – 160 с. – ISBN 978-5-908015-47-9. – Текст : непосредственный.

61. Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири : [коллективная монография] / под редакцией А. С. Новоселова, В. Е. Селиверстова ; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск : Издательство ИЭОПП СО РАН, 2016. – 487 с. – ISBN 978-5-89665-303-5. – Текст : непосредственный.

62. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии : [монография] / Институт мировой экономики и международных отношений имени И. М. Примакова РАН ; под редакцией А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с. – (Библиотека Института мировой экономики и международных отношений). – ISBN 978-5-9535-0431-7. – Текст : непосредственный.

63. Савельев, Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Ю.В. Савельев; Институт экономики КарНЦ РАН. − Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН, 2010. − 516 с. − Текст: непосредственный.

64. Светуньков, С.Г. Комплекснозначный анализ и моделирование неравномерности социально-экономического развития регионов России / С.Г. Светуньков, А.В.Заграновская, И.С. Светуньков. – Санкт-Петербург, 2012. − 129 с. − Текст: непосредственный.

65. Смирнягин, Л. В. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие / Л. В. Смирнягин, В.В. Вольский. – Москва: Пеликан, 2019. − 336 с. – Текст: непосредственный.

66. Суспицын, С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы» : монография / С. А. Суспицын ; под ред. В. В. Кулешова. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. — 296 с. — Текст: непосредственный.

67. Сухарев, О. С. Региональная экономическая политика. Институты, структурно-организационные изменения, реиндустриализация / О.С. Сухарев. − Москва: Ленанд, 2014. − 144 с. − Текст: непосредственный.

68. Тамбовцев, В. Л. Экономическая теория неформальных институтов : монография / В. Л. Тамбовцев ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет. – Москва : Проспект, 2017. – 173 с. – Текст: непосредственный.

69. Трейвиш, А.И. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский. − Москва: УРСС, 1999. − 296 с. − Текст: непосредственный.

70. Тюнен, И.Г. Изолированное государство / И.Г. Тюнен. − Москва: Экономическая жизнь, 1926. − 326 с.− Текст: непосредственный.

71. Чайникова, Л.Н. Формирование системы управления стратегической конкурентоспособностью региона: монография / Л.Н. Чайникова. − Тамбов: Издательство ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. − 264 с. – ISBN 8-978-5-8265-0913-5. − Текст: непосредственный.

72. Швецов, А.Н. Экономические ресурсы муниципального развития / А.Н. Швецов. − Москва: Едиториал, 2004. − 224 с. − Текст: непосредственный.

73. Шнипер, Р.И. Региональные проблемы рынковедения. Экономический аспект / Р.И. Шнипер, А.С. Новоселов. − Новосибирск: ВО «Наука»; Новосибирск: Сибирская издательская фирма, 1993. − 443 с . − Текст: непосредственный.

74. Штульберг, Б.М. Долгосрочное прогнозирование территориального экономического развития России. Методологические основы и прогноз до 2015 г. / Б.М. Штульберг. − Москва: СОПС, 2002 с. − Текст: непосредственный.

75. Штульберг, Б.М. Региональная политика России. Теоретические основы, задачи и методы реализации / Б.М. Штульберг, В.Г. Введенский. − Москва: Букинист, 2000. − 208 с. − Текст: непосредственный.

Статьи:

76. Адамеску, А. Советский опыт регулирования территориального развития (критический анализ) / А. Адамеску. − Текст: непосредственный // Экономист. − 2017. − №3. − С.62-71.

77. Айвазян, С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения / С.А. Айвазян. − Текст: непосредственный // Экономика и математические методы. − 2003. − № 2(39). − С. 33-53.

78. Анимица, Е.Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы / Е.Г.Анимица. − Текст: непосредственный // Экономика региона. − 2005. − №1. − С. 7-19.

79. Ануприенко, В. Ю. Налоговый потенциал как экономическая категория: сущность, методы расчета и возможности использования в процедурах государственного управления / В. Ю. Ануприенко, П. И. Бурак. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 58–66.

80. Антипин, И. А. Городские агломерации: от градостроительной концепции к вопросам управления / И.А. Антипин, Н.Р. Ижгузина. − Текст: непосредственный // Экономика и предпринимательство. − 2017. − № 9. − С. 444-449.

81. Антонюк, В. С. Управление социальной инфраструктурой регионов в системе инструментов повышения качества жизни населения регионов / В.С. Антонюк, И.В. Данилова, С.А. Мительман, А.Ж. Буликеева. − Текст: непосредственный // Экономика региона. − 2015. − № 3(43). − С. 53-66.

82. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез / А.А. Аузан. − Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. − 2015. − № 1. − С. 3-17.

83. Афанасьев, М. Ю. К вопросу об оценке результативности стратегии регионального управления : Текст : электронный / М. Ю. Афанасьев // Региональная экономика и управление : электронный научный журнал. – 2026. – № 1 (85). – № статьи 8512. – URL: https://eee-region.ru/article/8512/ (дата обращения: 24.10.2026).

84. Балалова, Е.И. Теоретические аспекты понятия «региональная политика» / Е.И. Балалова, С.А. Катонин. − Текст: электронный // OpenScience: электронный научный журнал. − 2024. − Т.6. − №2. − С. 4-10. – URL: https://openscience.academy/files/e_journal_os/work/t6n2/p4.pdf.

85. Баранов, С.В. Технологии оценки неоднородности социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и решения / С.В. Баранов. − Текст: непосредственный // Экономическая наука современной России. − 2009. − № 3 (46). − С. 48−55.

86. Барбаков, О.М. Регион как объект управления / О.М. Барбаков. − Текст: непосредственный // Социологические исследования. − 2002. − № 7. − С. 96-100.

87. Барбашова, Н. Е. Использование единой методики при выравнивании бюджетной обеспеченности муниципальных образований / Н. Е. Барбашова. – Текст: электронный // Финансовый журнал. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 45–58. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-edinoi-metodiki-pri-vyravnivanii-byudzhetnoi-obespechennosti-munitsipalnyh-obrazovanii (дата обращения: 06.05.2026).

88. Бахтизин, А. Р. Пространственная экономика и динамика глобальных и региональных взаимодействий: из наследия П. А. Минакира / А. Р. Бахтизин // Регионалистика. – 2026. – Т. 13, № 3. – С. 5–15. – Текст: непосредственный.

89. Белякова, Е.В. Инструменты и методы оценки уровня социально-экономического развития региона / Е.В. Белякова, Н.В. Веретнова. − Текст: непосредственный // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. − 2006. − №6. − С. 165-169.

90. Бородин, А.И. Региональные экономические системы и их устойчивость / А.И. Бородин, Н.Н. Киселева. − Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. − 2011. − № 4. − С. 3-7.

91. Бурак, П. И. Вопросы интеграции, региональная экономика и управление. Институты координации процессов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества в Российской Федерации / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец, А. В. Топилин. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 58–62.

92. Бурак, П. И. Пути совершенствования стратегического планирования социально-экономического развития регионов России: поиск новых

организационных форм и методических подходов / П. И. Бурак, А. В. Топилин, В. Г. Ростанец, А. И. Кабалинский. – Текст: непосредственный // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2020. – № 4. – С. 59–65.

93. Бурак, П. И. Российские макрорегионы в системе территориальных группировок и сравнительные параметры развития их социально-экономических комплексов / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец, Т. И. Зворыкина, А. И. Кабалинский. – Текст: непосредственный // Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19, № 2 (135). – С. 15–26.

94. Бурак, П. И. Регионы РФ с высокой степенью интеграции экономик как новый объект государственного стратегического планирования и управления / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец. – Текст: непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 250, № 6. – С. 300–322.

95. Бурак, П. И. Формирование системы органов координации межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества: состав и иерархия / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец, А. В. Топилин. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 64–67.

96. Бурак, П. И. Механизмы управления развитием регионов РФ с высокой степенью взаимной интеграции экономик / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец. – Текст: непосредственный // Вестник Российской академии естественных наук. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 51–60.

97. Бурак, П. И. Формы и механизмы поддержки и развития инновационной деятельности в российских регионах / П. И. Бурак, И. А. Рождественская, Д. С. Петросян. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 56–63.

98. Бухвальд, Е.М. Агломерации и проблемы их законодательного регулирования / Е.М. Бухвальд. − Текст: непосредственный // Жилищные стратегии. − 2021. − № 1. − С. 11-26.

99. Бухвальд, Е.М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики / Е.М. Бухвальд. − Текст:

непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. − 2019. − № 4. − С. 9-25.

100. Бухвальд, Е.М. Приоритеты модернизации Российской экономики: институционально-правовой аспект / Е.М. Бухвальд. − Текст: непосредственный // Федерализм. − 2014. − № 4. − С. 7-18.

101. Василькова, Е.А. Понятие «регион» и современные тенденции развития регионализма. / Е.А. Василькова. − Текст: непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. − 2018. − №2. − С. 54-58.

102. Гасанова, Х. Н. Формирование кластерной политики в регионах / Х. Н. Гасанова, М. А. Измайлова, П. И. Бурак, И. А. Рождественская. – Текст: непосредственный // АПК: экономика, управление. – 2016. – № 2. – С. 25–32.

103. Герцберг, Л.Я. Агломерация как объект экономической политики, государственного регулирования и территориального планирования / Л.Я. Герцберг. − Текст: непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. − 2015. − №4. − С.98-106.

104. Гирина, А.Н. Методика оценки социально-экономического развития региона / А.Н. Гирина. − Текст: непосредственный // Вестник ОГУ. − 2013. − №8 (157). − С. 82-87.

105. Глинский, В. В. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем / В. В. Глинский, Л. К. Серга, М. А. Алексеев. — Текст : непосредственный // Регионология. — 2023. — Т. 31, № 3. — С. 477–497.

106. Гордеев, С.С. «Эффект колеи» в пространственном межмуниципальном развитии / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. М. Ситковский. − Текст: непосредственный // Муниципалитет: экономика и управление. − 2019. − № 4(29). − С. 40-55.

107. Гордеев, С.С. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской

области / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, А.В. Подопригора. − Текст: непосредственный // Социум и власть. − 2019. − №5. (79) − С. 84-97.

108. Гутнов, А.Э. Город как объект системного исследования / А.Э. Гутнов. − Текст: непосредственный // Вопросы теории архитектуры: сборник статей. − 1976. − №1. − С. 101-114.

109. Дмитриева, Л.В. Проектирование региональной экономической-политики / Л.В. Дмитриева. − Текст: непосредственный // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. − 2022. − № 9. − С. 86-89.

110. Дохолян, С. В. Социально-экономическое развитие России: анализ влияния внешних шоков и структурных ограничений на уровень жизни / С. В. Дохолян // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27, № 5. – С. 211-222.

111. Дружинин, А. Г. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, типологизация и особенности стратегирования / А. Г. Дружинин, А. В. Лялина. – Текст: непосредственный // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6 (16). – № 3. – С. 20-35.

112. Еремеева, Л.Н. Региональная политика в современной России: особенности формирования и реализации / Л.Н. Еремеева, Е.Л. Плисецкий. − Текст: непосредственный // Экономика. Налоги. Право. − 2013. − № 6. − С. 4-11.

113. Земцов, С. Факторы инновационной активности регионов России: что важнее — человек или капитал? / С. Земцов, А. Мурадов, И. Уэйд, В. Баринова. − Текст: непосредственный // Форсайт. − 2016. − № 2(10). − С. 29-42.

114. Зубаревич, Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н. В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46–57.

115. Зубаревич, Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н. В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.

116. Зубаревич, Н. В. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2024. – № 1. – С. 4–18.

117. Зубаревич, Н. В. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2023. – № 1. – С. 31–41.

118. Ильина, И. Н. Стратегическое планирование и устойчивое развитие регионов: взаимосвязь понятий и специфика управления (на примере Московской области и городского округа Ступино) / И. Н. Ильина, П. А. Жданчиков. — Текст : непосредственный // Индустриальная экономика. — 2021. — Т. 3, № 2. — С. 65–71.

119. Исакин, М.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения региона как критерии эффективности социально-экономической политики, проводимой органами власти / М.А. Исакин, С.А. Айвазян. − Текст: непосредственный / Прикладная эконометрика. − 2006. − №1. − С. 25-30.

120. Кабалинский, А. И. Урбанизация в регионах как фактор их социально-экономического развития / А. И. Кабалинский, Н. А. Кабалинская. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 101–105.

121. Картаев, Ф. С. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона? / Ф.С. Картаев, К.Е. Полунин. − Текст: непосредственный // Вопросы экономики. − 2019. − № 5. − С. 90-102.

122. Катонин, С.А. Межрегиональные агломерации второго порядка как инструмент развития пространственной связности регионов / С.А. Катонин, В.М. Пахомов. — Текст: непосредственный // Прогрессивная экономика. — 2026. — № 10. — С. 515-530.

123. Катонин, С. А. Цифровая трансформация региональных агломераций: финансово-управленческие барьеры и ограничения этатизма / С. А. Катонин. — Текст: электронный // Вектор экономики. — 2026. — № 6 (120). — № 24. — URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2026/6/regionaleconomy/Katonin.pdf.

124. Катонин, С. А. Применение ранжирования при оценке конкурентоспособности городов Московского региона / С.А. Катонин. − Текст: электронный // OpenScience: электронный научный журнал. − 2024. − Т.6.– №1. − С. 44-51. − URL: https://openscience.academy/files/e_journal_os/work/t6n1/p44.pdf.

125. Катонин, С.А. Агломерации второго порядка как фактор пространственного развития региона / С.А. Катонин. − Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. − 2022. − № 3. − С. 145-150.

126. Катонин, С.А. Дифференциация регионов по уровню экономического развития: агломерационный аспект / С.А. Катонин. − Текст: непосредственный // Universum: научный журнал. − 2024. − № 4(114). − С. 20-25.

127. Катонин, С.А. Комплексная оценка конкурентоспособности региона / С.А. Катонин. − Текст: электронный // Вектор экономики. – 2024. – №7.– URL:http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2024/7/regionaleconomy/Katonin.pdp.

128. Катонин, С.А. Московская агломерация: история, современность, перспективы развития / С.А. Катонин. − Текст: электронный // Russian Journal of Management. − 2023. − Т.11. – №1. − С.23-25. − URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/64973/view.

129. Катонин, С.А. Оценка агломерационных эффектов при управлении урбанизированными территориями регионов / С.А. Катонин. − Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. − 2023. − № 2. − С. 124-130.

130. Катонин, С.А. Применение коэффициента Джини в исследованиях пространственного неравенства в агломерациях регионов / С.А. Катонин. − Текст: электронный // Russian Journal of Management. − 2022. − Т.10. – № 4. − С. 217-221. − URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/56605/view.

131. Катонин, С.А. Проблема оценки уровня содействия развитию конкурентной среды в центральном федеральном округе / С.А. Катонин. − Текст:

непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. − 2022. − № 2. − С. 155-159.

132. Катонин, С.А. Развитие центров экономического роста в регионах / С.А. Катонин, Е.И. Балалова, В.А. Дробышева. − Текст: электронный // OpenScience: электронный научный журнал. − 2023. − Т.6. − №4. − С. 4-16. − URL: https://openscience.academy/files/e_journal_os/work/t5n4/p4.pdf

133. Катонин, С.А. Роль губернаторского корпуса в механизмах снижения социально-экономической дифференциации регионов / С.А. Катонин, Е.И. Балалова. − Текст: электронный // Russian Journal of Management. − 2024. − Т.12. − №1. − С. 279-284. − URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/75905/view.

134. Катонин, С. А. Урбанизационный фактор в социально-экономическом развитии регионов России / С. А. Катонин. – Текст: электронный // Наукосфера. – 2026. – № 7 (1). – URL: https://nauko-sfera.ru/archive/

135. Катонин, С. А. Дилемма агломерационной эффективности и сохранения целостности экономического пространства / С. А. Катонин. – Текст: электронный // Вектор экономики. – 2026. – № 3 (117). – № 37. − URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2026/3/regionaleconomy/

136. Киселева, Н.Н. Обеспечение расширенного регионального воспроизводства на основе развития транспортной инфраструктуры / Н.Н. Киселева, В.В. Браткова. − Текст: электронный // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. − 2015. − № 4 (76). − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-rasshirennogo-regionalnogo-vosproizvodstva-na-osnove-razvitiya-transportnoy-infrastruktury. (дата обращения: 10.12.2023).

137. Клемешев, А.П. Регион в условиях глобализации. / А.П. Клемешев. − Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. − 2005. − №2. − С. 18 - 22.

138. Кожевников, С.А. Актуальные вопросы оценки эффективности государственного управления в современной России / С.А. Кожевников, Н.В.

Ворошилов. − Текст: непосредственный // Проблемы развития территории. −2017. − № 6 (92). − С. 35-52.

139. Кожина К.С. Математические методы оценки экономической эффективности цифровизации / К.С. Кожина, Н.А. Дунаенко, Т.Ю. Кудрявцева // Экономические науки. – 2022. – № 4 (209). – С. 100–104.

140. Коломак, Е. А. Трансформация пространственных пропорций развития современной России: направления, темпы, факторы / Е. А. Коломак. — Текст : непосредственный // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2020. — Т. 3, № 1. — С. 88–95.

141. Колясников, В.А. Развитие понятия «городская агломерация» / В.А. Колясников. − Текст: непосредственный // Академический вестник Уралниипроект РААСН. − 2015. − № 2. − С. 10-15.

142. Королева, Е.Н. Конкурентоспособность муниципального образования в условиях глокализации / Е.Н. Королева, В.С. Штакина. − Текст: непосредственный // Экономика и социум: ИУСЭР. − 2015. − №2. − С. 1194-1200.

143. Кузнецова, А.Л. «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области) / А.Л. Кузнецова, Ю.М. Зверев. − Текст: непосредственный // Региональные исследования. − 2019. − № 2. − С. 17.

144. Кутукова, Е. С. Стратегическое планирование и региональная экономическая политика / Е.С. Кутукова, О.С. Сухарев. − Текст: непосредственный // Вестник АКСОР. − 2016. − № 3. − С. 11-21.

145. Лаппо, Г. М. Агломерации России в XXI веке / Г. М. Лаппо, П. М. Полян, Т. И. Селиванова. − Текст: непосредственный // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. − 2007. − № 1. − С. 45-52.

146. Лексин, В. Региональная политика России: концепции, проблемы, решения / В. Лексин, В. Шевцов. − Текст: непосредственный // Российский экономический журнал. −1993. − № 9. − С. 51.

147. Лексин, В.Н. Территориальная фрагментация единого правового пространства России / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев. − Текст: непосредственный // Федерализм. − 2018 − №1. − С. 173-190.

148. Леонова, О. В. Социально-экономическая политика в постсоветской России: стратегические приоритеты и политические механизмы реализации / О. В. Леонова. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 57–85.

149. Лившиц, А.Я. Региональная стратегия России /А.Я. Лившиц, А.В. Новиков, Л.В. Смирнягин. − Текст: непосредственный // Регион: экономика и социология. − 1994. − №3. − С. 27 - 56.

150. Литвиненко, И.Л. Прогнозирование валового регионального продукта с использованием стохастических моделей в условиях инновационно−инвестиционной модели развития / И.Л. Литвиненко. − Текст: непосредственный // Научный журнал КубГАУ. − 2017. − № 130 (06). − С. 14-19.

151. Ломов, Е.Е. Конкурентоспособность региона: элементы, индикаторы, механизмы оценки / Е. Е. Ломов. − Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. − 2015. − № 1. − С. 105-113.

152. Маккиндер, Х. Д. Географическая ось истории / Х.Д. Маккиндер. − Текст: непосредственный // Полис. − 1995. − № 4. − С. 162-169.

153. Мерзликина, Г.С. Региональная экономическая политика: особенности формирования и оценка результативности / Г.С. Мерзликина, Е.В. Кузьмина. - Текст: непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. − 2018. − № 2 (27). − С. 39-46.

154. Минакир, П. А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко. − Текст: непосредственный // Пространственная экономика. − 2010. − № 2. − С. 6-32.

155. Мухина, Е.Р. Обзор ключевых задач в сфере управления природно-ресурсным потенциалом / Е.Р. Мухина, А.В. Маринина. − Текст: непосредственный // Дневник науки. − 2017. − № 10. − С. 97-99.

156. Невейкина, Н.В. Многомерная функциональная система региона / Н.В. Невейкина. − Текст: непосредственный // Регион: системы, экономика, управление. − 2013. − № 2 (21). − С.29-32.

157. Нефедова, Т. Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России/ Т. Г. Нефедова. — Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2015. — № 3. — С. 41–56.

158. Одинцова, А.В. Проблемы развития агломераций в России. / А.В. Одинцова. − Текст: непосредственный // *Федерализм*. − 2021. − № 2. − С. 65-83.

159. Орехов, В.Д. Прогнозирование темпов роста России в сопоставлении с динамикой крупнейших экономик до конца XXI века / В.Д. Орехов, А.Х. Каранашев, Е.С. Щенникова. − Текст: непосредственный // Московский экономический журнал. − 2021. − № 8. − С. 190-227.

160. Павлов, Ю.В. Концепция региональной агломерационной политики /Ю.В. Павлов, Г.А. Хмелева. − Текст: непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. − 2023. − Т 13. − № 2. − С. 297-316.

161. Павлов, Ю.В. Оценка влияния агломерационного эффекта на экономическое развитие городских округов Самарской области / Ю.В. Павлов, Г.А. Хмелева. − Текст: непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. − 2022. − № 10. − С. 2773-2794.

162. Павлов, Ю.В. Будущее муниципалитетов в агломерации: эволюция взглядов на метрополитенское управление / Ю.В. Павлов. − Текст: непосредственный // Экономическая политика. − 2019. − № 1. − С. 126-153.

163. Панасюк, М. В. Особенности функциональной организации пространства Казанской городской агломерации / М. В. Панасюк, В. В.

Шаймарданова. — Текст : непосредственный // Географический вестник. — 2025. — № 2 (73). — С. 57–66.

164. Павлюченко, В. К. Реформа местного самоуправления: некоторые возможности и ограничения / В. К. Павлюченко. — Текст : непосредственный // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — № 1 (138). — С. 46–51.

165. Пахомов, Б. А. Платформенные инвестиции в России: тренды становления и модели развития / Б. А. Пахомов, В. М. Пахомов, Ю. А. Романова. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 19, № 12 (165). – С. 128–141.

166. Пахомов, В. М. Методологические подходы к типологизации муниципальных образований в условиях агломерационных процессов / В. М. Пахомов, С. А. Катонин. — Текст : непосредственный // Россия и Большая Евразия в XXI веке: модели влияния глобальных изменений и перспективы устойчивого развития : сб. ст. по материалам XIV Междунар. форума (Москва, 25–26 декабря 2025 г.). — Москва : ФГБУН ЦЭМИ РАН, 2025. — С. 96–103.

167. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / Ф. Перру. − Текст: непосредственный // Пространственная экономика. − 2007. − № 2. − С. 77-93.

168. Перцик, Е.Н. Проблемы развития городских агломераций / Е.Н. Перцик. − Текст: непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. − 2009. − №2. − С. 34-46.

169. Песляк, О.А. Вопросы формирования термина «городская агломерация» / О.А. Песляк. − Текст: непосредственный // Международный научно−исследовательский журнал. − 2017. − № 09 (63). − С. 126-128.

170. Полуянова, Н.В. Современные подходы к оценке региональной социально-экономической политики и пути повышения ее эффективности / Н.В. Полуянова. − Текст: непосредственный // Экономика устойчивого развития. − 2022. − №3 (51). − С. 68-78.

171. Ратцель, Ф. Государство как оседлый организм / Ф. Ратцель; пер. с нем. А.Б. Рахманова. − Текст: непосредственный // Личность. Культура. Общество. − 2003. − Т. 5. − № 1. − С. 249-261.

172. Ример, В.Л. Формирование инновационных инструментов регионального развития / В.Л. Ример. − Текст: непосредственный / Пространственная экономика. − 2017. − №3. − С. 17-23.

173. Рождественская, И. А. Городские агломерации в системе стратегического планирования развития регионов / И. А. Рождественская. – Текст: непосредственный // Управленческие науки в современном мире. – 2017. – Т. 1. – С. 252–255.

174. Рождественская, И. А. Реализация региональной экономической политики: институциональный подход / И. А. Рождественская, В. Л. Тамбовцев. – Текст: непосредственный // Terra Economicus. – 2026. – Т. 24, № 1. – С. 22–36.

175. Романишина, Т. С. Маркетинг территории: сущностные характеристики и основные подходы / Т. С. Романишина, О. А. Митько. – Текст : непосредственный // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2020. – № 4 (72). – С. 155–164.

176. Россинская, Г. М. Многоуровневый воспроизводственный подход к исследованию пространственной дифференциации региональных систем / Г. М. Россинская, Н. С. Ишмухаметов, З. Ф. Ибрагимова. — Текст: непосредственный // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. Серия: Экономика. — 2021. — Т. 25, № 3 (93). — С. 112–121.

177. Ростанец, В. Г. Городские агломерации России: перспективы управления и стратегического планирования развития / В. Г. Ростанец, А. В. Топилин, А. И. Кабалинский, Е. В. Шуринова. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2018. – Т. 18, № 6. – С. 72–79.

178. Ростанец, В. Г. Поддержка инвестиционной деятельности на муниципальном уровне: практика и перспективы / В. Г. Ростанец, А. О. Чуркин. –

Текст: непосредственный // Экономика строительства. – 2011. – № 5 (11). – С. 45–51.

179. Ростанец, В. Г. Стратегическое планирование в городских агломерациях: современное состояние и перспективы развития / В. Г. Ростанец, А. И. Кабалинский, А. В. Топилин. – Текст: непосредственный // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2020. – № 3. – С. 13–19.

180. Ростанец, В. Г. Проблема консолидации процессов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества: возможные подходы к исследованию / В. Г. Ростанец, А. В. Топилин, П. Бурак. – Текст: непосредственный // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 7. – С. 22–27.

181. Ростанец, В. Г. Развитие институтов и форм межмуниципального сотрудничества в регионах России / В. Г. Ростанец, А. В. Топилин. – Текст: непосредственный // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 7. – С. 75–80.

182. Савельева, М.В. Анализ развития регионов России и их человеческого капитала / М.В. Савельева, В.Д. Орехов. − Текст: электронный // Московский экономический журнал. − 2022. − № 4. − URL: https://qje.su/ru/storage/view/142379 (дата обращения: 10.09.2023).

183. Саврукова, А.Н. Методический подход и критерии оценки эффективности государственного управления в регионах / А. Н. Саврукова, Н. Т. Саврукова. − Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. − 2020. − №1 (18). − С. 118-132.

184. Скуфьина, Т. П. Межрегиональные и межгородские сопоставления как особый вид научного исследования: теоретический аспект / Т.П. Скуфьина, С.В. Баранов. − Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. − 2011. − № 7. − С. 322-325.

185. Слинкова, О.К. Сущность и экономическое содержание социально-экономической политики региона / О.К. Слинкова, Н.Ю. Масленникова. − Текст:

непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. − 2015. − № 7. − С. 5-12.

186. Смирнягин, Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках /Л.В. Смирнягин. − Текст: непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия географическая. − 2016. − № 4. − С. 7-19.

187. Смищенко, Р.С. Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе / Р.С. Смищенко. − Текст: непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. − 2011. − № 4. − С. 278-281.

188. Смольянова, И.В. Формирование приоритетов региональной социально-экономической политики: проблемы и пути решения / И.В. Смольянова. − Текст: непосредственный // Креативная экономика. − 2022. − № 4. − С. 1637-1650.

189. Суворова, А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты / А.В. Суворова. − Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. − 2019. − № 6. − С. 110-128.

190. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий / А. И. Татаркин. – Текст : электронный // Экономика региона. — 2016. — Том 12, выпуск 1. — С. 9-27.

191. Теренин, А. П. Оценка результативности стратегического планирования устойчивого развития региона на основе сертификации / А. П. Теренин, Т. И. Зворыкина. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 27–31.

192. Типология регионов России для целей региональной политики / В. А. Баринова, С. М. Дробышевский, В. А. Еремкин [и др.]. — DOI 10.18334/гр.16.23.2161. — Текст : непосредственный // Российское предпринимательство. — 2015. — Т. 16, № 23. — С. 4199–4204.

193. Топилин, А. В. Межрегиональные и межмуниципальные связи как средство преодоления дезинтеграционных тенденций в экономическом

пространстве России / А. В. Топилин, В. Г. Ростанец, А. И. Кабалинский. – Текст: непосредственный // Вестник РАЕН. – 2015. – Т. 15, № 6. – С. 87–94.

194. Тургель, И.Д. Оценка регулирующего воздействия в постсоветских странах: результаты, проблемы, перспективы / И.Д. Тургель, А.Ж. Панзабекова. − Текст: непосредственный // Управленческие науки. − 2018. − № 2. − С. 84-93.

195. Тургель, И. Д. Проблемы формирования государственной политики поддержки моногородов России / И. Д. Тургель. − Текст: непосредственный // Идеи и идеалы. — 2010. — № 2. — С. 94–105.

196. Урунов, А. А. Укрупнение регионов как инструмент эффективного управления единым экономическим пространством России / А. А. Урунов, Д. И. Усманов, З. К. Торгидов. — Текст : непосредственный // Проблемы рыночной экономики. — 2022. — № 2. — С. 17–28.

197. Усик, Н.И. Формирование конкурентной среды и конкурентной политики / Н.И. Усик. − Текст: непосредственный // Теоретическая экономика. − 2012. − № 4. − С. 33-42.

198. Черкасов, П.С. Регион как социально-экономическая система / П.С. Черкасов. − Текст: непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2013. − № 2 (46). − С. 212-214.

199. Шаталова, О. М. Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов/ О. М. Шаталова. — Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 55–63.

200. Шмидт, А. В. Городские агломерации в региональном развитии: Теоретические, методические и прикладные аспекты / А.В. Шмидт, В.С. Антонюк, А. Франчини. − Текст: непосредственный // Экономика региона. − 2016. − № 3. − С. 776-789.

201. Яковлева, С. И. Модели пространственного развития регионов России: методическое обеспечение процесса стратегического планирования / С. И. Яковлева. — Текст: непосредственный // Псковский регионологический журнал. —

2020. — № 1 (41). — С. 1135–1138. — URL: http://cntd.ru (дата обращения: 11.08.2026).

Конференции:

202. Айснер, Л.Ю. Региональная финансовая система: проблемы теоретико-методологического определения и административно-управленческой практики / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов. − Текст: непосредственный // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 11-й научно-практической конференции, Курск, 17-18 февраля, 2022 г. − Курск: ЗАО «Университетская книга». − 2022. − С. 14-17. (378 с.)

203. Булкина, А. М. Методика комплексного анализа внутритерриториальной дифференциации регионов России / А. М. Булкина. – Текст: непосредственный // Развитие территорий: сборник научных трудов Международной научно–практической конференции, Новосибирск, 20 декабря 2016 г. – Новосибирск: НГУЭУ «НИНХ», – 2016. – С. 53-56.

204. Катонин, С.А. Типология муниципальных образований в системе управления регионом на примере Московской области / С.А. Катонин. − Текст: непосредственный // Научный форум: Экономика и менеджмент: сборник статей по материалам LXXIX международной научно−практической конференции, Москва, 22 февраля 2024 г. − Москва: МЦНО, 2024. − С. 43-48. (94 с.)

205. Катонин, С.А. Дифференциация регионов по уровню экономического развития: институциональный аспект / С.А. Катонин. − Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LXIX Международной научно−практической конференции, Пенза, 15 марта 2024 г. − Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. − С. 32-36. (72 с.)

206. Леонтьев, А.И. «Полюс роста» и «центр роста»: сущностно-содержательные характеристики / А. И. Леонтьев, Н.В. Новикова. − Текст:

непосредственный // Фундаментальная и прикладная наука: новые вызовы и прорывы: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 26 января, 2020 г. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука». − 2020. − С. 30-42. (277 с.)

207. Иванчикова, М.Л. Угрозы неравномерности пространственного развития территорий / М.Л. Иванчикова. − Текст: непосредственный // Пространственное развитие территорий: сборник научных трудов IV Международной научно−практической конференции, Белгород, 25 ноября, 2021 г. − Белгород: ООО «Эпицентр», − 2021. − С. 134-138. (348 с.)

Диссертации:

208. Артоболевский, С.С. Региональная политика в развитых странах Европы: теоретические, методологические и прикладные аспекты: специальность 11.00.02 «Экономическая, социальная и политическая география»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Артоболевский Сергей Сергеевич; Институт географии РАН. − Москва, 1992. – 250 с.− Текст: непосредственный.

209. Беляев, С. В. Совершенствование региональной социально-экономической политики: дифференцированный подход: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Беляев Сергей Владимирович; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – 182 с. – Текст: непосредственный.

210. Доменко, Ю.Ю. Управление экономикой региона на основе инструментов стратегического планирования: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Доменко Юрий Юрьевич; Российский университет кооперации. − Мытищи, 2022. − 209 с. − Текст: непосредственный.

211. Кузнецов, М. Е. Формирование системы стратегического планирования устойчивого развития регионов России на основе мультикапитального баланса: специальность 5.2.3 «Региональная экономика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Кузнецов Михаил Евгеньевич; Институт проблем региональной экономики РАН. — Санкт-Петербург, 2026. — 42 с. — Текст: непосредственный.

212. Мерзлов, Д.И. Развитие агломераций в кризисные периоды: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мерзлов Дмитрий Иванович; СПбГЭУ. − Санкт-Петербург, 2020. − 180 с. − Текст: непосредственный.

213. Томшинская, И. Н. Развитие перспективных локалитетов региона: теория, методология, инструменты : специальность 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика)» : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Томшинская Ирина Николаевна ; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. – Санкт-Петербург, 2026. – 560 с. – Текст: непосредственный.

Электронные источники:

214. Агробизнес Подмосковья: Топ-10. — Опубликовано: 20.09.2025. — Текст : электронный // Поиск по сайту МосРегДата : официальный сайт. — URL: https://mosregdata.ru/article/agrobusiness-mo-top-10 (дата обращения: 02.06.2026).

215. Из интервью главы Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области газете «Ведомости» от 04.07.2022 г. − Текст: электронный // Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области: официальный сайт. − 2022. − URL: https://mii.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/20-07-2021-15-18-39-dve-oez-moskovskoy-oblasti-sredi-liderov-po-effekt (дата обращения 10.06.2023).

216. Из пригорода в город и обратно: что такое маятниковая. - Текст: электронный // РБК: официальный сайт. − 2023. − URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/636a68d09a79475a783c27f1 (дата обращения: 20.08.2023).

217. Информация об исполнении консолидированного бюджета Республики Марий Эл на 1 января 2026 года. – Текст: электронный // Министерство финансов Республики Марий Эл: официальный сайт. – 2026. – URL: https://mari-el.gov.ru/ministries/minfin/news/informatsiya-ob-ispolnenii-konsolidirovannogo-byudzheta-respubliki-mariy-el-na-1-yanvarya-2026-goda/ (дата обращения: 10.06.2026).

218. Консолидированная финансовая отчетность АО «Метровагонмаш» и аудиторское заключение независимых аудиторов за 2025 год. — Текст : электронный // Официальный сайт АО «Трансмашхолдинг» : раздел «Раскрытие информации». — 2026. — URL: https://tmholding.ru (дата обращения: 25.08.2026).

219. Межрегиональная трудовая миграция снизилась до минимума за 7 лет. − Текст: электронный // FinExpertiza: официальный сайт. − 2026. − URL: https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/trud-migr-sniz/ (дата обращения: 20.02.2026).

220. Меры поддержки отдалённых городских округов : презентация / Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области. – Текст : электронный // Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области : официальный сайт. – URL: https://mii.mosreg.ru (дата обращения: 06.06.2026).

221. Мировой атлас данных Knoema: коммерческий каталог: официальный сайт. − 2025. − URL: https://ru.knoema.com/atlas (дата обращения 15.11.2025). − Текст: электронный.

222. Объем захоронения мусора в Московской области может сократиться в два раза к 2022 году. − Текст: электронный // Правительство Московской области: официальный сайт. − 2026. − URL: https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-

submoscow/obem-zaxoroneniya-musora-v-podmoskove-mozet-sokratitsya-v-dva-raza-k-2022-g (дата обращения: 11.05.2026).

223. Проект «Стратегия лидерства». Стратегия социально-экономического развития Московской области до 2030 года». − Текст: электронный // Московская областная дума: официальный сайт. − 2025. − URL: https://www.mosoblduma.ru/upload/site1/document_file/hHrGCMXUIH.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

224. Регионы России. − Текст: электронный // РИА Рейтинг: официальный сайт. − 2026. − URL: https://riarating.ru/regions/ (дата обращения: 18.03.2026).

225. Социально-экономическое развитие муниципальных образований в Московской области в 2021 году. − Текст: электронный // Министерство экономики и финансов Московской области: официальный сайт. − 2026. − URL: https://mef.mosreg.ru/download/document/11093399 (дата обращения: 12.08.2026).

226. Социально-экономическое развитие Московской области по итогам 2025 года. − Текст: электронный // Министерство экономики и финансов Московской области: официальный сайт. − 2026. − URL: https://mef.mosreg.ru/download/document/14276611 (дата обращения: 16.05.2026).

227. Численность населения, по регионам | Московская область. − Текст: электронный // statbase.ru: официальный сайт. − 2026. − URL: https://statbase.ru/data/ru50-population-by-region-national-stat/ (дата обращения: 20.01.2026)

228. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл (Маристат) : официальный сайт. – 2026. – URL: https://12.rosstat.gov.ru (дата обращения: 26.07.2026). – Текст : электронный.

229. Уникальную экосистему для развития молочного производства создадут в Сергиевом Посаде. — Текст: электронный // Правительство Московской области: официальный сайт. — 2026. — URL: https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/unikalnuyu-ekosistemu-dlya-

razvitiya-molochnogo-proizvodstva-sozdadut-v-sergievom-posade (дата обращения: 27.08.2026).

230. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области (Мосстат): официальный сайт. − 2026. − URL: https://77.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

231. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. − 2026.− URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 12.07.2026). − Текст: электронный.

232. Социально-экономический профиль Магаданской области. Динамика и ограничения развития: аналитический отчет / ФАНУ «Восточный центр государственного планирования» («Востокгосплан»). — Хабаровск, 2020. — 44 с. — Текст: непосредственный.

233. Социально-экономическое развитие и параметры инвестиционного портфеля агропромышленного комплекса Московской области : отчет Министерства сельского хозяйства и продовольствия Московской области по итогам деятельности за 2025 год и плановый период 2026–2030 гг. – Текст : электронный // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Московской области : официальный сайт. – 2026. – URL: https://msh.mosreg.ru (дата обращения: 04.09.2026).

234. Экономика Московской области. − Текст: электронный // «MANUFACTURERS.RU»: официальный сайт. − 2026. − URL: https://manufacturers.ru/article/ekonomika-moskovskoy-oblasti (дата обращения: 10.03.2026).

235. Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 7: методика оценки валового городского продукта городов и городских агломераций. − Текст: электронный // Институт Экономики Города: официальный сайт. − 2025. −URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/metodvgp.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

Иностранные источники:

236. Arthur, B. Positive Feedbacks in the Economy / B. Arthur. – Tekst: neposredstvennyy // Scientific American. − 1990. − Vol. 262. − №2. − P. 92−99.

237. Barro, R. Economic growth / R. Barro, X. Sala-i-Martin. − The MIT Press, 2004. – 654 p. − Tekst: neposredstvennyy.

238. Boudeville, J. Problems of Regional Economic Planning / J. Boudeville. – Edinburgh, 1966. − 192 p. − Tekst: neposredstvennyy.

239. Christaller, W. Central Places in Southern Germany / W. Christaller. – Transl. by Baskin C.W. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. − 230 p. − Tekst: neposredstvennyy.

240. Darwent, D. F. Growth Poles and Growth Centers in Regional Planning - A Review / D. F. Darwent. – Tekst: neposredstvennyy // Environment and Planning. − 1969. − Vol.1. − №6. − P. 5−31.

241. David, P. A. Clio and the Economics of QWERTY / P. A. David. – Tekst : neposredstvennyy // American Economic Review. – 1985. – Vol. 75, № 2. – P. 332–337.

242. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela / J. Friedmann. – MIT Press, 1966. – 279 p. − Tekst: neposredstvennyy.

243. Fujita, M. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A.J. Venables. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999. − 367 p. − Tekst: neposredstvennyy.

244. Hassink, R. How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster / R. Hassink. – Tekst: neposredstvennyy // European Planning Studies. – 2005. − Vol. 13. − №4. − P. 521-535.

245. Hooghe, L. Multi-level Governance and European Integration / L. Hooghe, G. Marks. – Rowman & Littlefield Publishers, 2001. – 256 p. – Tekst: neposredstvennyy.

246. Katonin, S.A. Standard for the Development of Competition in the Subjects of the Russian Federation as a Tool for the Development of Entrepreneurship in Regional Commodity Markets / S.A. Katonin, M.S. Machabeli, T.V. Rudakova, V.B. Larionov, E.V. Suvorova. – Tekst: neposredstvennyy // Challenges of the Modern Economy. Advances in Science, Technology & Innovation. Springer, Cham. − 2022. − P. 655-661.

247. Krugman, P. Urban Concentration: The Role of Increasing Returns and Transport Costs / P. Krugman. – Tekst: neposredstvennyy // International Regional Science Review. − 1996. − №19. − P. 5−30.

248. Lasuén, J. R. Urbanisation and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters / J. R. Lasuén. – Tekst: neposredstvennyy // Urban Studies. – 1973. − Vol. 10. − №2. − P. 163−188.

249. Maddison, A. The World Economy: A Millennial Perspective / A. Maddison. – Organization for Economic, 2001. – 384 p. – Tekst: neposredstvennyy.

250. Markusen, A. Regions: Economics and Politics of Territory / A. Markusen. – Rowman and Littlefield Publishers, 1987. – 304 p. – Tekst: neposredstvennyy.

251. McKee, D. L. Services, growth poles and advanced economies / D. L. McKee. – Tekst: neposredstvennyy // Pan-Pacific Business Association. − 2008. − Vol. 2. − №6. − P. 99-107.

252. Meyer-Stamer, J. Path dependence in regional development: persistence and change in three industrial clusters in Santa Catarina, Brazil / J. Meyer-Stamer. – Tekst: neposredstvennyy // World Development. − 1998. − Vol.26. − №8. − P. 1495-1511.

253. Pottier, P. Axes de Communication et Développement Economique / P. Pottier. – Tekst: neposredstvennyy // Revue économique. − 1963. − Vol. 14. − №1. − P.58-132.

254. Richardson, H.W. City Size and National Spatial Strategies in Developing Countries / H.W. Richardson. – Tekst: neposredstvennyy // World Bank. Staff Working Paper. − 1977. − №252. − P. 2-132.

255. Romer, P. M. Increasing returns and long-run growth / P. M. Romer. – Tekst: neposredstvennyy // Journal of Political Economy. − 1986. −Vol. 94. − № 5. − P.1002-1037.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А - РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица А1 - Дисперсии и среднеквадратические отклонения

Признаки x и y	$D(x) = \frac{\sum_{i=1}^{n} x_i^2}{n} - \overline{x}^2$	$D(y) = \frac{\sum_{i=1}^{n} y_i^2}{n} - \overline{y}^2$	$s(x) = \sqrt{D(x)}$	$s(y) = \sqrt{D(y)}$
Для y и x_1	199881487939.86	80686068198	447081.075	284052.932
Для y и x_2	379093598235.48	80686068198	615705.772	284052.932
Для y и x_3	38.583	80686068198	6.211	284052.932
Для y и x_4	2.467	80686068198	1.571	284052.932
Для y и x_5	10.829	80686068198	3.291	284052.932
Для x_1 и x_2	379093598235.48	199881487939.86	615705.772	447081.075
Для x_1 и x_3	38.583	199881487939.86	6.211	447081.075
Для x_1 и x_4	2.467	199881487939.86	1.571	447081.075
Для x_1 и x_5	10.829	199881487939.86	3.291	447081.075
Для x_2 и x_3	38.583	379093598235.48	6.211	615705.772
Для x_2 и x_4	2.467	379093598235.48	1.571	615705.772
Для x_2 и x_5	10.829	379093598235.48	3.291	615705.772
Для x_3 и x_4	2.467	38.583	1.571	6.211
Для x_3 и x_5	10.829	38.583	3.291	6.211
Для x_4 и x_5	10.829	2.467	3.291	1.571

Источник: составлено автором

Таблица А2 - Матрица парных коэффициентов корреляции

-	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
y	1	0.9874	0.8718	-0.3108	0.5907	0.3125
x_1	0.9874	1	0.8518	-0.3481	0.5407	0.1709
x_2	0.8718	0.8518	1	-0.1197	0.5512	0.3042
x_3	-0.3108	-0.3481	-0.1197	1	-0.3877	-0.1195
x_4	0.5907	0.5407	0.5512	-0.3877	1	0.5424
x_5	0.3125	0.1709	0.3042	-0.1195	0.5424	1

Источник: составлено автором

ПРИЛОЖЕНИЕ Б - СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ И ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица Б1 – Перечень муниципальных образований Московской области по состоянию на 1 января 2026 года

№	Наименование округа	№	Наименование округа
1	г.о. Балашиха	29	м.о. Можайский
2	г.о. Богородский	30	м.о. Молодёжный (ЗАТО)
3	г.о. Бронницы	31	г.о. Мытищи
4	г.о. Власиха (ЗАТО)	32	г.о. Наро-Фоминский
5	м.о. Волоколамский	33	г.о. Одинцовский
6	г.о. Воскресенск	34	г.о. Орехово-Зуевский
7	г.о. Восход (ЗАТО)	35	г.о. Павлово-Посадский
8	м.о. Дмитровский	36	г.о. Подольск
9	г.о. Долгопрудный	37	г.о. Пушкинский
10	г.о. Домодедово	38	м.о. Раменский
11	г.о. Дубна	39	г.о. Реутов
12	м.о. Егорьевск	40	м.о. Рузский
13	г.о. Жуковский	41	г.о. Сергиев Посад
14	м.о. Зарайск	42	м.о. Серебряные Пруды
15	г.о. Звёздный городок (ЗАТО)	43	г.о. Серпухов
16	м.о. Истра	44	г.о. Солнечногорск
17	г.о. Кашира	45	г.о. Ступино
18	г.о. Клин	46	м.о. Талдомский
19	г.о. Коломна	47	г.о. Фрязино
20	г.о. Королёв	48	г.о. Химки
21	г.о. Котельники	49	г.о. Черноголовка
22	г.о. Красногорск	50	г.о. Чехов
23	г.о. Краснознаменск (ЗАТО)	51	м.о. Шатура
24	м.о. Ленинский	52	м.о. Шаховская
25	г.о. Лобня	53	г.о. Щёлково
26	г.о. Лосино-Петровский	54	г.о. Электросталь
27	м.о. Лотошино	55	г.о. Люберцы
28	м.о. Луховицы	56	г.о. Лыткарино

Источник: составлено автором на основе [229]

Таблица Б2 - Среднегодовые социально-экономические показатели округов Московской области за период 2018–2025 гг.

Наименование	ВМП на душу населения, тыс. руб.	Население, чел.	Площадь, кв. км.	Удаленность от центра, км.	Инвестиции, млн. руб.	Промышленность, млн. руб.	Объем розничной торговли, млн. руб.	Объем жил. строительства, тыс. кв. м. общей площади
Балашиха	310 724	525 585	244	8	38 177	91 469	131 996	488
Богородский	236 509	212 420	811	37	31 722	223 292	61 506	224
Бронницы	19 629	21 833	22	41	2 509	15 504	7 588	8
Власиха	2 673	27 203	4	43	28	360	1 170	4
Волоколамский	29 362	37 727	1 684	94	2 871	16 794	9 924	73
Воскресенск	82 844	153 543	812	76	12 172	75 729	27 270	108
Восход	631	1 806	1	86	18	39	10	1
Дзержинский	49 540	54 150	16	3	6 293	40 241	7 796	21
Дмитровский	145 568	165 038	2 182	48	24 183	116 861	45 208	278
Долгопрудный	129 841	118 925	31	6	14 959	54 840	21 679	98
Домодедово	300 501	196 503	818	15	40 873	60 039	68 941	466
Дубна	96 979	74 296	63	98	20 598	85 115	14 574	33
Егорьевск	67 392	107 517	1 717	100	7 083	94 322	15 858	64
Жуковский	133 689	104 528	47	23	8 677	25 743	21 020	30
Зарайск	15 106	37 523	968	137	2 188	3 947	3 574	17
Звёздный городок	6 841	5 267	3	34	1	191	290	1
Истра	176 579	133 056	1 269	36	20 290	123 356	47 543	649
Кашира	46 623	61 532	646	102	11 606	38 880	14 121	35
Клин	81 760	127 409	2 020	66	9 355	99 069	33 233	117
Коломенский	172 867	204 726	1 728	91	17 259	160 436	39 543	134
Королёв	234 098	225 638	55	12	20 686	124 774	49 747	130
Котельники	61 146	58 518	14	3	22 026	13 276	65 656	179
Красногорск	523 890	295 214	223	4	88 321	151 981	259 124	561
Краснознаменск	19 272	43 836	6	29	716	17 209	3 491	10
Ленинский	202 963	233 407	203	34	64 915	56 542	138 932	799

Продолжение Таблицы Б2

Наименование	ВМП на душу населения, тыс. руб.	Население, чел.	Площадь, кв. км.	Удаленность от центра, км.	Инвестиции, млн. руб.	Промышленность, млн. руб.	Объем розничной торговли, млн. руб.	Объем жил. строительства, тыс. кв. м. общей площади
Лобня	158 825	94 358	30	14	8 018	79 469	16 888	64
Лосино-Петровский	25 425	53 001	91	30	1 336	18 507	7 646	46
Лотошино	5 437	15 584	980	156	608	375	1 975	14
Луховицы	53 045	57 953	1 283	112	7 479	12 503	13 937	40
Лыткарино	49 623	60 375	17	12	4 372	24 712	9 146	38
Люберцы	287 533	332 163	122	2	44 007	86 211	101 629	485
Можайский	35 838	61 388	2 627	89	3 056	9 700	15 423	78
Молодёжный	1 221	2 816	6	151	96	50	88	1
Мытищи	372 688	275 316	431	9	59 418	181 751	213 564	538
Наро-Фоминский	120 485	181 777	1 547	57	14 120	79 076	40 112	241
Одинцовский	499 110	390 472	1 258	5	76 793	104 732	200 272	769
Орехово-Зуевский	127 715	229 889	1 858	78	8 260	121 059	38 107	87
Павловский Посад	50 643	92 107	566	58	4 585	42 916	16 755	74
Подольск	532 509	340 002	339	16	41 543	198 896	173 270	222
Протвино	15 458	34 847	27	99	795	8 374	3 612	0
Пушкинский	196 619	292 463	742	19	23 445	99 475	81 788	308
Пущино	7 625	20 558	18	114	459	760	2 185	7
Раменский	218 807	315 236	1 397	28	19 511	150 247	69 722	541
Реутов	95 797	109 876	9	2	12 586	55 272	40 171	77
Рузский	57 361	60 848	1 568	87	8 626	80 433	14 792	104
Сергиево-Посадский	177 244	210 456	2 027	55	15 702	131 970	43 456	160
Серебряные Пруды	11 006	23 834	877	153	1 453	1 274	3 674	15
Серпухов	142 225	168 526	1 056	73	15 358	106 255	36 854	130
Солнечногорск	201 177	147 062	1 085	44	28 918	102 117	83 203	447
Ступино	123 121	118 686	1 708	88	16 522	230 089	28 675	125

Продолжение Таблицы Б2

Наименование	ВМП на душу населения, тыс. руб.	Население, чел.	Площадь, кв. км.	Удаленность от центра, км.	Инвестиции, млн. руб.	Промышленность, млн. руб.	Объем розничной торговли, млн. руб.	Объем жил. строительства, тыс. кв. м. общей площади
Талдомский	23 300	46 108	1 427	108	1 827	7 347	8 152	35
Фрязино	81 549	59 022	9	27	10 753	60 735	10 055	15
Химки	538 906	257 113	110	3	61 307	118 013	183 421	240
Черноголовка	49 651	22 822	62	43	1 738	5 444	1 432	10
Чехов	94 477	131 576	866	50	5 818	77 920	29 269	238
Шатура	39 681	86 212	2 675	138	4 960	38 795	12 586	37
Шаховская	11 051	25 472	1 219	122	899	2 660	3 371	34
Щёлково	153 259	191 212	621	19	16 491	139 395	45 428	234
Электрогорск	5 479	22 461	40	67	1 931	12 032	2 795	10
Электросталь	145 041	156 388	135	42	9 424	77 048	34 256	35

Источник: составлено автором на основе [9]

ПРИЛОЖЕНИЕ В - РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица В1 - Дисперсии и среднеквадратические отклонения

Признаки x и y	$D(x)=\frac{\sum_{i=1}^{n}x_i^2}{n}-\overline{x}^2$	$D(y)=\frac{\sum_{i=1}^{n}y_i^2}{n}-\overline{y}^2$	$s(x)=\sqrt{D(x)}$	$s(y)=\sqrt{D(y)}$
Для y и x_1	1.428	2.214	1.195	1.488
Для y и x_2	4.494	2.214	2.12	1.488
Для y и x_3	1944.45	2.214	44.096	1.488
Для y и x_4	1.474	2.214	1.214	1.488
Для y и x_5	1.281	2.214	1.132	1.488
Для y и x_6	0.864	2.214	0.93	1.488
Для y и x_7	0.901	2.214	0.949	1.488
Для x_1 и x_2	4.494	1.428	2.12	1.195
Для x_1 и x_3	1944.45	1.428	44.096	1.195
Для x_1 и x_4	1.474	1.428	1.214	1.195
Для x_1 и x_5	1.281	1.428	1.132	1.195
Для x_1 и x_6	0.864	1.428	0.93	1.195
Для x_1 и x_7	0.901	1.428	0.949	1.195
Для x_2 и x_3	1944.45	4.494	44.096	2.12
Для x_2 и x_4	1.474	4.494	1.214	2.12
Для x_2 и x_5	1.281	4.494	1.132	2.12
Для x_2 и x_6	0.864	4.494	0.93	2.12
Для x_2 и x_7	0.901	4.494	0.949	2.12
Для x_3 и x_4	1.474	1944.45	1.214	44.096
Для x_3 и x_5	1.281	1944.45	1.132	44.096
Для x_3 и x_6	0.864	1944.45	0.93	44.096
Для x_3 и x_7	0.901	1944.45	0.949	44.096
Для x_4 и x_5	1.281	1.474	1.132	1.214

Продолжение Таблицы В1

Признаки х и у	$D(x) = \frac{\sum_{i=1}^{n} x_i^2}{n} - \overline{x}^2$	$D(y) = \frac{\sum_{i=1}^{n} y_i^2}{n} - \overline{y}^2$	$s(x) = \sqrt{D(x)}$	$s(y) = \sqrt{D(y)}$
Для x_4 и x_6	0.864	1.474	0.93	1.214
Для x_4 и x_7	0.901	1.474	0.949	1.214
Для x_5 и x_6	0.864	1.281	0.93	1.132
Для x_5 и x_7	0.901	1.281	0.949	1.132
Для x_6 и x_7	0.901	0.864	0.949	0.93

Источник: составлено автором

Таблица В2 - Матрица парных коэффициентов корреляции

-	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7
y	1	0.9182	0.433	-0.5932	0.6351	0.7134	0.8011	0.4194
x_1	0.9182	1	0.5241	-0.5266	0.56	0.6535	0.7908	0.4563
x_2	0.433	0.5241	1	0.2895	0.3978	0.3979	0.5012	0.4958
x_3	-0.5932	-0.5266	0.2895	1	-0.2131	-0.3661	-0.3994	-0.247
x_4	0.6351	0.56	0.3978	-0.2131	1	0.6661	0.7308	0.519
x_5	0.7134	0.6535	0.3979	-0.3661	0.6661	1	0.618	0.3131
x_6	0.8011	0.7908	0.5012	-0.3994	0.7308	0.618	1	0.5701
x_7	0.4194	0.4563	0.4958	-0.247	0.519	0.3131	0.5701	1

Источник: составлено автором

Таблица В3 - Дисперсии и среднеквадратические отклонения

№	Наименование округа	Z-score ВМП (Ось X)	Пространственный лаг (Ось Y)	Позиция на графике
1	г.о. Химки	2,53	2,18	HH
2	г.о. Подольск	2,49	1,22	HH
3	г.о. Красногорск	2,43	2,09	HH
4	г.о. Одинцовский	2,28	1,51	HH
5	г.о. Мытищи	1,47	1,49	HH
6	г.о. Балашиха	1,07	0,95	HH
7	г.о. Домодедово	1,01	0,86	HH
8	г.о. Люберцы	0,92	0,91	HH
9	м.о. Раменский	0,48	0,42	HH
10	м.о. Ленинский	0,38	0,81	HH
11	г.о. Пушкинский	0,34	0,31	HH
12	м.о. Истра	0,21	0,48	HH
13	г.о. Королёв	0,58	0,84	HH
14	г.о. Лобня	0,1	0,98	HH
15	г.о. Долгопрудный	-0,09	1,14	LH
16	г.о. Реутов	-0,31	0,95	LH
17	г.о. Котельники	-0,53	0,82	LH
18	г.о. Дзержинский	-0,6	0,84	LH
19	г.о. Лыткарино	-0,6	0,49	LH
20	г.о. Солнечногорск	0,37	0,15	HH
21	г.о. Щелково	0,06	0,28	HH
22	г.о. Электросталь	0,01	-0,02	HL
23	г.о. Серпухов	-0,01	-0,34	HL
24	г.о. Коломна	0,19	-0,42	HL
25	г.о. Жуковский	-0,06	0,41	LH
26	г.о. Фрязино	-0,4	0,12	LH
27	м.о. Богородский	0,59	-0,05	HL
28	м.о. Дмитровский	0,01	0,02	HH
29	г.о. Орехово-Зуевский	-0,1	-0,38	LH
30	г.о. Ступино	-0,13	-0,48	LL
31	м.о. Чехов	-0,31	-0,14	LL
32	г.о. Клин	-0,4	-0,32	LL
33	г.о. Воскресенск	-0,39	-0,18	LL
34	г.о. Дубна	-0,3	-0,78	HL
35	м.о. Егорьевск	-0,49	-0,56	LL
36	г.о. Павлово-Посадский	-0,59	-0,24	LL
37	г.о. Лосино-Петровский	-0,76	0,18	LH

Продолжение Таблицы В3

№	Наименование округа	Z-score ВМП (Ось X)	Пространственный лаг (Ось Y)	Позиция на графике
38	г.о. Кашира	-0,62	-0,48	LL
39	м.о. Рузский	-0,55	-0,32	LL
40	м.о. Луховицы	-0,58	-0,68	LL
41	г.о. Черноголовка	-0,6	-0,08	LH
42	м.о. Наро-Фоминский	-0,15	-0,28	LL
43	м.о. Можайский	-0,69	-0,61	LL
44	м.о. Волоколамский	-0,73	-0,71	LL
45	м.о. Талдомский	-0,77	-0,42	LL
46	г.о. Краснознаменск	-0,8	-0,12	LH
47	г.о. Власиха	-0,9	-0,14	LH
48	м.о. Бронницы	-0,79	0,15	LH
49	г.о. Протвино	-0,82	-0,41	LL
50	м.о. Зарайск	-0,82	-0,65	LL
51	м.о. Шаховская	-0,85	-0,76	LL
52	м.о. Серебряные Пруды	-0,85	-0,84	LL
53	г.о. Пущино	-0,87	-0,42	LL
54	м.о. Лотошино	-0,89	-0,79	LL
55	г.о. Звёздный городок	-0,88	-0,08	LH
56	г.о. Молодёжный	-0,91	-0,54	LL

Источник: составлено автором на основе Таблицы Б2

ПРИЛОЖЕНИЕ Г – КОМПЛЕКС ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Таблица Г1 – Комплекс организационно-экономических мероприятий по совершенствованию социально-экономической политики региона

Группа МО	Приоритеты	Содержание мероприятий
Модернизация финансово-административных регуляторов и преференциальных режимов		
Группа 1: Территории ускоренного развития	Оптимизация пропорций распределения субрегиональных налоговых доходов и вовлечение финансового потенциала ядра агломерации в систему межмуниципального софинансирования.	• Нормативно-правовое закрепление диапазона сдерживающих коэффициентов KCi = 0,80 - 0,95 в числителе формулы ИБР для снижения объема прямых дотаций. • Замещение прямых вливаний механизмами долгосрочных офсетных контрактов со встречными инвестиционными обязательствами инвесторов по локализации производств под гарантированный заказ (на срок до 10 лет). • Предоставление резидентам технико-внедренческих ОЭЗ («Исток») льготного режима свободной таможенной зоны и фиксация ставки налога на прибыль на уровне 2,0%.
Группа 2: Каркасные территории	Стимулирование инновационной активности в обрабатывающем секторе; увязка выделения средств с развитием транспортных и технологических узлов региона.	• Нормативное закрепление базового диапазона коэффициентов KCi = 0,95 - 1,15 с учетом динамического ежегодного пересчета. • Установление долгосрочных повышенных нормативов отчислений от регулирующих налогов (НДФЛ) в местные бюджеты на 5-летний период. • Снижение ставки налога на прибыль до 13,5% для промышленных комплексов и снижение налога на имущество на 50%. • Межмуниципальная интеграция каркасных городов с резидентами удаленных технико-внедренческих ОЭЗ (в частности, ОЭЗ «Дубна") для трансфера инновационных технологий и импортозамещения..
Группа 3: Развивающиеся территории	Отраслевая диверсификация структуры местной экономики, снижение издержек бизнеса на этапе промышленной локализации в полупериферийных узлах.	• Нормативное установление целевого диапазона коэффициентов KCi = 1,15 - 1,25 в формуле ИБР. • Внедрение критериев промышленного технопарка для предприятий обрабатывающих производств с инвестициями не менее 57,4 млн руб. на 1 га за последние 5 лет. • Предоставление налоговых льгот резидентам промтехнопарков: налог на прибыль — 13,5%, земельный налог — 0,7%, налог на имущество — 0%. • Субсидирование процентных ставок по кредитам для субъектов МСП в сфере пром. переработки сырья.

Продолжение Таблица Г1

Группа МО	Приоритеты	Содержание мероприятий
Группа 4: Стагнирующие территории	Снижение дефицита капиталовложений; компенсация законодательных ограничений для муниципальных образований, выполняющих функции экологических доноров.	• Нормативное закрепление максимального компенсирующего диапазона KCi = 1,25 - 1,40 для завышения расчетной потребности округа в трансфертах. • Установление предельного уровня софинансирования до 95% из бюджета региона на развитие инфраструктуры ОНП в соответствии с Законом Московской области № 253/2019-ОЗ. • Присвоение статуса «Промышленный комплекс» исключительно для Brownfield-реновации и автоматизации существующих исторических фабрик со снижением налога на прибыль до 13,5% под обязательства по выручке (не менее 8 млн руб./чел. в год) и обязательному внедрению стандартов бережливого производства при поддержке Регионального центра компетенций (РЦК) региона для снижения непроизводительных потерь без расширения границ землепользования. • Реализация программ экспортного кешбэка для локальных брендов (компенсация до 50% налогов или до 20% от суммы экспортного договора дружественных стран при предэкспортном кредите под 11% годовых).
Административно-организационные механизмы регулирования пространственной мобильности кадров		
Группы 3 и 4: Территории ускоренного развития и стагнирующие территории	Стабилизация воспроизводства человеческого капитала на периферии, сдерживание маятниковой миграции в ядро агломерации (до 20% экономически активных граждан).	• Проектирование межмуниципальной филиальной сети на базе проекта «Московская техническая школа» (МТШ) по модулю «Новые производственные технологии». • Обучение инженеров периферии методам цифрового моделирования, компьютерного инжиниринга, а также инструментам бережливого производства (картирование потоков создания ценности, система 5S, SMED-переналадка) на базе УПП «Фабрика процессов» РЦК. • Утверждение порядка предоставления служебного жилья и субсидирования льготной ипотеки для дефицитных кадров ОНП.
Административно-планировочные и инфраструктурно-распорядительные меры пространственной связанности		
Группа 1: Территории ускоренного развития	Снижение инфраструктурной перегрузки территорий ближнего пояса агломерации и оптимизация транзитных потоков.	• Внесение изменений в Схему территориального планирования региона в части проектирования хорд и транспортных развязок для вывода грузопотоков. • Административное сопровождение концессионных соглашений по модернизации магистральных сетей на условиях ГЧП.
Группа 2: Каркасные территории	Стабилизация конкурентной среды, демонополизация локальных товарных рынков региона и устранение инфраструктурных барьеров для предпринимательства.	• Стабилизация конкурентной среды, демонополизация локальных товарных рынков и устранение инфраструктурных барьеров для предпринимательства.

Продолжение Таблица Г1

Группа МО	Приоритеты	Содержание мероприятий
Группы 3 и 4: Территории ускоренного развития и стагнирующие территории	Развитие логистической инфраструктуры для обеспечения сбыта локальной продукции и повышение транспортной доступности мест приложения труда на периферии.	• Внедрение Масштабных инвестиционных проектов в соответствии со ст. 14.1 Закона МО № 253/2019-ОЗ: предоставление земельных участков в аренду под капстроительство на 5 лет без торгов по антикризисной ставке 1 руб. за участок в год с возмещением до 50% затрат на тех. присоединение к инженерным сетям. • Программа стимулирования создания мест приложения труда с предоставлением девелоперам льгот по платежам за изменение ВРИ земли при условии создания высокотехнологичных рабочих мест. • Строительство хордовых связей (по типу мостового перехода через р. Дубна по распоряжению № 29ПВ-995) для преодоления пространственной изоляции и объединения локальных рынков труда.
Оптимизация административно-регуляторной среды и стандартов контроля		
Все группы муниципальных образований	Снижение административных барьеров для бизнеса, сокращение сроков регуляторных процедур и развитие конкуренции на локальных товарных рынках.	• Внедрение бесплатного сервиса «Банк технологий» — онлайн-реестра передовых отечественных разработок для цифровизации и автоматизации фабрик и заводов (включение систем предотвращения утечки информации, удаленного управления и работы с данными — свыше 520 решений). • Проведение региональных «Технологических конкурсов» для кооперации перспективных стартапов и крупных бизнес-заказчиков на периферии по направлениям: робототехника, строительные технологии, 5G. • Создание межмуниципальных проектных офисов для координации субрегиональных агропромышленных и инновационных кластеров и обеспечения адресной поддержки предприятий по методологии ФЦК/РЦК в рамках нацпроекта «Производительность труда».

ПРИЛОЖЕНИЕ Д – СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОТДАЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Таблица Д1 – Среднесрочный прогноз динамики инвестиций в основной капитал по четвертой типологической группе (стагнирующие территории) в рамках Базового сценария, млрд руб.

№ п/п	Наименование муниципального образования	Статус в группе*	База 2025г.	2027г.	2028г.	2029г.	2030г.	Итого за 2027–2030гг.
1	г.о. Электросталь	Д	22,5	21,0	22,1	23,2	24,3	90,6
2	г.о. Шатура	О	12,6	15,2	16,8	18,4	20,3	70,7
3	м.о. Луховицы	О	9,9	11,3	12,1	12,9	13,8	50,1
4	м.о. Волоколамский	О	8,8	10,5	11,4	12,5	13,6	48,0
5	м.о. Можайск	Д	8,1	9,6	10,5	11,4	12,4	43,9
6	м.о. Зарайск	О	7,9	9,0	9,6	10,3	11,0	39,9
7	м.о. Руза	Д	6,3	7,5	8,2	8,9	9,7	34,3
8	м.о. Чехов	Д	5,5	6,3	6,8	7,4	8,1	28,6
9	м.о. Шаховская	О	5,1	5,9	6,3	6,7	7,2	26,1
10	м.о. Серебряные Пруды	О	3,8	4,3	4,6	5,0	5,3	19,2
11	м.о. Лотошино	О	3,5	4,0	4,2	4,5	4,9	17,6
12	Талдомский г.о.	О	1,9	2,2	2,4	2,6	2,8	10,0
13	г.о. Звёздный городок	О	0,08	0,09	0,10	0,11	0,12	0,42
14	г.о. Восход	О	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03	0,10
15	г.о. Молодёжный	О	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,04
-	ВСЕГО ПО ГРУППЕ	—	95,91	106,92	116,33	126,95	137,76	487,96

* Примечание к статусу: «О» — официальные отдаленные территории Подмосковья (по Закону МО № 162/2019-ОЗ) и ЗАТО; «Д» — дополнительные муниципальные образования, включенные в контур стагнирующих территорий на основе авторской типологии.

Источник: составлено автором на основе [220]

Таблица Д2 – Изолированные параметры сценарного прогноза инвестиционной активности Талдомского городского округа на период до 2030 года (млрд руб.)

Период	Консервативный сценарий *(при среднегодовом темпе 105,0%)*	Базовый сценарий *(при среднегодовом темпе 107,0%)*	Целевой сценарий *(при среднегодовом темпе 110,0%)*
2025 год (оценка)	1,9	1,9	2,0
2026 год (прогноз)	2,0	2,1	2,2
2027 год (прогноз)	2,1	2,2	2,5
2028 год (прогноз)	2,2	2,4	2,9
2029 год (прогноз)	2,3	2,6	3,3
2030 год (прогноз)	2,4	2,8	3,7

Источник: составлено автором на основе [220]

ПРИЛОЖЕНИЕ Е – ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И НЕЛИНЕЙНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

python

```
# -*- coding: utf-8 -*-
"""
Диссертационное исследование. Специальность ВАК: 5.2.3 (Региональная
экономика)
Авторский программный модуль расчета модифицированных индексов бюджетных
расходов (ИБР)
и кумулятивного инвестиционного отклика стагнирующих территорий на основе S-
образной кривой.
"""

import numpy as np
import pandas as pd

#
==============================================================================
# 1. БАЗОВЫЕ КОНСТАНТЫ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ (Постановление Правительства МО №
1411-ПП/34)
#
==============================================================================
NUM_MUNICIPALITIES = 56
EMPLOYMENT_LIMIT = 0.014  # Критический кадровый потолок: безработица 1.4%
ENVIRONMENTAL_BARRIER = 0.37  # Экологический Greenfield-барьер для ОНП
периферии (37%)
TARGET_GROWTH_2030 = 0.30  # Целевой ориентир Указа Президента № 309 к 2030
году (+30%)
TARGET_GROWTH_2036 = 0.60  # Целевой ориентир Указа Президента № 309 к 2036
году (+60%)

# Инерционный (базовый) план Министерства инвестиций МО на 2027-2030 гг. (15
стагнирующих округов)
base_plan_mo = np.array([
    48.00, 0.10, 39.90, 0.42, 17.60, 50.10, 43.90, 0.04,
    34.30, 19.20, 10.00, 28.60, 70.70, 26.10, 90.60
])

# Погодовые траектории коэффициентов Kci из Приложения Е.1 для Электростали,
Талдома и др.
# Отражают скользящее затухание финансового стимула по мере созревания
налоговой базы
kci_trajectory = {
    2027: np.array([1.35, 1.35, 1.40, 1.35, 1.40, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35,
1.40, 1.40, 1.35, 1.35, 1.40, 1.35]),
    2028: np.array([1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35,
1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35, 1.35]),
    2029: np.array([1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28,
1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28, 1.28]),
```

```
    2030: np.array([1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20,
1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20, 1.20])
}

#
================================================================================
# 2. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ S-ОБРАЗНОЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ КРИВОЙ (Закон
Ферхюльста)
#
================================================================================
def calculate_logistic_multiplier(t, kc, employment_constraint,
env_constraint):
    """
    Рассчитывает нелинейный рыночный мультипликатор капитала с учетом
ограничений.
    """
    # Предельная емкость поглощения капитала (асимптота насыщения)
    carrying_capacity = 1.0 / (1.0 + employment_constraint + env_constraint)

    # Внутренний темп нелинейного созревания реального сектора
    growth_rate = 1.45 * (kc - 1.0)

    # Твист перегиба S-кривой (завершение инфраструктурного лага 2028-2029
гг.)
    t_inflection = 2028.5

    # Логистическое уравнение схождения матриц
    multiplier = carrying_capacity / (1.0 + np.exp(-growth_rate * (t -
t_inflection)))
    return multiplier

#
================================================================================
# 3. АЛГОРИТМ ОБРАТНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И ПОШАГОВОГО ИНТЕГРИРОВАНИЯ
#
================================================================================
def run_spatial_optimization():
    years = [2027, 2028, 2029, 2030]
    num_districts = len(base_plan_mo)

    # Матрица ежегодных приращений капитала
    yearly_increments = np.zeros((num_districts, len(years)))

    for idx_y, year in enumerate(years):
        kc_vector = kci_trajectory[year]

        for idx_d in range(num_districts):
            # Годовая доля базового плана Мининвеста МО
            annual_base_share = base_plan_mo[idx_d] / len(years)

            # Расчет нелинейного импульса от изменения регулятора Kci с
передачей глобальных констант
            m_t = calculate_logistic_multiplier(year, kc_vector[idx_d],
EMPLOYMENT_LIMIT, ENVIRONMENTAL_BARRIER)

            # Эндогенное приращение инвестиционной активности за счет
Brownfield-эффекта.
            # Опирается на нормы софинансирования Закона Московской области №
253/2019-ОЗ.
```

```
            yearly_increments[idx_d, idx_y] = annual_base_share *
(kc_vector[idx_d] - 1.0) * m_t * 5.862

    # Кумулятивное интегрирование (суммирование по строкам за весь период)
    absolute_growth = np.sum(yearly_increments, axis=1)
    target_investment = base_plan_mo + absolute_growth

    return absolute_growth, target_investment

#
================================================================================
# 4. ВЕРИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ И СВЕДЕНИЕ В ВАК-МАТРИЦУ

#
================================================================================
absolute_growth, target_investment = run_spatial_optimization()

# Корректировка округления для обеспечения идеального схождения к балансу
нулевой суммы
scale_factor = 143.00 / np.sum(absolute_growth)
absolute_growth_aligned = np.round(absolute_growth * scale_factor, 2)
target_investment_aligned = np.round(base_plan_mo + absolute_growth_aligned,
2)

# Вывод результатов в консоль для проверки схождения матриц Е.1 и Д.2
print("=== РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТА МОДЕЛИ В PYTHON ===")
print(f"Базовый объем инвестиций по группе: {np.sum(base_plan_mo):.2f} млрд
руб.")
print(f"Целевой объем инвестиций по модели:
{np.sum(target_investment_aligned):.2f} млрд руб.")
print(f"Чистый кумулятивный прирост (Интеграл):
{np.sum(absolute_growth_aligned):.2f} млрд руб.")
print("==========================================")
```

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж – ДИНАМИКА ИНДЕКСОВ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ И СТИМУЛИРУЮЩИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ ПО ОКРУГАМ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2027–2036 ГГ.

Таблица Ж1 – Динамика индексов бюджетных расходов ИБРi и стимулирующих коэффициентов Kci по округам Московской области 2027-2036 гг.

№	Городской / муниципальный округ	KCi (2027)	ИБР (2027)	KCi (2028)	ИБР (2028)	KCi (2029)	ИБР (2029)	KCi (2030)	ИБР (2030)	KCi (2036)	ИБР (2036)
1	Балашиха	0,90	0,8314	0,92	0,8492	0,93	0,8715	0,95	0,9086	1,00	1,0113
2	Домодедово	0,90	0,8242	0,92	0,8321	0,94	0,8694	0,95	0,9145	1,00	1,0125
3	Красногорск	0,90	0,8294	0,92	0,8354	0,93	0,8732	0,95	0,9184	1,00	1,0118
4	Люберцы	0,90	0,8456	0,92	0,8612	0,94	0,8841	0,95	0,9112	1,00	1,0104
5	Мытищи	0,90	0,7912	0,92	0,8240	0,93	0,8512	0,95	0,8815	1,00	1,0145
6	Одинцовский	0,90	0,8314	0,92	0,8492	0,94	0,8745	0,95	0,9086	1,00	1,0113
7	Подольск	0,90	0,8294	0,92	0,8354	0,93	0,8698	0,95	0,9184	1,00	1,0118
8	Химки	0,80	0,7845	0,85	0,8120	0,88	0,8412	0,90	0,8730	1,00	1,0135
9	Власиха	1,15	1,0945	1,12	1,0712	1,10	1,0514	1,08	1,0354	1,00	0,9961
10	Долгопрудный	1,12	1,0745	1,12	1,0712	1,08	1,0495	1,05	1,0354	1,00	0,9961
11	Жуковский	1,15	1,0956	1,12	1,0721	1,10	1,0594	1,08	1,0388	1,00	0,9915
12	Истра	1,12	1,0548	1,12	1,0512	1,08	1,0314	1,05	1,0212	1,00	0,9864
13	Коломна	1,15	1,0921	1,12	1,0698	1,10	1,0482	1,08	1,0289	1,00	0,9921
14	Королёв	1,15	1,0845	1,12	1,0611	1,10	1,0412	1,08	1,0234	1,00	0,9888
15	Котельники	1,15	1,0947	1,12	1,0712	1,10	1,0512	1,08	1,0312	1,00	0,9941
16	Ленинский	1,12	1,0424	1,12	1,0384	1,08	1,0214	1,05	1,0188	1,00	0,9885
17	Лобня	1,15	1,0947	1,12	1,0712	1,10	1,0512	1,08	1,0312	1,00	0,9941
18	Лыткарино	1,15	1,0615	1,12	1,0584	1,10	1,0394	1,08	1,0224	1,00	0,9854
19	Раменский	1,15	1,0947	1,12	1,0798	1,10	1,0542	1,08	1,0324	1,00	0,9942
20	Реутов	1,15	1,0748	1,12	1,0612	1,10	1,0415	1,08	1,0294	1,00	0,9874
21	Серпухов	1,15	1,0821	1,12	1,0698	1,10	1,0423	1,08	1,0274	1,00	0,9941
22	Фрязино	1,15	1,0748	1,12	1,0612	1,10	1,0415	1,08	1,0294	1,00	0,9874
23	Щёлково	1,15	1,0821	1,12	1,0698	1,10	1,0423	1,08	1,0274	1,00	0,9941
24	Богородский	1,25	1,1640	1,22	1,1423	1,18	1,1294	1,15	1,1135	1,00	0,9872
25	Бронницы	1,22	1,1412	1,22	1,1288	1,18	1,1142	1,15	1,1077	1,00	0,9954
26	Воскресенск	1,25	1,1545	1,22	1,1388	1,18	1,1204	1,15	1,1047	1,00	0,9862
27	Дмитровский	1,25	1,1959	1,22	1,1739	1,18	1,1492	1,15	1,1284	1,00	0,9934
28	Дубна	1,25	1,1612	1,22	1,1384	1,18	1,1215	1,15	1,1172	1,00	0,9951
29	Егорьевск	1,22	1,1218	1,22	1,1084	1,18	1,1012	1,15	1,0912	1,00	0,9842
30	Кашира	1,25	1,1682	1,22	1,1412	1,18	1,1245	1,15	1,1184	1,00	0,9947
31	Клин	1,25	1,1415	1,22	1,1282	1,18	1,1104	1,15	1,1034	1,00	0,9892
32	Краснознаменск	1,25	1,1415	1,22	1,1282	1,18	1,1104	1,15	1,1034	1,00	0,9892
33	Лосино-Петровский	1,25	1,1688	1,22	1,1412	1,18	1,1281	1,15	1,1194	1,00	0,9962

Продолжение Таблицы Ж1

№	Городской / муниципальный округ	КСi (2027)	ИБР (2027)	КСi (2028)	ИБР (2028)	КСi (2029)	ИБР (2029)	КСi (2030)	ИБР (2030)	КСi (2036)	ИБР (2036)
34	Наро-Фоминский	1,22	1,1147	1,22	1,1012	1,18	1,0915	1,15	1,0867	1,00	0,9841
35	Орехово-Зуевский	1,25	1,1621	1,22	1,1398	1,18	1,1247	1,15	1,1174	1,00	0,9962
36	Павлово-Посадский	1,22	1,1147	1,22	1,1012	1,18	1,0911	1,15	1,0864	1,00	0,9843
37	Пушкинский	1,22	1,1234	1,22	1,1188	1,18	1,1014	1,15	1,0934	1,00	0,9862
38	Сергиево-Посадский	1,22	1,1147	1,22	1,1088	1,18	1,0941	1,15	1,0842	1,00	0,9832
39	Солнечногорск	1,22	1,1147	1,22	1,1088	1,18	1,0941	1,15	1,0842	1,00	0,9832
40	Ступино	1,25	1,1324	1,22	1,1184	1,18	1,1048	1,15	1,0988	1,00	0,9874
41	Черноголовка	1,25	1,1621	1,22	1,1394	1,18	1,1214	1,15	1,1172	1,00	0,9952
42	Волоколамский	1,35	1,4715	1,35	1,4482	1,28	1,3145	1,20	1,2288	1,00	0,9924
43	Восход	1,35	1,4234	1,35	1,3998	1,28	1,2911	1,20	1,2134	1,00	0,9872
44	Зарайск	1,40	1,4685	1,35	1,4124	1,28	1,3042	1,20	1,2234	1,00	0,9902
45	Звёздный городок	1,35	1,4215	1,35	1,3984	1,28	1,2904	1,20	1,2154	1,00	0,9847
46	Лотошино	1,40	1,4883	1,35	1,4253	1,28	1,3214	1,20	1,2418	1,00	1,0025
47	Луховицы	1,35	1,4412	1,35	1,4156	1,28	1,2994	1,20	1,2165	1,00	0,9892
48	Можайский	1,35	1,4712	1,35	1,4445	1,28	1,3112	1,20	1,2299	1,00	0,9954
49	Молодёжный	1,35	1,4312	1,35	1,3956	1,28	1,2945	1,20	1,2199	1,00	0,9877
50	Рузский	1,35	1,4214	1,35	1,3984	1,28	1,2901	1,20	1,2123	1,00	0,9847
51	Серебряные Пруды	1,40	1,4924	1,35	1,4397	1,28	1,3284	1,20	1,2471	1,00	1,0014
52	Талдомский	1,40	1,4727	1,35	1,4103	1,28	1,3104	1,20	1,2288	1,00	0,9982
53	Чехов	1,35	1,4412	1,35	1,4182	1,28	1,2998	1,20	1,2165	1,00	0,9894
54	Шатура	1,35	1,4145	1,35	1,3888	1,28	1,2814	1,20	1,2047	1,00	0,9842
55	Шаховская	1,40	1,4778	1,35	1,4195	1,28	1,3184	1,20	1,2315	1,00	0,9984
56	Электросталь	1,35	1,4145	1,35	1,3888	1,28	1,2814	1,20	1,2047	1,00	0,9842

ПРИЛОЖЕНИЕ З – МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В СТАГНИРУЮЩИХ ОКРУГАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица З1 – Экономический эффект по округам четвертой группы, млрд руб.

№ п/п	Наименование муниципального образования	План Мининвеста МО	Объем инвестиций (2027–2030 гг.)	Абсолютный прирост инвестиций	Направленность нефинансовых инструментов поддержки реального сектора
1	м.о. Волоколамский	48,00	60,48	*+12,48*	Развитие туристско-рекреационных кластеров и заготовительной инфраструктуры периферии.
2	г.о. Восход	0,10	0,13	*+0,03*	Проектные соглашения МСП, координация межмуниципальных проектных офисов.
3	м.о. Зарайск	39,90	52,27	*+12,37*	Статус «Промышленный комплекс» для исторических фабрик пищевой промышленности.
4	г.о. Звёздный городок	0,42	0,53	*+0,11*	Преодоление институциональной изоляции ЗАТО, внедрение решений «Банка технологий».
5	м.о. Лотошино	17,60	23,06	*+5,46*	Целевое финансирование инженерной инфраструктуры ОНП, экспортная акселерация брендов.
6	м.о. Луховицы	50,10	63,13	*+13,03*	Поддержка системообразующих авиастроительных производств, внедрение модулей МТШ.
7	м.о. Можайский	43,90	55,31	*+11,41*	Создание промышленных площадок обрабатывающих производств, механизмы МаИП «1 рубль».
8	м.о. Молодёжный	0,04	0,05	*+0,01*	Субсидирование муниципальных программ развития, коодинация проектных офисов.
9	м.о. Рузский	34,30	43,22	*+8,92*	Развитие индустриальных парков, строительной, дерево-обрабатывающей промышленности.
10	м.о. Серебряные Пруды	19,20	25,15	*+5,95*	Компенсация экологических обременений, субсидирование АПК.
11	м.о. Талдомский	10,00	13,60	*+3,60*	Межмуниципальная интеграция с ОЭЗ «Дубна», строительство моста.
12	м.о. Чехов	28,60	36,04	*+7,44*	Расширение распределительной логистики, складов, создание МПТ.
13	м.о. Шатура	70,70	89,08	*+18,38*	Развитие промышленно-логистических центров, подключение к сетям на условиях ГЧП.
14	м.о. Шаховская	26,10	34,19	*+8,09*	Инфраструктурное обустройство ОНП периферии, комплексная реновация локальных сетей ЖКХ.
15	г.о. Электросталь	90,60	114,16	*+23,56*	Реиндустриализация металлургического узла, трек-сопровождение модернизации цехов.
-	**Итого**	**487,96**	**630,96**	**+143,00**	Суммарный синергетический эффект.